

Министерство образования и науки Российской Федерации

Южный федеральный университет

Институт социологии и регионоведения

Материалы конференции

**«ТЕХНОЛОГИИ МИРА
НА ЮГЕ РОССИИ И КАВКАЗЕ»**

Ростов-на-Дону – 2016

ББК 66.4(2Рос)

Т-38

Рецензенты:

Тенов Тимур Залимханович – к.ю.н., доцент

Хачецуков Заур Махмудович – к.ф.н., доцент

Черноус Виктор Владимирович – к.полит.н., профессор

Материалы публикуются в авторской редакции

Т-38 Технологии мира на Юге России и Кавказе. Материалы международной конференции. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования. 2016. 129 с.

В сборник включены материалы лучших докладов и выступлений участников международной научной конференции «Технологии мира на Юге России и Кавказе». В статьях раскрываются вопросы межэтнических отношений, религиозного экстремизма, терроризма, радикального исламского движения, международных отношений и национальной безопасности на Кавказе и Юге России. Конференция организована в рамках реализации гранта РГНФ № 16-33-01131 «Социальные и гуманитарные технологии профилактики и противодействия агрессии, экстремизму и терроризму на Юге России в контексте геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе»

Сборник рекомендован всем, кто интересуется данной проблематикой.

ISBN 978-5-9909465-5-2

© Авторы, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Анисимов С.А., Красников А.Е. Терроризм на юге России. Борьба с терроризмом	5
Бедрик А.В. Профилактика ксенофобии и экстремизма в российской системе образования: проблемы и перспективы	9
Белоусов В.М. Непризнанные государства в контексте геополитической экономики	13
Бештоков М.В. Компьютерно-интерактивная социальная система: сетевой экстремизм и гармонизация межэтнических отношений	20
Бугаев Ф.Н., Трегубов К.А. Основные принципы и методы вербовки в ИГИЛ	23
Верещагина А.В., Загирова Э.М. Этнически смешанные браки на Северном Кавказе в свете смены парадигмы межэтнических отношений	27
Данелюс Д.В., Серикова И.Б. Конфликтогенный потенциал межконфессиональных и межэтнических процессов в поликультурном регионе	30
Добаев И.П. «ДАИШ»: эволюция развития радикального исламистского движения	36
Дыкань Д.В. Исламские неопиты в современном русском обществе	42
Еияс Аль-Хатиб Терроризм угроза обществу. Терроризм и экстремизм на Юге России и Большом Кавказе	47
Карягина А.В. Перспективы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации	54
Ковалев В.В. Негативное влияние стереотипов на процесс социальной коммуникации на Кавказе и Юге России	60
Краснов В.П. КОБ о террористической глобальной угрозе	65
Куценко М.В. Противодействие вербовке в ИГИЛ молодёжи Юга России	72
Марутян С.Т., Марутян А.Т. Два уровня толерантных отношений: номинальная и глубокая толерантность	76
Нор-Аревян О.А. Социальное самочувствие студенческой молодежи как индикатор социального поведения	79
Петров Р.В. Миграционные процессы в контексте национальной безопасности на Юге России	85
Писарева Д.Г. Воздействие процесса информатизации на современного общество	89
Полякова О.В. Влияние глобализации на мир и безопасность на Юге России и Кавказе	93

Фетисова О.В. Основные критерии и механизмы формирования этнической толерантности на Северном Кавказе	96
Филимонова М.А. Эндогенные факторы подпитки современного терроризма на Юге России	102
Черевков О.С. Конструирование национально-государственной идентичности как ответ идеологии радикального ислама	107
Чигрин В.А. Социальные индикаторы гармонизации межэтнических отношений в Республике Крым	111
Шевченко О.М. Технологии предупреждения межэтнических конфликтов на юге России	117
Щукина Е.Л. Религиозный экстремизм как угроза миру на Юге России: меры профилактики	123

Терроризм на юге России. Борьба с терроризмом

С.А. Анисимов, А.Е. Красников

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Терроризм, т.е. применение политики террора, заключающегося в устрашении мирного населения, физическом насилии, стал частым явлением на Юге России, особенно на территории Северного Кавказа. Эта проблема всегда была актуальной для этого региона, однако именно в последнее время, с возникновением террористической группировки «Исламское государство Ирака и Леванта» (запрещена на территории РФ) количество террористических актов на территории России, в частности на территории Северного Кавказа, значительно возросло.

По данным статистики МВД, в текущем году число преступлений террористического характера в России увеличилось почти вдвое. С января по декабрь 2016 года зарегистрировано более 2-х тысяч таких преступлений. За аналогичный период прошлого года зафиксировано более 750 преступлений террористического характера и около 740 преступлений экстремистской направленности (соответственно на 43% и 11% меньше, чем в 2016 году). Нельзя не отметить следующие крупные катастрофы:

31 октября. Катастрофа А321 над Синайским полуостровом. В результате заложенной в самолёт бомбы потерпел крушение Airbus А321. Все 217 пассажиров и 7 членов экипажа погибли. Ответственность за теракт взяло на себя руководство «ИГИЛ».

29 декабря. Обстрел Дербентской крепости. В результате обстрела туристов из автоматического оружия группой террористов погиб один человек и ещё 11 получили ранения. Ответственность за теракт взяло на себя руководство «ИГИЛ».

Ситуация с терроризмом на территории Юга России оставляет желать лучшего. С 00:00 16 апреля 2009 года на территории Чечни режим контртеррористической операции официально был отменён, что считается окончанием Второй чеченской войны. Однако конфликт не прекратился, более того – имеются признаки его эскалации и распространения на всю территорию Северного Кавказа. Режим КТО время от времени вводится до сих пор.

Каковы же причины такой нестабильной ситуации в регионе? Исторически самой общей причиной возникновения вооруженных конфликтов в приграничной зоне является соперничество государств за право лидерства в том или ином регионе, взаимные территориальные претензии,

стремление того или иного государства навязать военный или экономический контроль над другим.

Вооруженные конфликты происходят на религиозной почве, принимают форму религиозного противоборства, религиозной экспансии. Особенно отчетливо проявляет себя исламский фактор с присущим ему экстремизмом и агрессивностью. Об этом свидетельствуют события в Чечне. Мусульманский мир, как известно, с 70-х годов переживает подъем фундаментализма, что умело используется как внутренними, так и внешними силами для разжигания межнациональной вражды внутри Российской Федерации. Самая взрывоопасная обстановка сложилась на Северном Кавказе. Этот регион стоит перед реальной угрозой новых вспышек вооруженных конфликтов на основе осложнения межнациональных и религиозных отношений. [1]

Одной из важнейших причин развертывания очередного конфликта на Севере Кавказа стало формирование отделения террористической группы ИГ под названием «Виляят Кавказ». 23 июня 2015 представитель ИГИЛ Абу Мухаммад аль-Аднани принял эти заявления и объявил о создании нового Виляята, на этот раз на Северном Кавказе. Аднани назвал Асельдерова лидером Виляята и обратился к другим боевикам в регионе, чтобы те следовали за ним. Группировка взяла на себя ответственность за своё первое нападение на российскую военную базу в южном Дагестане, с. Магарамкент 2 сентября 2015. В видео, также выпущенном в сентябре, Асельдеров обратился к сторонникам ИГИЛ на Кавказе с просьбой уходить в лес вместо того, чтобы ехать в Ирак и Сирию.

Объектом пропаганды одинаково часто становятся лица обоих полов, а целевая аудитория вербовщиков, действующих в основном через социальные сети, – молодые люди, средний возраст которых – 23 года. Группировка, по данным Марианны Кочубей (д.ю.н., профессора Московского университета МВД России), активно вербует военных специалистов, лингвистов и переводчиков.

Севиля Новрузова, руководитель Центра по примирению и согласию в Южном Дагестане, отмечает учащение случаев ухода молодёжи в ряды «Исламского государства». Описывая завербованных, она отмечает, что их возраст колеблется от 17 до 40 лет, причем зачастую «это образованные, даже обеспеченные, уверенные в себе люди».

Вербовщики широко используют социальные сети, внимательно изучая профили пользователей, выкладываемые фотографии и комментарии, на основе которых производятся психологические расчёты и ведётся «очень

точечное воздействие на человека», включающее и рассылку роликов, и переписку с последующим контактом.

В Сирии на стороне ИГ сражаются 4,7 тысячи человек – уроженцев России и СНГ, заявили эксперты оказывающей консультационные услуги по безопасности американской компании SoufanGroup. Результаты исследования в декабре 2015 года были опубликованы в докладе "Иностраные боевики. Обновленные оценки притока иностранных боевиков в Сирию и Ирак".[2]

27 июля 2016 года глава ФСБ Александр Бортников заявил, что в международный розыск объявлено свыше 260 человек, которые, пребывая за рубежом, готовят теракты в России и других странах. Также на контроле спецслужб в России находятся свыше 220 потенциальных псевдошахидов.

По мнению обозревателя "Коммерсанта" Мусы Мурадова, основная часть чеченцев, участвующих в вооруженном конфликте в Сирии, приехали из Европы, получив первоначальную идеологическую обработку в Интернете. "Часть из них попадает с территории Северного Кавказа через Турцию, а часть людей попадает из Европы. Это люди, которые родились в западных странах, родители которых много лет назад перебрались туда как беженцы".

Как заметил Мурадов, студенты исламских учебных заведений в меньшей степени подвержены влиянию исламистской риторики.

Этот же тезис всячески отстаивает глава Чечни Р.Кадыров, заявляя, что чеченцы направляются на войну в Сирию и Ирак не только из самой Чеченской Республики, то есть с территории РФ, но и из многочисленной чеченской зарубежной диаспоры. Его слова подтвердились задержанием в августе 2014 года в Австрии девяти чеченцев, имеющих статус беженца, которые собирались отправиться на войну на Ближнем Востоке.[3]

Какие же методы борьбы с терроризмом используются на юге России? Прежде всего, стоит отметить, что подобные меры подразделяются на множество категорий: информационно-образовательные, технические, идеологические, физические.

Во-первых, в целях противодействия вербовщикам 1 августа 2015 года Общественная палата Российской Федерации открыла горячую линию для помощи тем, кто имеет родных и близких, попавших под воздействие радикальной пропаганды. Кроме того, 7 декабря 2015 года Антитеррористический центр СНГ и Общественная палата представили журналистам брошюру, предназначенную для родителей и педагогов, составители которой постарались максимально просто и кратко изложить признаки, позволяющие определить, что подросток попал в сети вербовщиков. Брошюра содержит конкретные рекомендации о том, как вести себя в такой ситуации. Как сообщает ТАСС, программный комплекс «Демон

Лапласа», первоначально задуманный для мониторинга и прогнозирования акций протеста, программисты дополнят функциями поиска каналов распространения контента вербовщиков «Исламского государства».

Во-вторых, Ростислав Прокопишин, научный сотрудник Центра экстренной психологической помощи Московского городского психолого-педагогического университета, заявил о необходимости ведения, по сути, контрпропаганды, которая содержала бы «альтернативу идеологии вербовщиков».

В-третьих, закон Яровой (или пакет Яровой) – два законопроекта, декларировавшие их авторами как имеющие антитеррористическую направленность, были приняты в России в июле 2016 года. В СМИ и общественных дискуссиях закон стали называть именем одного из его авторов – Ирины Яровой.

Также стоит отметить, что власти РФ проводят большое количество антитеррористических операций на территории юга России. Возможным решением данной проблемы может стать повышение уровня жизни в данном регионе. Необходимо проводить активные мероприятия по улучшению качества образования и здравоохранения. Повышение дотаций регион приведет к восстановлению постоянной разрушаемой инфраструктуры, а также позволит решить проблемы с бедностью, неграмотностью.

Таким образом, ситуация на территории Юга России и Северного Кавказа остается неоднозначной. Несмотря на огромные усилия со стороны власти, количество террористических актов лишь возрастает, как и число уроженцев Юга России, присоединившихся к ИГ. Это проблема не только регионального, но и федерального, а может и мирового масштаба, которая при отсутствии решительных действий со стороны государства может привести к серьезным, катастрофическим последствиям. Таким образом, государству и представителям регионов необходимо проводить активные меры по борьбе с терроризмом.

Литература

1. Саид Амиров, «причины возникновения и пути разрешения межнациональных конфликтов на Северном Кавказе»
2. "Кадыров против "Исламского государства" // Газета.ру, 3.09.2014.
3. На Кавказе задержаны десятки воевавших в ИГИЛ россиян // Агентство гражданской журналистики "Ридус", 14.10.2015 г.

Профилактика ксенофобии и экстремизма в российской системе образования: проблемы и перспективы

А.В. Бедрик

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В условиях поликультурной структуры российского общества возрастает актуальность профилактики различных форм национальных и религиозных ксенофобий, выступающих благоприятной средой распространения национализма и экстремизма. В эту деятельность должны быть вовлечены все субъекты социализации, в том числе институт образования. В деятельности всех уровней организаций российской системы образования должна усиливаться работа по этнокультурному просвещению. Этнокультурное просвещение выступает инструментом формирования знаний об особенностях истории, традиций и культуры различных народов, их самобытности, конструирование многомерной этнической картины мира и, как следствие, пропаганду толерантности и сотрудничества на основе общечеловеческих ценностей, цивилизационных универсалий [1; с.88]. В этом случае образование может использовать потенциал учреждений культуры, интегрировать их в свою деятельность.

Внедрение этнокультурного просвещения и реализации приоритетных направлений российской национальной политики посредством института образования сталкивается с тремя группами трудностей. Во-первых, выделение в структуре всех уровней образования специального места для дисциплин, ориентированных на этнокультурное просвещение. В системе общего среднего образования единственными каналами, которые могут быть использованы в данном ключе, являются дисциплины гуманитарной направленности: история, литература, обществознание. Однако, учитывая обширный программный материал данных курсов, реализация мероприятий по этнокультурному просвещению за их счет сталкивается с непониманием или противодействием со стороны педагогических коллективов, и потому приобретает зачастую формализованный характер. Тем более это касается уровня профессионального образования, где с введением новых образовательных стандартов существенно сократилась доля дисциплин общекультурной и гуманитарной направленности [2; с.26].

Во-вторых, методическое обеспечение мероприятий этнокультурного просвещения. Многочисленные учебники и учебные пособия по этнологии, этнографии, культурной антропологии и т.д. имеют академический характер и зачастую ориентированы исключительно на профессиональную аудиторию.

Соответственно они не могут быть использованы для решения просветительских целей в масштабах всего общества, всех уровней образования и его направлений. Как и в вопросе о подготовке единого учебника по истории России этнокультурное просвещение требует создание специального методического ресурса, который бы содержал как базовый теоретический и исторический материал, так и комплекс визуальной информации об особенностях материальной культуры народов, их расселении, памятников духовной культуры и т.д. Попытки создания такого рода ресурсов предпринимаются усилиями коллектива Института этнологии и антропологии РАН под руководством В.А. Тишкова. Так была выпущена серия научно-популярных и учебно-методических работ этнопросветительской направленности: «Народы России. Атлас культур и религий» [3], «Основы духовно-нравственной культуры народов России» [4], «Российский народ» [5]. Однако данные издания не получили широкого распространения в системе российских школ и профессиональных образовательных учреждений, имели небольшой тираж, содержали крайне ограниченный иллюстрационный материал.

В-третьих, кадровое обеспечение этнокультурного просвещения в системе российского образования. Большая часть педагогического состава российских школ не готова к реализации данных программ, не обладает необходимым набором профессиональных компетенций. Педагогические кадры старшей возрастной группы в период их профессиональной подготовки не сталкивались с такого рода задачами, формулируемыми государством, а педагогическая молодежь получала или получает свое профессиональное образование в условиях сокращения объема аудиторной работы и реестра преподаваемых дисциплин. Без решения кадровой проблемы реализация программных целей в сфере государственной национальной политики через институт образования становится невозможной и может произвести обратный эффект (трансляция этнических стереотипов, разжигание национальной розни и т.п.).

Решение обозначенных трудностей требует от современной системы образования следующего комплекса мер. Во-первых, включение в перечень обязательных дисциплин средней и высшей школы курса «Культуры межнационального общения», ориентированного исключительно на задачу этнокультурного просвещения. Обязательность дисциплины повысит статус данной проблематики как в глазах обучающихся, так и в среде педагогического сообщества. Южный федеральный университет имеет соответствующий позитивный опыт обязательной реализации курса этнопросветительской направленности: в период с 1997 по 2013 гг. на

факультетах, реализующих программы педагогической и психолого-педагогической подготовки, осуществлялось преподавание дисциплины «Регионоведение и культура межнационального общения». Данный опыт получал положительные отзывы студентов, продолжал развитие в их научно-исследовательской работе и социальных проектах [6; с.18]. Во-вторых, создание методического обеспечения на основе интегрированного электронного ресурса, размещенного в интернет-пространстве под эгидой Министерства образования и науки РФ. Электронный ресурс позволит сделать учебный материал более доступным и популярным, сопроводить его необходимым объемом визуального материала (фото и видео), облегчит задачу распространения, создаст возможность для регулярного обновления, позволит учесть региональные особенности в преподавании соответствующей дисциплины. В-третьих, решение кадровой проблемы в состоянии решить система дополнительного профессионального образования. Так в Ростовской области в соответствии с поручением губернатора В.Ю. Голубева в 2016 году на базе ведущих образовательных учреждений высшего образования были реализованы курсы повышения квалификации учителей донских школ по программе «Формирование нетерпимого отношения к проявлениям радикализма у обучающихся в образовательных организациях Ростовской области». Однако участие в программе приняли менее сотни слушателей, что принципиально не решает проблему дефицита профессиональных кадров на региональном уровне даже в масштабе общего образования.

Расширение подобной практики должно сопровождаться углублением сотрудничества учреждений образования с институтами гражданского общества: национально-культурными объединениями и традиционными религиозными общинами. Привлечение лидеров и активистов национальных объединений коренных народов России и диаспор к участию в мероприятиях этнокультурной направленности является наиболее доступным и эффективным инструментом профилактики ксенофобии и, как следствие, гармонизации межэтнических отношений. Так в Ростовской области в 2016 году в соответствии с Приказом Министерства общего и профессионального образования Ростовской области от 14 апреля 2016 года №256 получил поддержку образовательный этнокультурный проект «150 культур Дона». Инициатива данного проекта была поддержана Президентом РФ В.В. Путиным на Межрегиональном форуме Общероссийского общественного движения «Народный фронт «За Россию». Основной целью проекта является разработка и внедрение в практику работы образовательных организаций Ростовской области методов и технологий этнокультурного образования.

Несмотря на это, социологические исследования фиксируют высокий уровень скептицизма в общественных настроениях жителей г. Ростова-на-Дону в оценке участия институтов образования в гармонизации межэтнических отношений [7]. Недоверие к образованию не только не снимает тех задач, которые сформулированы перед данным институтом нормативно-правовыми документами Российской Федерации, но еще более актуализирует потребности в разработке более эффективных мер интеграции образования в мероприятия государственной национальной политики России. Данные меры должны сопровождаться широким информированием населения через СМИ о задачах и ценности этнокультурного просвещения, популяризацию идей межнациональной дружбы и сотрудничества [8]. Вне информационного сопровождения решить какую-либо общегосударственную задачу в условиях постиндустриального общества невозможно. В настоящее время образование выступает в роли заложника, а не субъекта национальной политики: на него возложена ответственность, но до сих пор не предоставлено инструментов, чтобы сделать работу системной и потому более эффективной. Необходимость внедрения этнокультурного просвещения в практику деятельности всех уровней российского образования объясняется еще и тем, что в условиях высокой интенсивности миграций и этнодемографических трансформаций у современного человека должна сформироваться коммуникативная адаптивность к постоянно меняющимся условиям поликультурной среды. Данное качество нейтрализует риски стресса от соприкосновения с другими культурами, который зачастую выступает фундаментом этнофобий и установок на этническую изоляцию.

Литература

1. Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культура, идентичность и национальная безопасность России: Монография. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2015. 306 с.
2. Баршай В.М., Бедрик А.В., Белавкина М.В. Формирование гражданственности как цель образовательной политики российского государства // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2015. №12. С.25-31.
3. Народы России. Атлас культур и религий / Ред. В. Тишков, А. Журавский, О. Казьмина. .: Дизайн. Информация. Картография, 2008. 256 с.
4. Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы религиозных культур и светской этики. 4-5 класс. Книга для учителя / Ред. Ред. В. Тишков, Т. Шапошникова. М.: Просвещение, 2013. 240 с.

5. *Тишков В.А.* Российский народ. Книга для учителя.: Просвещение, 2010. 191 с.
6. Жить в мире культурного многообразия. Учебно-методическое пособие для учителей школ и преподавателей вузов / Под науч. ред. проф. Денисовой Г.С., доц. Шурыгиной Е.Г. Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования», 2015. 190 с.
7. *Бедрик А.В., Сериков А.В.* Крупный южнороссийский город как среда межэтнического взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону) // Социально-гуманитарные знания. 2016. №11.
8. *Zorina A.V., Vygodchikova N.N., Gatin R.G., Nazmutdinova M.A., Gerasimova O.Y.* Multicultural Education of Multi-Ethnic Students at the Foreign Language Class // International Journal of Environmental and Science Education - IJESE. Vol. 11. Issue 18. November, 2016. Pp. 10817-10827.

Непризнанные государства в контексте геополитической экономики

В.М. Белоусов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Термин геополитическая экономика в данной статье употребляется как совмещенные по смыслу геополитика и геоэкономика в их междисциплинарном единстве. Основной причиной появления геополитической экономики является глобализация, которая привела к выходу функционирования национальных хозяйств за пределы государственных границ, международным разделением труда транснациональными структурами по принципу «много государств – один рынок». Как пишет один из исследователей вопроса «геоэкономическая власть диктует миру свои правила игры, геополитика их «оправдывает», а военная мощь «защищает», дипломатия из области искусства переходит на уровень технического оформления реального экономического передела мира» [1].

Другие авторы также отмечают, что «геоэкономика может ставить перед собой и чисто политические задачи, например, повышение собственной роли государства, его господства и влияния в мире [2, С. 43].

В орбиту геополитической экономики попадают и такие субъекты мировых и национальных противоречий как «непризнанные государства».

Непризнанные государства – это общее название государственных образований, которые, обладая всеми признаками государственности, не имеют международного признания и не могут выступать в качестве субъекта

международных отношений.

Непризнанные государства – политический феномен, возникший после Второй мировой войны вследствие неразрешимого противоречия двух основополагающих норм международного права – права наций на самоопределение и принципа нерушимости границ. Непризнанные государства представляют собой самопровозглашённые государственные образования, отделившиеся от своей бывшей страны вооружённым путём. Они не являются членами ООН и других международных организаций, при этом почти всегда пользуются покровительством какой-либо «признавшей» страны или группы стран.

Непризнанные государства европейской периферии и пограничья по многим параметрам являются полноценными государствами. Можно говорить о давно сформированных и функционирующих институтах публичной власти, механизмах ее формирования (прежде всего выборы), целом ряде политических и правовых институтов, которые наличествуют в каждом независимом государстве: армия, силы правопорядка, собственная система права, гражданство. На перечисленных территориях существуют свои экономические комплексы, собственные финансовые и налоговые системы.

Целесообразно изучать непризнанные государства в контексте конфликтов, в результате которых они возникли. Такой подход позволяет свести к минимуму издержки, связанные с анализом перспектив развития подобных государственных образований, сохраняя контекст исследуемого феномена. Рассматривая этнический вооруженный конфликт, порождением которого становится то или иное независимое государство, можно выявить особенности каждой ситуации, прогнозировать перспективы изменения статуса непризнанного государства. Объединение возможностей неинституционального анализа и теории конфликтов создает фундамент для новой интерпретации процессов институционализации этнических противоборств и расширяет набор аналитических средств для сравнительного исследования отдельных примеров непризнанных государств.

На основе анализа ряда посвященных этой проблеме материалов и эмпирических данных разумно выделить несколько основных параметров комплексного рассмотрения феномена непризнанного государства. Среди них можно назвать:

- историю возникновения непризнанного государственного образования, описание этнического конфликта и основных этапов его развития;
- эффективность переговорного процесса, посредничества, планов

мирного урегулирования;

- формирование государственности и хозяйственного комплекса непризнанных государственных образований;

- особенности политического устройства, степень его демократичности;

- наличие или отсутствие реальных возможностей для возвращения непризнанного государственного образования в состав государства, от которого оно отделилось;

- шансы для существования в качестве независимого государства;

- заинтересованность и возможность внешних сил изменить или законсервировать статус непризнанного государственного образования.

. Непризнанные государства появляются из-за отсутствия правовой преемственности с предшествующими государственными образованиями. Условно по способу возникновения их можно разделить на:

- Государства, образовавшиеся в результате революций. Например: государства, возникшие после Октябрьской революции 1917 года в России; Франция после Великой Французской революции 1789 года, Голландская республика с 1580 по 1648 годы.

- Государства, образовавшиеся (в том числе после революций и национально-освободительной борьбы) как реализация права на самоопределение и сепаратизма путём сепарации или в результате распада государства, в которое эти территории входили ранее. Например, к их числу относят самопровозглашённые государства, то есть те, что специальной декларацией, законом или межгосударственным договором заявили о своей независимости: США после провозглашения независимости в 1776 году; государства, провозгласившие независимость и государственный суверенитет после распадов Австро-Венгрии, Османской империи, СССР, Югославии, Чехословакии и т. д. Как правило (за исключением некоторых случаев, когда распад происходит одномоментно), они не сразу получают международно-правовое признание.

- Государства, образовавшиеся в результате послевоенного разделения. Например: Германская Демократическая Республика и Федеративная Республика Германия; Корейская Народно-Демократическая Республика и Республика Корея; Демократическая Республика Вьетнам и Государство Вьетнам, Китайская Народная Республика и Китайская Республика. Такие государства первоначально не признают друг друга.

- Государства, возникшие в результате получения бывшими колониями независимости от метрополии также в результате национально-освободительной борьбы или распада самих метрополий.

- Государства, возникшие из-за внешнеполитических игр признанных государств. Например: буферные государства и государства-сателлиты: Дальневосточная Республика, Маньчжоу-го и др., синоним – марионеточное государство: Независимое государство Хорватия, Балтийские страны после смены государственного строя в июле 1940 года и др., а также так

называемые бантустаны.

В международно-политической практике проблема непризнанных государств была поставлена давно. Некоторые современные государства переживали периоды непризнания, иногда длившиеся многие годы. Международно-правовое противоречие между правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности государств делает возможным постоянное появление все новых государственных образований.

На политической карте мира существует около 120 непризнанных государств, которые провозглашены на территории почти 60 стран.

Некоторые из них существуют де-факто, но де-юре не признаны в полной мере международным сообществом (остров Тайвань), некоторые, наоборот, признаны, но не имеют собственной территории (Палестина, Сахарская Арабская Демократическая Республика – Западная Сахара), некоторые признаны лишь отдельными странами или региональными организациями, где имеют свои представительства.

Непризнанные государства появляются, как правило, в районах действия сепаратистских движений в многонациональных странах, или как результат изменения государственных границ, «разрезавших» ареалы проживания этносов.

С позиций геополитики Российская Федерация может использовать следующие стратегии по отношению к непризнанным государствам, расположенным на пространстве Черноморско-Каспийского региона.

Во-первых, стратегия одностороннего признания и даже, возможно, присоединения Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, ДНР и ЛНР. Это гипотетический вариант, хотя, возможно и имел бы поддержку населения (по типу Крымского сценария). При этом на международном уровне Россия не может получить поддержки стран-членов ООН из-за опасности прецедента для других стран с подобными ситуациями (например, Китай и Индия). Присоединение данных территорий усилило бы проимперские настроения в России и как бы даже начальный толчок к возрождению большой России, реализацию права наций на самоопределение.

Во-вторых, противоположный сценарий заключается в соблюдении принципа «Территориальной целостности» в духе хельсинских соглашений (1975 г.). Но всё дело в том, что «нерушимость границ» была уже нарушена в процессе СССР, а затем Югославии и не только. Поэтому сохранение целостности несет в себе в контексте современных реалий черты «двойных стандартов» и используется геополитиками в своих «прогосударственных» умозаключениях и дискуссиях.

В-третьих, стратегия конкретно-исторического «индивидуального подхода, что является реальностью и на данном отрезке истории самосложившимся обстоятельством. Форма этого сосуществования – «замороженный конфликт»».

Существует принцип: «Когда действуют два равных права – вопрос решает сила». Вот почему в свою очередь включается геополитическая проблема – безопасность и лимитрофа.

Весьма важным в аспекте безопасности является появившиеся в последние годы непризнанные государства, как бы окружившие Юг России с Запада и Юга (Приднестровье, Новороссия, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах).

Непризнанное государство – протогосударственное политическое образование, имеющее определенную контролируемую территорию, лояльное население, функционирующие органы публичной власти, лишенное международно-правового признания.

Причинами возникновения являются непримиримые национальные и религиозные противоречия между государством и его частью, и народами, коллизии в международном праве, противоречия между суверенитетом государства и народа. Важным условием формирования является государство-протектор.

Таким образом, можно выявить общие черты данных государств и их участия в обеспечении безопасности: 1) непризнанные государства ЧКР имеют важные стратегические положения для своих «больших» союзников; 2) получили независимость с помощью своих «больших» союзников и финансируются ими же; 3) получают военную помощь, техническое обеспечение комсостава в странах-союзниках; 4) их армии используются как вспомогательные соединения, на территории, как правило, имеется союзническая военная база; 5) армии имеют опыт ведения военных действий на определенной местности; 6) участвуют в обеспечении безопасности как несамостоятельные элементы, руководимые «большими» союзниками.

С позиции безопасности России наличие непризнанных государств является в геополитическом плане положительным, ибо усиливает возможности страны влиять на мировую (региональную) геополитику. Геоэкономический подход свидетельствует о затратности для России этих своеобразных лимитрофов на ее границах, так как их экономика в значительной степени подпитывается из ресурсов России [3] (Баженова, 2015).

Такая диалектика безопасности диктует в текущем периоде времени

замораживание конфликтов. Однако теперь на карте появилось ещё одно разорённое и в этом случае как бы полунепризнанное государство - Сирия. «Война в Сирии, которая пришла на смену войне на Юго-Востоке Украины, стоит России примерно \$1 млн. в день и, по разным оценкам, совокупно обойдётся в 1 млрд. долл. Цена аннексии Крыма и поддержки сепаратистов на Донбассе - 100 млрд, долл., но окончательный счёт определится в ближайшие десять лет».

Таблица 1
Источник: Ukraine.d3.ru-750766

Непризнанные республики: нищета и пустоши

		Приднестровье	Абхазия	Южная Осетия	ДНР	ЛНР
Население	Перед конфликтом	712,500	525,061	87,375	2,380,000	1 510 431
	Сейчас	513,402	240,705	70,000	1,356,000	919,700
Сколько мирных жителей были убиты во время военного конфликта в разное время		2000	5500		7000	
Средняя зарплата		180\$	190\$	80\$	90\$	70\$
Пересечение границы		Ни одна развитая страна в мире не признает паспорта для выезда за границу граждан из этих непризнанных республик				
Международные инвестиции		0\$				

Усиливают ли самопровозглашённые, непризнанные, полупризнанные и т.д. «государства», сопредельные Югу России его и самой России конкурентоспособность?

Ответом на это будет уже упоминавшееся нами диалектическое противостояние между геополитикой и геоэкономикой. Для России, по общему признанию, характерна сильная геополитика более слабая геоэкономика в силу того, что сама Россия до сих пор не оправилась от Беловежского самопровозглашения после решения Съезда Нардепов 12 июня 1990 года [4].

Что же касается собственного геоэкономического аспекта непризнанных государств на пространстве ЧКР, то здесь «позиции» России несут бремя иждивенчества. Рассмотрим таблицу по непризнанным

гособразованиям, сделанную для Украины одним американским агентом - сам заголовок которой (Таблицы) был таким: непризнанные республики: нищета и пустошь.

Названные республики кредитуются, а часто и просто финансируются за счёт средств российского бюджета. Благодарность жителей таких непризнанных субъектов вызывают гуманитарная помощь, дотации в образование, культуру, пенсионное обеспечение, восстановление коммуникаций и сетей жизнеобеспечения. Так вице-премьер Рагозин в мае с. г. в Тирасполе по случаю Дня Победы напомнил о гуманитарной помощи в размере более одного миллиарда рублей, кроме того пенсионеры ПМР получают российскую прибавку в 15 долларов [5].

• На встрече с лидером Абхазии Р.Хаджимбой было объявлено, что Абхазия получит от России 3,7 млрд, рублей в рамках инвестиционной программы развитие на 2016 год [6].

Поддержка ДНР в части российской помощи составила 150 млрд, рублей за год [7,8].

По просьбе газеты «Труд» аналитики центра анализа стратегий и технологий (АСТ) подсчитали, что один день войны в Южной Осетии стоил для России 2,5 млрд, рублей. Война длилась 5 дней .

Этот перечень можно продолжить, но автор не ставил целью подсчитать все расходы по НПГ (непризнанным государствам) ЧКР. Однако оценочно можно говорить о десятках миллиардов рублей в год на протяжении ряда лет.

Таким образом, геэкономические интересы стоят для России заметных расходов, а геополитические интересы удовлетворяются весьма положительно. В этом и состоит диалектика геополитической экономики для НПГ ЧКР.

Литература

1. *Барышников Д.Н.* Международный терроризм в условиях глобализации [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://anthropology.ru/texts/>.
2. *Карло Ж., Савони П.* Геэкономика. М., 1997.
3. *Баженова Е.Ю.* Применение концепта лимитрофного государства в геэкономических исследованиях как опыт междисциплинарного синтеза (на материалах экономики Украины) // Гуманитарий Юга России. 2015. № 1. С. 123-136.
4. Декларация Первого съезда народных депутатов РСФСР о государственном суверенитете РСФСР
5. *Новик А.* Россия помогает Приднестровью. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/news/10028/>

6. Российская газета. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rg.ru/2015/12/29/abhazia-site.html>
7. Русское агенство новостей[Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.xn-ctbbwca3adfo1ia.ru-an.info>
8. Труд 12 августа 2012.

Компьютерно-интерактивная социальная система: сетевой экстремизм и гармонизация межэтнических отношений

М.В. Бештоков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Глобализация и компьютеризация, активно развивающаяся практически во всех сферах современной жизни, ставят перед учеными все новые вопросы о гармонии и напряженности в межэтнических и социально-культурных отношениях. Отдельной, важной темой встает здесь вопрос об экстремизме в сети, и еще более важной – тема его профилактики и формирование позитивных потенциалов в Интернет-среде. Компьютерные и Интернет-технологии в совокупности с цивилизованным обществом мы будем рассматривать, как компьютерно-интерактивную социальную систему. Данная социальная система является новой глобальной средой коммуникации и имеет весомое значение в формировании общественного сознания, что не вызывает сомнений у современных исследователей [1]. Правильная организация и управление такими коммуникациями и позволяет решать некоторые межэтнические вопросы.

Анализ ресурсов компьютерно-интерактивной социальной системы показывает, что коммуникативная и социализационная активность современной молодежи находит свою реализацию в сообществах и группах, сформированных на основе общих интересов: музыка, искусство, спорт, развлечения и т.д. [2] Этот факт говорит о том, что молодежь в сети активно проявляет себя в неформальных, неофициальных, неполитических сообществах, которые тем не менее имеют весомую значимость для своих участников. В процессе такой коммуникации пользователи-участники следуют единым правилам сообщества, поддерживают нормы и порядки, принятые внутри подобных групп [3]. Главным здесь является тематика группы, сообщества, которая позволяет оценивать значимость ее участников, в первую очередь, относительно их соответствия нормам группы (а не этносу, например). Это дает возможность участникам сообщества более близко общаться, ориентируя свою коммуникацию на общую, одобряемую и

актуальную тему, снижая тем самым межэтнические барьеры и способствуя профилактике экстремизма в сети.

Разумеется, государство вносит свой вклад в контроль сетевого экстремизма, в том числе межнационального, на законодательном уровне, что подкрепляется работой соответствующих органов и служб. Однако, на сегодняшний день феномен Интернет-технологий является слишком новым, недостаточно изученным и понятным, для того, чтобы эффективно решать его проблемы. Например, определенное программное обеспечение позволяет сводить на нет все попытки заблокировать запрещенные и незаконные ресурсы в сети. Физическое их удаление делается невозможным, ввиду возможности простого копирования или размещения серверного оборудования вне пределов страны. Не говоря уже о том, что в отношении некоторых законно заблокированных ресурсов применяется не полная блокировка или удаление, а всего лишь географическая сегрегация, т.е. экстремистский интернет-ресурс, например, может быть недоступен в России, но доступен в соседней стране. Блокировка ресурсов это лишь малая часть мероприятий по наведению порядка в сети. Корни же данного вопроса, как кажется нам, социологам, лежат в сфере общественных интересов, норм и ценностей, и в первую очередь способности общества к полноценной конструктивной коммуникации, к общению.

Общение, наряду с учением, трудом и игрой являются основными видами деятельности человека. Осваивая эти виды деятельности, человек интегрируется в социальную реальность, в действующую систему деятельности общества, что является важным фактором социализации [4]. Поэтому глобальное общение является не только логично позитивным фактором снижения межэтнической напряженности, но и имеет под собой прочные природно-социальные основания.

Игра так же является основным видом человеческой деятельности. Компьютерно-интерактивная система и здесь предлагает возможности для установления межэтнического взаимодействия во имя дружбы и согласия. Исследователи отмечают, что видеоигры, в частности ролевые, имеют ряд положительных качеств и функций, позволяющих игрокам-участникам устанавливать прочные межличностные связи и эффективную позитивную коммуникацию[5]. Рассмотрим эти качества более подробно.

Персонализация позволяет индивиду раскрыть свои личностные качества в виртуальном игровом мире, однако, при непосредственном взаимодействии с другими людьми. Это взаимодействие, не смотря на виртуальный мир, все же является достаточно эффективной коммуникацией, т.к. люди, объединенные общим делом, единым процессом склонны более

активно проявлять свои личностные качества, и, как следствие, устанавливать более здоровые и эффективные межличностные связи. Из персонализации плавно вытекает такое качество, как возможность общения. Налаженная коммуникация стремится к повторению и регулярности: люди, играющие вместе, зачастую становятся добрыми товарищами, а иногда даже друзьями. К тому же, общение между игроками не зафиксировано только на игровой тематике. Помимо этого, обсуждаются и дела повседневной жизни, новости, события, личная жизнь, что позволяет вести на уровне общения между игроками своеобразные воспитательные действия. Далее общение, как и его темы, само выходит за границы игры и игрового процесса. Игроки создают тематические сообщества вне игры, на форумах и сайтах, в группах социальных сетей и т.д., для того, чтобы иметь возможность более широкой коммуникации. Это ведет не только к увеличению аудитории, объединенной общими интересами, но и к расширению спектра обсуждаемых в сообществе тем. К тому же, сообщества часто не ограничены узкой игровой тематикой, что позволяет им охватывать несколько игровых направлений сразу, многократно увеличивая аудиторию и внутренние коммуникации. Разумеется, чем больше коллектив, объединенный общими интересами, тем он более разнообразен и в возрастном и в этническом плане, при этом все его члены объединены в сообщество на позитивной основе - всем интересна игровая деятельность. В этом отношении можно сравнить коммуникации между игроками с коммуникацией между спортсменами.

Подводя итог, следует сказать, что наряду с положительными чертами, в компьютерно-интерактивной социальной системе присутствуют и немало черт отрицательных, что характерно для любой системы. Однако, мы можем уверенно полагать, что, при грамотном управлении и умелом использовании ресурсов, компьютерно-интерактивная социальная система и ее технологии могут стать серьезным инструментом для установления эффективного взаимодействия между представителями различных этносов, способствовать позитивному опыту и культурному обмену в духе общечеловеческого, спортивного и профессионального уважения, и, следовательно, значительному снижению межэтнической напряженности. Нам видится, что установление порядка в сети должно происходить не только от официальных органов государства, но в первую очередь от самого общества. Для этого же, необходимо целенаправленно заниматься вопросами изучения социализационных процессов нашей молодежи в век компьютерных и Интернет-технологий.

Литература

1. *Носкова Т.Н., Яковлева О.В.* Электронные СМИ и воспитание в корпоративной среде вуза // Научные материалы V Съезда «Российского психологического общества». М., 2012. 14–18 февраля. Том III.
2. *Карпунин О.И.* Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социс. 2000. № 3.
3. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества // Социология и социальная антропология. СПб., 2000.
4. *Немов Р.С.* Психология: уч. пособие для высш. пед учеб. заведений. М.: ВЛАДОС, 2003.
5. *Доколин А.С., Чернова Е.В.* Превенция вовлечения молодежи в киберэкстремистскую деятельность посредством компьютерных игр // Фундаментальные исследования. 2014. №12-5.

Основные принципы и методы вербовки в ИГИЛ

Ф.Н. Бугаев, К.А. Трегубов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Исламское Государство Ирака и Леванта – это крупная террористическая организация суннитского толка, получившая наиболее активное распространение в странах Ближнего Востока. При этом деятельность самопровозглашенного халифата ставит под угрозу не только мирное развитие этого региона, но и несет деструктивные последствия для миропорядка в целом. Стоит отметить, что идеологической основой ИГИЛ является так называемый радикальный салафизм, который подразумевает крайние формы ненависти к «неверным» и призывает к борьбе с ними. Примерами этому могут служить бесчисленные убийства мирных граждан, показательные казни, которые зачастую выкладываются в сети Интернет, а также обращение в рабство женщин и детей.

Актуальность работы обусловлена, в первую очередь, нарастающей пропагандой псевдоисламских ценностей, проводимой террористами с целью вовлечения в свои ряды как можно большего числа новых рекрутов. Кроме того, перманентное совершенствование методов вербовки в ИГИЛ ставит задачу их систематизации и анализа для наиболее четкого понимания тех причин, которые побуждают людей вступать в ряды террористов.

Вербовкой в террористической среде ИГИЛ, как правило, занимаются профессиональные вербовщики, по совместительству – качественные психологи, способные особым образом воздействовать на человеческую

психику. Они внимательно выбирают тот контингент, который потенциально подвержен влиянию, и проводят над ними манипуляции на уровне подсознания.

На текущий момент существует огромное количество разнообразных каналов вовлечения в ИГИЛ. С каждым днем количество подобных методов неуклонно растет. Однако основополагающими считаются 3 принципа рекрутирования [1], речь о которых пойдет ниже. Стоит оговориться, что такое деление достаточно условно, так как зачастую эти принципы действуют в совокупности.

Перейдем непосредственно к рассмотрению этих принципов и проиллюстрируем их примерами реальных историй, опубликованных в средствах массовой информации.

Одним из ключевых принципов является материальный. Он подразумевает поиск рекрутов среди мужчин и женщин, испытывающих финансовые трудности. Вербовщики предлагают им безбедную жизнь, материальное обеспечение их семьи, выплату всех долгов. Более того, некоторые люди готовы продать террористам своих детей и жен ради собственного материального благополучия. Ярким примером может служить история жителя Киргизии Минхожидина Ханназарова, который познакомился с вербовщиком ИГИЛ на местном рынке в 2012 году. Год спустя, в сентябре 2013, Минхожидину было предложено участие в боевых действиях и перелет в Турцию при условии, что он привлечет еще несколько рекрутов, взамен же ему пообещали крупное денежное вознаграждение. Свое согласие изъявили Шухрат Иминов и Алишер Балтабаев. 29 октября они втроем вылетели в Турцию, откуда их переправили в Сирию. Там начался активный инструктаж новобранцев. Находясь в лагере боевиков на полном обеспечении, кроме еды и специального обмундирования новобранцы получали и денежное вознаграждение. Спустя некоторое время они вернулись на родину и были задержаны компетентными органами в связи с пропагандой экстремизма. [2]

Другая часть людей, готовых присягнуть на верность террористам, вступает в ряды рекрутов по причине своих социальных воззрений. Они ратуют за равноправие всех слоев общества и желают социальной справедливости. ИГИЛ же, в свою очередь, стремится лишь еще больше убедить будущего рекрута в том, что ему жизненно необходимо уехать туда, где все эти ценности существуют в рамках идеализированного мира. Данный принцип является основным способом привлечения молодых девушек на сторону терроризма. Они особенно подвержены подобному влиянию, так как в их сознании формируется некий романтический образ «идеальной» семьи. Сперва происходит обработка на психологическом уровне в сети Интернет, а

затем девушка уже «добровольно» едет в лагерь боевиков, где выходит замуж за члена вооруженной группировки. Примером подобной истории может служить случай 18-летней студентки из Санкт-Петербурга Марии Погореловой. Все началось с того, что в сентябре 2014 года она пришла в родной институт в парандже и никабе. К этому времени она уже была влюблена в Абу Бакра, террориста из ИГИЛ. Познакомились они, как это часто бывает, через социальные сети. Вскоре он предложил ей пожениться, и уже в ноябре она вылетела в Стамбул, откуда ее отвезли непосредственно в лагерь террористов. Как оказалось, перед отъездом она успела поменять имя и фамилию и стала Марьям Марьямовой. После этого она занялась пропагандой экстремизма в социальных сетях среди своих подруг и знакомых по колледжу. В связи с этим в отношении нее возбуждено уголовное дело по статье «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем». [3]

Наиболее важный и получивший широчайшее распространение, слабо зависящий от половозрастной категории населения, идеологический принцип требует особо пристального внимания. Террористы ИГИЛ буквально играют на чувствах правоверных мусульман, пытаясь выдавать желаемое за действительное, а именно – по-своему трактуя ряд хадисов. Убийства «неверных», жестокие казни, обращение в рабство, вооруженные пути достижения целей – вот настоящая основа их идеологии. Главный призыв террористов – построение истинного Исламского государства с той системой ценностей, которую они считают единственно верной. Кроме этого звучат призывы к «джихаду» и к «хиджре». Естественно, то понимание, которое вкладывают в определение всех этих слов члены ИГИЛ, кардинально отличается от их действительного значения. Так, 25-летний житель Турции Хасан встретил эмиссаров ИГИЛ на религиозном собрании суфийского джамаата, которые регулярно посещал. Именно через религиозные организации и действовали террористы: они внедрялись в доверие к потенциальным жертвам и переманивали их в собственный центр в Гюнгёрене. Так случилось и с Хасаном. Он стал по-настоящему зависим от идей, пропагандируемых в этом центре, ограничив круг своего общения. Вскоре он уже уехал в лагерь в Газиантеп, где его женили на девушке из Адьямана, а затем отправился воевать в Сирию. Здесь он и погиб спустя 10 месяцев. [4]

Существует множество различных путей вербовки рекрутов. Специально обученные люди могут поджидать своих жертв где угодно: в барах, ресторанах, в университете, на религиозных курсах. При этом наиболее массовым и эффективным способом считается вербовка через

социальные сети. [5] Как уже говорилось ранее, террористы подбирают будущих рекрутов путем, прежде всего, тщательного изучения профиля пользователей в сети, после чего начинают психологическую атаку на конкретных граждан. Но для людей впечатлительных, испытывающих жизненные трудности, обладающих неуравновешенной психикой может оказаться достаточным просмотр многочисленных агитационных видеороликов. В молодых людях просыпается интерес к экстремистским идеям, они начинают представлять себя на месте террористов, такой способ самовыражения кажется им крайне заманчивым. Среди же потенциальных жертв пропаганды через социальные сети наиболее уязвимыми являются молодые незамужние девушки, которые ищут себе спутника жизни или просто устали от рутинных невзгод. Боевик готов дать ей надежду на чистую и светлую любовь. Значительная часть девушек была завлечена в ИГИЛ именно таким образом, после чего девушка летит к своему возлюбленному к местам боевых действий и лишь там, уже будучи его женой, узнает его истинные воззрения и намерения. Однако возможности отступить у нее уже нет – война против «неверных» становится для нее обязанностью.

Подводя итог вышесказанному, можно резюмировать: большинство целей и мотивов рекрутов ИГИЛ напрямую зависит от их материальных, социальных и духовных потребностей. Это обусловлено низким уровнем религиозной образованности, отсутствием гарантий безопасности и благополучного будущего со стороны государства и высокой подверженностью психики молодых людей ложным идеям и ценностям. Именно эти ключевые позиции предопределяют рост численности рекрутов ИГИЛ. Поэтому для успешной борьбы с терроризмом необходимо уделить особое внимание тем противоречиям, которые наиболее остро проявляются в социуме на данный момент.

Литература

1. Принципы вербовки в ИГИЛ: [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80ayjz.xn--p1ai/archives/2529>. (Дата обращения: 08.12.2016).
2. *Соболева М.* Наёмники ИГИЛ: [Электронный ресурс]. URL: <http://dv.kg/?p=17681>. (Дата обращения: 08.12.2016).
3. Странная история завербованной в ИГ питерской студентки: [Электронный ресурс]. URL: <http://rus.azattyq.org/a/istoria-zaverbovannoy-ig-studenki-peterburg/26967064.html>. (Дата обращения: 08.12.2016).
5. Ариффе Кабиль. Технология вербовки: как ИГИЛ пополняет свои ряды (перевод Гульсарии Ахметьяновой): [Электронный ресурс]. URL:

<http://islamreview.ru/v-mire/tehnologia-verbovki-kak-igil-popolnaet-svoi-rady/>.

(Дата обращения: 08.12.2016).

6. *Кожина Н.* Добро пожаловать в ИГИЛ. Как понять, что вас пытаются завербовать?: [Электронный ресурс]. URL:

7. http://www.aif.ru/health/psychologic/dobro_pozhalovat_v_igil_kak_ponyat_chno_vas_pytayutsya_zaverbovat. (Дата обращения: 08.12.2016).

Этнически смешанные браки на Северном Кавказе в свете смены парадигмы межэтнических отношений

А.В. Верецагина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Э.М. Загирова

Региональный центр этнополитических исследований Дагестанского
научного центра РАН, г. Махачкала

Российское общество за постсоветский период стремительно утратило то, что конструировалось на протяжении семидесяти лет советской власти. Речь идет о том пространстве межэтнического взаимодействия, которое, даже не беря во внимание коллизии национальной политики советского государства, которое было, не в пример, современному, наполнено позитивным смыслом и содержанием, подлинными интернациональными практиками и значительным количеством этнически смешанных семей, скреплявших этносы и народы советской страны семейными и родственными узами, крепче которых ничего не может быть.

Не везде межэтнические браки были распространены в значительной степени, но, тем не менее, ин наличие, безусловно, играло свою позитивную роль в формировании позитивного климата в сфере межэтнического взаимодействия. С распадом СССР ситуация резко изменилась – как в области межэтнических отношений, так и межэтнической брачности, которая стала стремительно снижаться, особенно там, где она с трудом приживалась, а потому была особо значимой. К таким регионам относятся Юг России и Северный Кавказ в частности.

Надо заметить, что в республиках Северного Кавказа традиции межэтнической брачности никогда не были масштабными, несмотря на пестрый этнический состав данного региона и многовековую историю совместного проживания многочисленных народов, его населяющих. Этнический и религиозный факторы препятствовали развитию межэтнической брачности в этом регионе даже в советское время, так как

эндогамность народов Северного Кавказа имеет глубокие исторические корни. К примеру, в средневековом Дагестане даже браки, заключенные между представителями разных сельских обществ, были редким исключением. «В народе говорили «красное золото» из аула не уйдет» [1]. С принятием ислама в Дагестане этот неписанный закон обрел силу в официальной форме. Причем строгий запрет на экзогамный брак, в данном случае по конфессиональному признаку, касался женщин. По шариату женщина-мусульманка не могла выйти замуж за иноверца, в то время как мужчине разрешалось жениться на «кяфир китаби» (имеющие писание), но не на «кяфир харби» (язычницы, неверные, подлежащие войне) [2]. Брачные ограничения и запреты предполагали исключение из брачного круга целых категорий потенциальных супругов: не достигших брачного возраста, состоящих в родстве, иноэтничных и т.д.

В дореволюционный период межэтнические браки на Северном Кавказе были единичными и заключались преимущественно в зажиточных и знатных слоях общества с целью укрепления сословного положения и приобретения выгодных связей. Так же обстояло дело со смешанными браками между адыгами и абхазами, осетинами, дагестанцами и рядом других народов Кавказа. Большею частью они, также, имели место в господствующей среде. Так, представители абхазской знати вступали в браки с адыгскими владельцами. Осетинская знать вступала в брак с кабардинскими князьями. Однако на Северном Кавказе имели место не только династические, феодальные и т.п. смешанные браки. Близкое соседство вело к более простым родственным связям. Определенная часть адыгов смешалась с осетинами и ассимилировалась среди них. В особенно близких отношениях с адыгами находились абазины, значительная часть которых ассимилировалась среди адыгов, и одним из механизмов ассимиляции были смешанные браки. Такая ситуация характерна для пограничных зон, в которых происходит процесс интенсивного контакта. Известны издавна также межэтнические браки адыгов с представителями других христианских народов, в частности, давняя дружба связывала адыгов с Грузией. При этом адыги роднились с грузинами. Но, опять-таки, это были династические браки в верхних слоях населения, основная же масса традиционно сохраняла этническую эндогамию.

За годы Советской власти произошли большие изменения в социальной, культурной и других областях жизни народов Северного Кавказа. Произошло существенное раскрепощение женщин по сравнению с их прежним, почти бесправным положением; увеличилось взаимодействие народов на культурном и профессиональном уровне. Все это, прежде всего, характерно для жителей городов, поскольку в селе процесс модернизации

проходил долго и еще далеко не завершен. В относительно короткие сроки в республиках Северного Кавказа был создан индустриальный сектор и система национального образования, интегрированная в общесоюзное образовательное пространство, прежде всего, на базе русского языка, широкое распространение которого среди населения Северного Кавказа повлияло на межэтническую брачность, так как среди этнических факторов, влияющих на межэтническую брачность язык играет не последнюю роль. В связи с этим в советский период происходит увеличение численности межэтнических семей в процессе урбанизации, интернационализации общественной жизни и целенаправленной политики советского правительства. Межэтническая семья провозглашается нормой в советском обществе. Однако реальное увеличение количества межэтнических браков на Северном Кавказе происходит лишь с 30-х годов XX века.

По данным 1990 г. в бывшем СССР каждая шестая городская семья состояла из представителей разной национальности, причем в городе процент таких семей был вдвое выше, чем на селе [3]. Тем не менее, как и в дореволюционное время, неодобрительное отношение к вступлению в брак с представителем другой, особенно немусульманской национальности сохранялось в некоторых традиционных кругах коренных этносов. Такое неприятие межэтнического брака особенно характерно среди представителей старшего поколения и для сельской местности, которая является хранительницей традиций и обычаев этноса. Несмотря на то, что население Северного Кавказа, довольно пестрое в национальном отношении, межэтнические браки в автономиях Северного Кавказа составляют меньшую долю среди автономных республик России. В республиках Северного Кавказа высокая концентрация коренных народов, которые отличаются этнокультурной близостью. Но, несмотря на это, межэтнические браки еще в начале 60-х годов были редки и не превышали 2-2.5%. В дальнейшем этот процент увеличился, но с 80-х годов начался процесс снижения численности межэтнических браков, который продолжается по сей день, что соответствует исторически сформировавшимся представлениям о семье у народов Северного Кавказа, идеалом которой выступает моноэтническая и моноконфессиональная семья [4].

Российское общество как общество полиэтничное не может эффективно и безопасно развиваться без своего базового основания – высокой культуры межэтнического общения и межэтнических отношений. Пути и механизмы ее формирования могут быть различными, связанными, к примеру, со стратегиями государственного регулирования посредством национальной политики, но совершенно очевидно, что с разрушением традиции

межэтнической брачности, которая явно фиксируется на Юге России, российское общество утратило очень серьезный ресурс и механизм формирования толерантности и миролюбия, поскольку микромир межэтнического общения и взаимодействия, который представляет собой межэтническая семья, уже не может рассматриваться пространством трансляции этих ценностей ввиду того, что их численность несоизмеримо мала для реализации этой миссии. Дальнейшая динамика снижения межэтнической брачности на Северном Кавказе, которая со всей очевидностью просматривается в свете тенденций межэтнических отношений в данном регионе и специфики семейно-брачных практик, в скором времени приведет к окончательной моноэтнизации семейно-брачного пространства народов Северного Кавказа, а потому и вопрос о роли межэтнических семей в позитивизации пространства межэтнических отношений перейдет в разряд риторических, не нуждающихся в ответе.

Литература

1. *Гаджиева М.И., Омаршаев А.О.* Семья народов Дагестана в историческом развитии. Часть 1. Махачкала:РИЦ «Стиль», 2000.
2. *Рагимова Б.Р.* Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX-начала XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Махачкала: ДНЦ РАН, 2001.
3. *Карцева Л.В.* Смешанная семья: культурологический подход /В кн.: Социально-экономические и нравственно-этические аспекты развития социально-культурной сферы в условиях рыночной экономики: Материалы регион. научно-практической конференции. Казан. гос. академия культуры и искусств. Казань, 1998.
4. *Верещагина А.В.* Этнически смешанные семьи на Северном Кавказе: образование и межэтническая адаптация. Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2003.

Конфликтогенный потенциал межконфессиональных и межэтнических процессов в поликультурном регионе

Д.В. Данелюс, И.Б. Серикова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Ростовская область, как административно-территориальное образование, как поликультурный регион, испытывает влияние этнодифференциаций по культурному и религиозному маркерам, поэтому

актуальным представляется обозначение векторности конфессиональных отношений, продуцируемых эффектов конфессионального дистанцирования, межконфессионального диалога, конфессиональной идентичности на политическую и социальную стабильность в поликультурном регионе. В виду совместной деятельности и совместного проживания представители различных этнических и этноконфессиональных групп вступают в отношения на межличностном уровне и реализуют коммуникационные стратегии в рамках публичного дискурса. В целом, как отмечают по результатам самостоятельного социологического исследования респонденты, ситуация стабилизировалась, снизилась напряженность (31,6%), но вызывает определенное беспокойство тот факт, что 14,9% респондентов заявляет о том, что источником межэтнической напряженности является несовместимость норм и правил поведения представителей разных этнических групп, а 7,8% видят проблему в ущемлении прав на язык и культурное своеобразие.

В связи с вышесказанным встают вопросы: в какой степени конфессиональные отношения вносят свой вклад в динамику межэтнического общения, в какой степени действуют традиционные механизмы культурной исторической общности российского народа, с какими негативными последствиями в контексте радикализации отдельных конфессиональных сегментов сталкивается общество, и какими видятся пути преодоления рискогенных явлений и ускорения процесса формирования российской (гражданской) политической нации в системе образования.

Конфессиональные отношения интегрированы в систему социальных взаимодействий, конфессиональные общности являются структурной единицей общества, межконфессиональное общение характеризует социальный психологический климат, снижает или повышает социальное самочувствие разных социальных и этнических групп. Принимая это утверждение, можно говорить о том, что в российском обществе наблюдаются противоречивые процессы, связанные, с одной стороны, с ростом интереса к религиозной традиции, к религиозной культуре, религиозной вере, с другой – нельзя говорить о клерикализации общественной жизни в той же степени, как нельзя утверждать, что в российском обществе формируется активный слой верующих, претендующих на участие в политической жизни и заявку на определение самостоятельной общественной политической ниши.

Принадлежность к традиционным и российским конфессиям повышает как степень институционального, так и личностного факторов президентства [6]. Отмечая, что институционализированные конфессиональные практики действуют по схеме традиционных российских

религий, нельзя не отметить, что в институциональной проекции проявляется напряженность. Дело в том, что православно-мусульманские отношения в России испытывают влияние изменения этноконфессионального баланса, как и то, что в исламской среде более сильно проявляются тенденции к усилению автономности конфессий и возрастанию их влияния на общественно-политическую жизнь. Действующие в контексте традиционной религии практики, позволяют настраивать схемы долговременного сотрудничества с государством, но проявляется тенденция к расширению влияния конфессиональности, особенно в сфере культуры, образования, межэтнических отношений.

Между тем, позиция представителей религиозно-мировоззренческих групп по такому деликатному вопросу, как «распространения религий» свидетельствует о том, что в целом россияне настроены демократически. 37% полагают, что религиозный выбор является сугубо личным и добровольным, при этом, не приветствуется практика прозелитизма со стороны не традиционных для России течений [5]. Следствиями такого позиционирования является, во-первых, то, что существует разделение между религией, как личным выбором, и институционализированными практиками, в которых верующие осуществляют консолидировано удовлетворение своих конфессиональных интересов. Во-вторых, институционализированные практики, не претендуя на роль механизмов самоорганизации и организации верующих в общественно-политической жизни на социальном мезо- и макроуровнях воспринимаются как культурные и этнокультурная традиция, как непереносимое условие самобытности российской цивилизации и, в какой-то степени, обоснования особого пути России. Это вызывает определенное состояние двойственности, так как, с одной стороны, традиционные религии воспринимаются как принадлежность к российской государственности, закрепляют государственную идентичность, с другой – формируют в общественных настроениях включенность конфессионального фактора в этнокультурные установки и этническую идентичность. Конфессиональный фактор, таким образом, выступает интегративным признаком и создает перспективу формирования надэтнических культурно-символических общностей (православная, исламская).

Это обстоятельство создает условия для конструктивных рамок межконфессионального диалога, но в равной степени может ориентировать на модификацию конфессиональных интересов в этнополитические претензии. Речь идет о том, что религия, как этноинтегративный признак, выбирается около 1/3 опрошенных [5]. Отсюда в условиях ослабления государственности, неразвитости институтов гражданского общества

открывается возможность для разыгрывания «конфессиональной карты», по крайней мере для того, чтобы конфессиональный дискурс стал сферой выражения интересов групп политического влияния (этнократии). Между тем, упор в гражданской идентичности на общность государства и историческое прошлое (33:49%) [5], значительно укрепляет позиции этноконфессионального фактора, который воспринимается необходимым, наряду с вышеотмеченными, для растущих претензий на самостоятельность по отношению к государственным структурам и другим социальным институтам.

В данном контексте, важным представляется воспроизводство институционализированных конфессиональных практик в рамках межконфессионального диалога и сотрудничества с государством, с расширением зоны социальной инициативности конфессий, реализации демократии участия в тех процессах, которые вмещаются в опыт межконфессиональных отношений в российском обществе. В этой связи, важно подчеркнуть, что для российского общества следует критически оценить модель толерантности, внедряемую на западе в течение последних двух десятилетий. Не говоря уже об эффекте «обратной дискриминации», связанной с предоставлением привилегий различным меньшинствам, вызывает сомнения и признания того, что и другие обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь [7].

Как признает М. Уолдсер, реальные достижения толерантности связаны не с установлением «теплых контактов» на межличностном уровне, а с усилиями государства [7]. В поликультурном обществе не следует заниматься политикой поощрения и преумножения культурных и конфессиональных различий, что имеет негативным эффектом возрастание тревог общества по поводу культурной несовместимости. Как пишет российский исследователь С.Г. Ильинская, при существующей практике приоритета коллективных прав в российском обществе и восприятия конфессиональной общности, как группового субъекта, при том, что конфессиональный фактор не только действует на формирование этнической идентичности, но и может усиливать этноцентристские интенции. Возникает соблазн воспользоваться «плодами» толерантности для изменения государственной политики в рамках произвольно даруемых привилегий отдельным этническим и этноконфессиональным группам [1].

Учитывая, что россияне, вне зависимости от своей религиозной ориентации, привержены к цивилизационному устройению России, включающего в себя содружество народов и конфессий, скрепленному сильным государством [4], на уровне институциональных конфессиональных

практик возрастает потребность в противодействии угрозам религиозного экстремизма, внимание к социально значимым проблемам, прежде всего социальной справедливости. И в этом контексте, следует отметить определенный «люфт» между институциональными практиками и схемами типизации конфессиональных ориентаций в российском обществе. Имеется в виду, что среди россиян достаточно высок уровень эклектизма, суеверий (45% верят в приметы) [4]. Это создает ситуацию релятивизма, совмещения веры в Бога с противоречащими конфессиональным канонам установок.

По результатам самостоятельного социологического исследования, очевидно, что респонденты удовлетворены уровнем активности религиозных организаций, профилактики межэтнической напряженности (35,7%), но религия для них не является сильным интегрирующим россиян фактором (11,8%). Очевидно, такой расклад позиций связан с тем, что религиозность признается как личный выбор и может интерпретироваться как показатель принадлежности к этнической группе, но слабо влияет на социальный статус, на расширение возможностей самореализации в общественной жизни.

Есть и определенное ожидание в активизации роли верующих на уровне консолидированной позиции к противодействию религиозному экстремизму, которое осознается россиянами как высокая внешняя и внутренняя политическая угроза. Важно иметь в виду, что для российского общества актуальным становится не практика неучастия в поддержке религиозного экстремизма, сопряженного с ростом практик терроризма. Позитивный потенциал конфессиональных отношений выражается в том, чтобы в реальной жизни разделять умеренную и взвешенную трактовку конфессиональности, включаться в политические и общественные процессы в доступных и удобных формах (прежде всего через систему местного самоуправления – профсоюзы, общественные организации, национально-культурное землячество) [2].

Приверженность религиозным ценностям содержит возможность использования социальной активности для того, чтобы повысить в обществе влияние коллективных ценностей, содержащих, хотя и не автоматически действующий, рецепт изживания группового эгоизма и повышения уверенности в будущем.

Обоснованным представляется актуализация в процессе образовательной деятельности Ростовской области гражданско-формирующего подхода, реально отражающего этнический, этнорелигиозный и гражданский потенциал регионального социума. Не оспаривая правомерность вариативности этнокультурного образования и полагая, что конфессиональность является исторически и актуально закрепленным

фактором влияния на этнический и гражданский статус учащихся, следует подчеркнуть, что речь идет о развитии общероссийского сознания. По мнению участников самостоятельного социологического опроса, оба вида (этническая и общероссийское) самосознания развиваются (38%). Это означает, что в рамках этнокультурного образования конфессиональность является интегрирующим, а не разъединяющим фактором. Неоправданным можно считать как привлечение к миссии этнокультурного образования только священнослужителей, но спорной является и позиция академизма, внешне нейтрального изложения конфессиональных проблем.

Развивая эту мысль, можно говорить о том, что в проекте этнокультурного образования в Ростовской области ключевое значение обретают общегражданские критерии (патриотизм, лояльность к российскому государству, неприемлемость различных форм экстремизма и радикализма, доверие к государственным и социальным институтам, готовность к участию в совместных акциях на низовом уровне). Конфессиональные отношения, таким образом, осмысливаются как важный момент в интеграции российского общества, как способ достижения ценностного консенсуса. Образовательная сфера отличается тем, что выполняет важную функцию социальной и культурно-нравственной безопасности, связанной с необходимостью бережного отношения к культурным и религиозным традициям, противодействия разрушающему внешнему влиянию и нацеленностью на вступление в социально-зрелую жизнь молодежи, использующей конфессиональность в рамках самореализации, расширения культурных и интеллектуальных ресурсов в формировании установок, основанных на взаимоузнавании и диалоге культур и религий.

Литература

1. *Ильинская С.Г.*, Толерантность. М.:2007.
2. *Петухов В.*, Демократия участия и политическая трансформация России. М.: 2007.
3. Религия и конфликт. М.:2007.
4. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1. М.:2015.
5. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М.:2015.
6. Российское общество как оно есть. М.:2015.
7. *Уолдсер М.* О терпимости. М.:2000.
8. Оценка характера межэтнических отношений на Юге России в целом и в вашем городе (результаты социологического исследования).
9. PERCEPTIONS OF ISLAM IN EUROPE. Culture, Identify and the Myslim 'Other'. L-N.Y. 2012.

«ДАИШ»: эволюция развития радикального исламистского движения

И.П. Добаев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Уже несколько десятилетий внимание ученых фокусируется на изучении причин возникновения и развития радикального исламистского движения (РИД), движущей силой которого выступают неправительственные религиозно-политические организации (НРПО) исламистской направленности. Именно РИД и НРПО продуцируют религиозно-политический экстремизм и терроризм, прикрывающийся исламом. Исследователей современного терроризма и связанных с ним проблем, прежде всего, интересует динамика изменений, обусловленных формированием идеологических доктрин радикальных исламистов, их организационных структур, форм и методов осуществления ими специфической политической практики, а также вопросы финансовой подпитки терроризма [1, с. 133]. В этой связи проведем краткий анализ указанных четырех сфер, поддерживающих современный терроризм в мире, применительно к «ДАИШ» («ИГИЛ»), что в переводе с арабского на русский язык звучит как «Исламское государство Ирака и Леванта». Возникнув в 2006 г. в период оккупации Ирака Соединенными Штатами и их союзниками, после захвата в августе 2014 г. значительных территорий Ирака и Сирии «ДАИШ» заявило о намерении воссоздать т.н. «Халифат», обозначив себя как «Исламское государство» (ИГ). Вместе с тем, «ИГ» стало далеко не первой современной неправительственной религиозно-политической организацией, став всего лишь наследницей таких известных предшественниц, как, например, «Братья-мусульмане», «Джихад ислами», «Ат-такфир ва-ль хиджра», «Аль-Каида» и др.

В свое время автор настоящей статьи предложил классификацию исламистских НРПО по этапам их эволюции, которые, как представляется, четко маркируют организации разных поколений по степени радикализации их идеологических доктрин и эскалации политической практики насилия, нацеленных на достижение исламистами власти в масштабах анклава, отдельной страны, а также на региональном или даже на глобальном уровне. На основании предложенного эволюционного подхода были выделены четыре поколения (волны, этапа) в развитии неправительственных религиозно-политических организаций, в результате чего была определена следующая их типология [2, с. 17-18]:

- *НРПО первого поколения:* египетская «Братья-мусульмане» (БМ), образованная на их базе филиальная сеть в других мусульманских странах, а

также организации, отпочковавшиеся от БМ, но придерживающиеся идейных установок «Братьев»;

- *организации второго поколения*, возникшие в ходе борьбы арабов с сионистской экспансией на Ближнем Востоке под влиянием идей «исламской революции» в Иране (например, палестинская «Джихад ислами», ливанская «Хезболлах»);

- *НРПО третьего поколения*, развившиеся в ходе событий в Афганистане, начиная с апреля 1978 г. по настоящее время (наиболее ярким примером выступает религиозно-политическое движение «Талибан»);

- *структуры четвертого поколения*, представляющие собой международные радикальные исламистские группировки, стремящиеся консолидировать, контролировать и управлять практически всеми экстремистскими НРПО «мусульманского мира» (к таким организациям можно отнести «Аль-Каида» и «Мировой фронт джихада», в свое время основанные Усамой бен Ладеном).

Безусловно, все современные исламистские НРПО вышли из «шинели» египетских «Братьев-мусульман». Не стала исключением из этого правила и «ДАИШ». Ее идеологическая доктрина заимствована у такфиритов-джихадистов «Аль-Каиды», поскольку основообразующими категориями этой НРПО выступают два особым образом интерпретируемые понятия – такфир (обвинение в «куфре», т.е. неверии) и джихад (священная война за веру) [3, с. 116-139]. В этой связи радикальных исламистов нередко называют такфиритами-джихадистами.

Понятие «такфир» базируется на выделении т.н. «врагов ислама», куда по мысли современных теоретиков-исламистов, входят, во-первых, все немусульмане («кафиры» – неверные), а, во-вторых, мусульмане, не разделяющие идеологических взглядов исламистов («муртаддун» – отступники от ислама, а также «мунафикун» – лицемеры – т.е. те, кто верит неправильно или неискренне). Что касается концепции джихада, то она, в противовес мусульманской ортодоксии, стала квалифицироваться исключительно как война с вышеуказанными «врагами ислама», причем радикальные исламисты допускают наступательный, инициативный характер этой борьбы, участие в которой вменяется в обязанность каждого мусульманина (фард айн), независимо от возраста, пола, состояния здоровья и т.д.

Так, Айман аз-Завахири, в июне 2011 г., после уничтожения Усамы бен Ладена, ставший лидером «Аль-Каиды», в своей книге «Аль-Валайя ва-ль-бараа» в связи с агрессией США и их союзников в отношении талибского Афганистана обнародовал своеобразную фетву, в которой говорится о том, что мусульманину запрещено сближаться с кафирами, следует хранить в

тайне любые секреты мусульман. Запрещено вести какие-либо дела с кафирами. Запрещено воспринимать какие-либо теории и идеи безбожников. Запрещено помогать кафирам в их войне с мусульманами и как-то оправдывать «крестоносцев». Мусульманам предписано вести джихад с безбожными агрессорами, отступниками и лицемерами (под двумя последними подразумевались арабские режимы, предоставившие свою территорию для антитеррористической кампании, а также улемы, издающие «лживые» фетвы, купленные властями) [1, с. 149-150].

Аналогичного подхода придерживался уничтоженный в июне 2006 г. в Ираке лидер местной ячейки «Аль-Каиды» (впоследствии на основе именно этой организации и возникла «ДАИШ» - И.Д.), иорданский террорист Абу Мусаба аз-Заркави, который в своей лекции, размещенной на многих сайтах, под заголовком «Вы больше знаете или Аллах?» заявил, что «джихад есть обязательная война против неверных». Термин «гражданское население», утверждал аз-Заркави, является «ложным», поскольку ислам не делит людей на гражданских и военных: он знает лишь разделение людей на мусульман и неверных. И если «кровь мусульманина запретна, чтобы он ни делал и где бы ни находился», то «кровь неверного дозволена, чтобы он ни делал и где бы ни находился, если с ним не заключен договор или он не был пощажен» [1, с. 150-151].

Таким образом, усилиями зарубежных, прежде всего египетских исламистских теоретиков, в XX – начале XXI вв. сложилась стройная идеологическая доктрина такфиритов-джихадистов, являющаяся идеологическим обоснованием современного терроризма, прикрывающегося исламским вероучением, а также оправданием жестокой политической практики радикальных исламистов и террористов. Практически все современные радикальные исламистские группировки, включая «ДАИШ», напрямую используют положения именно этой доктрины, а потому говорить об идеологической самостоятельности этой структуры не приходится.

Что касается организационного строения современных НРПО, то история последнего столетия со всей очевидностью свидетельствует, что деятельность организаций религиозно-экстремистского толка нередко зависит от отношения к ним правящих режимов. В условиях разнопланового прессинга и силового давления они, как правило, уходят в подполье, организуясь в децентрализованные сетевые структуры [4]. При благожелательном отношении к ним властей, привлечении их к парламентской и экономической деятельности, они, наоборот, нередко достаточно уверенно интегрируются в политические системы своих стран. Это можно полностью отнести, например, к первой организации такой

направленности – египетским «Братьям-мусульманам», основанной шейхом Хасаном аль-Банной в декабре 1928 года, которая временами действовала легально, а порой, например в настоящее время, находилась в подполье.

Следует подчеркнуть, что большинство образовавшихся на идеологической и организационной основе египетских «Братьев-мусульман» многочисленных религиозно-политических экстремистских группировок далеки от интеграции в политические системы своих стран, и ведут неустанную борьбу с режимами «тагутов» (узурпаторов – И.Д.), используя в этих целях все средства, в том числе и террористического характера. Естественно, по таким группировкам власти наносят жестокие удары, вследствие чего они нередко переходят в подполье.

Вместе с тем, в 90-х гг. прошлого века мир стал свидетельством объединительных процессов в радикальном исламистском движении. Экстремисты в тот период времени контролировали Афганистан, Судан и отчасти Чечню, рассчитывали расширить плацдарм своего могущества, все чаще говорили о воссоздании халифата, исламизации мирового пространства и т.д. В 1998 г. им даже удалось создать т.н. «Мировой фронт джихада», под сенью которого произошло объединение наиболее одиозных экстремистских группировок «исламского мира». Уверенно создавалась иерархическая сетевая структура глобального масштаба, с претензиями на мировое господство, во главе с лидером «Аль-Каиды» того времени – Усамой бен-Ладеном.

Однако после событий 11 сентября 2001 г. и в результате начавшейся антитеррористической кампании под эгидой США повсюду стала фиксироваться децентрализация структур радикальных исламистов. Их отличительной особенностью стала высокая степень адаптации к реалиям современного мира. Хотя и остались действующие строго иерархически группировки, большинство все же получили «размытые» управленческие механизмы, появились структуры, организованные по типу «паучьей сети», а также и полностью независимые.

Сетевой принцип организации позволяет террористическим группировкам использовать возможности транснациональных террористических групп, нелегальных торговцев оружием, транснациональных преступных синдикатов, наркомафии, фундаменталистов, этнонациональных движений, информационных пиратов, контрабандистов; обеспечивает высокую скорость поступления и передачи информации, скорость командования (сокращение скорости принятия решений), «самосинхронизацию» (возможность действия в автономном режиме), «распределение силы» (ведение точечных операций), децентрализацию,

конспиративность, надежную систему безопасности, глубокую интеграцию (вовлеченность) элементов системы, подвижность (трудно уязвимая цель), эффективность использования современных информационных и иных технологий, возможность осуществления эффективной деятельности под командованием экстерриториального центра и т.д.

Что касается «ИГ», то на контролируемых группировкой территориях наблюдается иерархическое строение ее отрядов. В других случаях, например, на Северном Кавказе, где ряд банд бывшего «Имарата Кавказ» присягнули на верность «ИГ», фиксируются исламистские сети. В случае окончательного военного поражения «ДАИШ» в Ираке и Сирии, нет никакого сомнения в том, что, как и «Аль-Каида», эта группировка окончательно станет сетевой, перенеся свою деятельность в глубокое подполье. Отсюда следует, что и в области организационного строительства лидеры «ДАИШ» используют уже наработанные их предшественниками схемы, не привнеся в эту область каких-либо существенных новаций.

Относительно форм и методов осуществления боевиками «ДАИШ» своей практической деятельности, то, как и у других радикальных исламистских группировок, спектр их деятельности достаточно широк: от осуществления т.н. «исламского призыва» (идеолого-пропагандистская и информационная деятельность – И.Д.) – до самых изощренных способов осуществления диверсионно-террористической активности, включая акции самоподрывов (т.н. «шахидизм») [5, с. 185-207]. Однако в любом случае можно утверждать, что и в области форм и методов осуществления своей специфической практики активисты и боевики «ДАИШ» не изобрели ничего нового, оригинального по сравнению с практикой их «коллег» в государствах арабского, а шире – мусульманского Востока, но являются потребителями изобретений «первооткрывателей», начиная от «Братьев-мусульман» и вплоть до «Аль-Каиды»,

Финансирование любой террористической группировки представляется крайне существенным вопросом по той причине, что невозможно осуществлять какую-либо деятельность без наличия денежных средств [1, с. 207-226]. Для «ДАИШ» сформированная финансовая система выступает важнейшим системным элементом, в значительной степени определяющим возможности реализации далеко идущих планов по воссозданию т.н. «халифата». В настоящее время финансирование ИГ, его отдельных региональных кластеров, в том числе и северокавказского, является многоканальным. При этом масштабы финансирования, структура его источников и их соотношение пребывают в постоянной динамике. Однако в каждый момент времени структура финансирования «ДАИШ» и его

сторонников может существенно различаться по отдельным контролируемым этой организацией территориям, как и ее зарубежными сетевыми структурами. При этом, по мере перехода от централизованных структур, что представляется практически неизбежным в случае военных успехов сирийской армии при поддержке ВКС РФ, к полицентрической (сетевой) организации подполья, источники финансирования будут и далее дифференцироваться, дробиться, как и число возможных адресатов данного финансирования.

На сегодняшний день источники финансирования «ДАИШ» могут быть разбиты на две основные группы: внешние и внутренние. К внешним источникам можно отнести поддержку от государств-спонсоров; религиозных учреждений; коммерческих и некоммерческих организаций; индивидов, населения и диаспор; а также разнообразных террористических ячеек. К источникам внутреннего финансирования «ДАИШ» следует отнести доходы, получаемые от добычи и продажи нефти, присвоения денежных средств при захвате банков и других финансовых учреждений, легального и нелегального бизнеса (работоторговля, торговля оружием, наркотиками и т.п.), а также прочие доходы, к которым можно причислить помощь богатых террористов, которые могут являться членами террористической организации, а также и рэкет. Все эти направления уже давно были апробированы предшественницами «ДАИШ».

Разумеется, «ДАИШ» располагает некоторыми специфическими особенностями, присущими именно этой группировке, на чем в силу формата данной статьи мы останавливаться не станем. Однако следует подчеркнуть, что, по нашему мнению, возбуждение «мусульманского мира», не без внешних инспираций, продолжает набирать обороты. Отсюда следует, что говорить об упадке и стагнации радикального исламистского движения преждевременно, а на смену «ДАИШ» может прийти очередная, еще более радикальная НРПО.

Литература

1. *Добаев И.П.* Радикализация ислама в современной России. Москва Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2014. 332 с.
2. *Добаев И.П.* Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. 80 с.
3. *Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И.* Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. 370 с.

4. *Анисимова Н.А., Добаев И.П.* Сетевые структуры террористов на Северном Кавказе / Под ред. Добаева И.П. Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2016. 143 с.

5. *Добаев И.П., Добаев А.И., Гаджибеков Р.Г.* Радикализация ислама в Российской Федерации. Москва – Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2013. 328 с.

Исламские неопиты в современном русском обществе

Д.В. Дыкань

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Ислам в современное время сильно набирает обороты популярности. Усиливается пристальное внимание тиражирования со стороны СМИ, которое рисует определенный образ данной конфессии. Растет численность людей со всего мира, которые принимают или желают принять ислам. По демографическим данным численность мусульманского населения, по сравнению с представителями других религий, растет в два раза быстрее. По прогнозам, в ближайшие двадцать лет ежегодный прирост мусульман составит 1,5%, а представителей других религий – 0,7%. При этой тенденции численность мусульман через 20 лет достигнет 2,2 миллиарда человек. Так, к 2030 году по предсказаниям специалистов мусульмане будут составлять более четверти всего населения, а именно 26-27%. [1]

Не исключением является и Россия, где рост численности довольно значительный и уже составляет около 20 миллионов, что является примерно 14-15% от всего населения. Но наиболее интересным фактом остается, что в России наблюдается небывалый рост числа новообращённых мусульман и этот рост продолжает только расти и расти. Основу новообращённых в ислам в России составляют этнические русские, украинцы, белорусов, чуваша, евреи. Согласно РАН, численность только этнических русских перешедших в ислам составляет более 10 тысяч. Хотя, обычный обыватель в просторах интернета может встретить и другие данные. Так, на сайте Голос Ислама пишется, что численность русских в мире перешедших в ислам составляет от 100 тысяч – до 150 тысяч. Эти данные ничем не подкреплены и не подтверждены. Скорее всего, численность даже нарочно завышается для произведения эффекта на самосознание людей.

Неопит – (от др. греч. «недавно насаждённый») новый приверженец (новообращённый) какой-нибудь религии, учения, общественного движения, новичок в каком-либо деле. Нельзя утверждать, что неопиты проявляются в

современное время только по одной линии – обращению в ислам. Отнюдь, также, есть и обратные примеры, такие как: мусульмане принимают христианство, либо религиозные люди прекращают контакты с конфессией и становятся атеистами и т.п.

Так, приведем примеры обращение мусульманам в христианство: Кряшены – этноконфессиональная группа татар, исповедующие православие. Численность в России более 35 тысяч. Страны магриба до арабской весны, когда имели зачастую случаи принятия христианства мусульманами. Около 5 млн в Северной Африке перешло из ислама в христианство.

Из современных процессов можно обратить внимание на евреев сефардов, которые массово принимают ислам.

Раис Сулейманов – эксперт в Институте национальной стратегии г. Казань выделяет четыре основных причин этому феномену [2]:

- «Идейные» – это те русские мусульмане, кто принял ислам по идейным соображениям.
- «Семейные».
- «Конъюнктуришки» – это те русские мусульмане, кто подошел к принятию ислама из каких-то корыстных или выгодных для себя мотивов.
- «Военнопленные».

К приведенным выше можно добавить пятую категорию причин – «заблудшие» либо «случайные» русские мусульмане.

Таким образом, можно остановиться на следующих типах причин, толкнувших к принятию ислама этнических русских:

Идейные. Неофит разочаровывается или не находит свое в своей культуре, религии, общественных движениях и пытается найти свое в чем-нибудь новом. Можно констатировать, что она является самой распространенной на сегодняшний день. «Русские мусульмане» в этом случае находят поддержку, братство, взаимопонимание, чувство сплоченности и важности, что отсутствует в западной и в нашей модели, где в современное время более ориентировано на индивидуализм личности и «каждый сам за себя». Также, согласно Корану, не важны твои деяние до этого, человек перерождается после принятия, и воспринимается как новорожденный младенец. Стоит отметить, довольно легкий процесс обращения в ислам. Все это подчеркивает простоту пути к этой религии. Также к этой группе причин можно отнести русских, интересующихся религиями, они становятся некой «группой риска». В ходе своих поисков и изучения восточных культур и

религии останавливаются на исламе, который им кажется рациональным и более гармоничным.

Заблудшие. К ним можно отнести маргинальные слои общества и десоциализированных людей, которые отмечаются легкой восприимчивостью и уязвимостью. Следствия этой причины могут стать сбивчивые каналы передачи культуры через поколения и т.д. Категория этих людей легко восприимчива и слабая устойчива к манипуляции прозелитизма.

Семейные. Два партнера представители разных религий и один из них идет на уступки, обращая себя в другую религию. Основной контингент представители женского пола.

Конъюнктурные. Выбирают смену религии из-за социально-экономических, карьерных соображений среди сотрудников, органов власти и представителей бизнес-элиты для достижения своих целей

Насильственные. Чаще во время пленения и ситуаций, когда это происходит против воли.

Из перечисленных групп причин, только три (идейные, заблудшие, семейные) столь актуальные в современное время среди русских, принимающих ислам.

Нужно отметить, что многие русские не учитывают один факт, неопит никогда не станет окончательно своим для этнических мусульман, но для русского общества он перестает быть русским и рассматривается, как предатель. Эти нюансы побуждают и толкают новообращенных русских к активным действиям, дабы доказать свою принадлежность. Тем самым, некоторые из них в заблуждении принимают и крайние формы ислама (радикализм).

Примеров неопитов более чем достаточно, хотелось бы заострить внимание и рассмотреть примеры именно религиозных деятелей, которые после обращения смогли получить религиозные посты в Исламе. Известно, как минимум, четыре таких случаев: муфтием Северной Осетии в 2008-2010 гг. был Али (Сергей) Евтеев; с 2013 года муфтием Духовного управления мусульман Свердловской области является Абдуль-Куддусс (Николай) Ашарин; с апреля 2015 года муфтием Карелии является Абдульазиз (Сергей) Дятко; Хамза (Валерий) Кузнецов, муфтия ДУМ Дальнего Востока в 2009-2014 гг.

Также, уход некоторых православных деятелей в ислам. Например, четыре известных русских христианских священника (Вячеслав Полосин, Сергей Тимухин, Михаил Киселев и Владислав Сохин). Вячеслав Полосин и Владислав Сохин пришли после сравнительного анализа. В случае Сергея Тимухина, им было замечено собственное разочарование в православие из-за

чересчур тесного переплетения с языческими культами. Михаил Киселев умер в г. Таганрог. Правда, до этого он успел с покаянием вернуться в христианство.

В последнее время мы замечаем падение и обесценивание отношений русских к своей же культуре. Мы стали более восприимчивы к восхвалению другой культуры, восхищению ей и перенимать другие элементы культуры.

Следовало бы указать, что в эпоху прогресса и просвещения значение религии уступает и потихоньку исчезает. Растет число религиозного агностицизма. Как бы оно не происходило, но уход от религии всегда будет нести значительные последствия. Согласно русскому философу Ильину И.А. – русские не могут жить без веры, и неважно будет это религиозная вера или вера в царя, но человеку русскому обязательно нужна вера [3]. Не просто вера, а вера во что-нибудь хорошее, светлое, потому что есть духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит. Человек не может жить без веры, но он может иметь веру слабую и дурную. А дать сильную веру подвластно либо конфессии, либо государственной идеологии.

Вторым фундаментальным моментом является упадок культуры, ценностей и замена понятий. Причиной этому может являться следствие процессов Глобализация, а за ней уже и Вестернизация. Народ немного в подвешенном состоянии, т.к. мы немного отошли от своей культуры, изменился вектор культурно-ориентационных ценностей и не совсем укоренены в своей природно-исторической культуре и одновременно культурные ценности, диктуемые под эпохой глобализации, не совсем нам близки и отчасти даже чужды.

Введение пропаганды и осуществление определенной манипуляции через СМИ, моду и т.п., благодаря которым будет доводиться до массы другие ценности, идеалы.

Живя в эпоху капитализма, именно капиталистические ценности внедряются в основу всех наших ценностей. Но не хотелось бы верить, что именно материальные ценности полностью вытеснят духовные. Ведь русский человек богат по-настоящему русской душой и духовными ценностями, борец за справедливость.

Взять направление на развитии определенной и четкой национальной политики, которая возможно и поможет укорениться русским в своей культуре. Бытовые случаи зачастую показывают незнания русского народа в общей массе о своей культуре и порой даже истории. Например, такие вопросы как: назовите свой народный жанр музыки или национальный танец, национальные герои и т.п. ставят в неловкое положение обычного

россиянина. Общество всегда будет нуждаться в таких элементах, а при отсутствии своего, будет происходить заимствование. Например, на юге России можно заметить постепенное перенимание русскими у кавказцев, такого культурного элемента как лезгинка (народный танец у представителей кавказцев).

Важно проводить больше различных программ, проводить работу уже с подрастающим поколением. Необходимо прекрасно понимать, что будущее в руках подрастающего поколения и каким оно будет, зависит только того как мы именно воспитаем и донесем до него. Именно тот, кто владеет сознанием нового поколения, способен руководить будущим.

Данная тенденция довольно интересный процесс, который требует особого изучения по ряду причин. Один из примеров, достаточный процент среди неофитов, который именно уходят в изучении радикализма и т.д.

Главными предпосылками этого явления является непрочное и шаткое укоренения русского в своей культуре, слабый уровень идентичности, падение значимости и престижа РПЦ. Также, в эпоху капитализма переходит строй общества от коллективного к индивидуальному. Такое положение не совсем близко к нашему менталитету и не совсем нам по духу. Порой принимая ислам, человек находит поддержку, взаимопонимание и т.д., находя именно то, что присуще коллективному строю.

Между тем, не считаю данным процесс естественным, не должно быть характерно оставление и обмен что-нибудь родного своего на чужое такому этносу, которому присуще важная роль, а именно объединяющая роль в единстве. А именно такую позицию разделяет нынешний президент РФ В.В. Путин: «...великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, “всемерной отзывчивостью”»

Литература

1. Число мусульман к 2030 году. Электронный ресурс: <http://inosmi.ru/world/20110203/166224064.html>
2. Сулейманов Раис. Русские мусульмане. Электронный ресурс: http://ruskline.ru/analitika/2016/03/03/russkie_musulmane
3. Ильин Иван. Человек без веры вообще не может жить. Электронный ресурс: <http://www.pravoslavie.ru/92554.html>

Терроризм угроза обществу Терроризм и экстремизм на Юге России и Большом Кавказе

Еияс Аль-Хатиб

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Терроризм – опаснейшее явление современности, угрожающее стать одним из главных препятствий на пути решения общечеловеческих и государственных задач в XXI веке. Чтобы эффективно противостоять ему, необходимо, прежде всего, понять сущность терроризма, уяснить его причины.

Несмотря на юридическую силу термина «терроризм», его определение вплоть до настоящего времени остается неоднозначным. Проблема в том, как ограничить определение терроризма, чтобы под него не попадали деяния легитимных борцов за свободу.

Терроризм не есть нечто беспричинное или нечто коренящееся в каких-то дефектах человеческой биологической природы. Это – явление социальное, имеющее корни в условиях социального бытия людей.

Причины возникновения терроризма различны и неоднозначны. Некоторые исследователи считают, что они кроются в среде, в которой живет человек, его окружении и условиях, влияющих на формирование его жизненных принципов либо каким-либо образом затрагивающих их [1]. Причины условно были разделены группы с учетом факторов, приводящих к изменениям в разных сферах человеческой жизни и деятельности.

Воспитание и образование являются основными составляющими в формировании личности ребенка, начиная с первого дня его появления на свет. При этом воспитание не зависит от вероисповедания, будь то христианство, иудаизм или мусульманство, но от семьи, её устоев и традиций, материального и культурного уровня. В то время как образование, являясь внешней составляющей, зависит от системы образования, от того, насколько оно светское, какие направления приоритетны и многого другого. Любые отклонения или нарушения в одном из этих двух параллельных процессов порождают первую искру, из которой может вырасти неправильное место и роли человека в обществе. Закрытость некоторых религиозных общин, запрет на получение информации из внешних источников может привести к неправильному (нетрадиционному) пониманию религии, к скрытности и обособлению. И то и другое делает человека невежественным, а значит уязвимым для внушения ему идей преступности, интеллектуального и психологического проявления экстремизма в поведении. Отсутствие надлежащей образовательной подготовки, либо даже

незначительные отклонения приводят к ухудшению результата и его качественных показателей: снижается количественный показатель обучающихся в средней школе и высших учебных заведениях; уменьшается прослойка интеллигенции в обществе; исчезает консолидация благородных ценностей и принципов среди различных слоев населения; снижается интерес к происходящему в обществе и за его пределами и, как правило, осведомленность о событиях в мире; минимизируется святость религии, происходит максимизация ценности и важности денег в жизни и т.д. и, как следствие, исчезает толерантность в отношениях.

Таким образом, можно выделить следующие причины терроризма [1]:

1) заметное снижение жизненного уровня в сочетании с беспрецедентно возросшей социальной дифференциацией, которые вызывают к жизни такие социально-психологические факторы, как злобу, зависть, ненависть, ностальгию по прошлому и т.п.;

2) экономический кризис, сопровождающийся резким ростом цен;

3) кризисное положение ряда социальных и профессиональных групп, особенно военных, имеющих военный опыт и лиц, имеющих опыт работы оружием, взрывными устройствами и взрывчатыми веществами;

4) рост безработицы, который обуславливает усиление миграции, бродяжничества, психологической и профессиональной деградации и дезориентации личности в условиях рыночной экономики и т.п.;

5) широкое распространение среди населения оружия, военной подготовки и специфических военных умонастроений, связанное с участием значительной части военных в реальных боевых событиях, так и с вынужденным перепрофилированием многих работников спецслужб, нередко оказывающихся в криминальных структурах;

6) распространение средствами массовой информации идей и взглядов, ведущих к росту насилия, неравенства и нетерпимости.

К причинам терроризма также можно отнести определенные действия со стороны органов государственной власти [2]:

1) репрессии со стороны правящей элиты по отношению к оппозиционным политическим партиям;

2) навязывание правящей элитой нетрадиционных для данного общества социально-политических нововведений;

3) ошибки в национальной политике, допускаемые правительством;

4) целенаправленное разжигание национальной розни;

5) агрессия в отношении другого государства и его оккупация, что в большинстве случаев влечет за собой вооруженное сопротивление мирного

населения (партизан), использующего террористические методы (взрывы важных объектов, поджоги и т.д.);

б) поощрение терроризма на уровне государственной политики в отношении других государств.

Вызов для России

ИГ и Северный Кавказ. С самого начала конфликт в Сирии привлек к себе значительное внимание мусульманской молодежи Северного Кавказа. Даже большее, чем палестино-израильский конфликт, который гораздо важнее с точки зрения ислама. Это объясняется довольно плотными историческими и современными связями северо-восточного Кавказа с Сирией.

Новый фронт джихада дал возможность реализации для горячих голов, которые уже не видели перспектив «лесной» войны с полицией у себя на родине. Что касается конфликта в Палестине, то он длится более 60 лет без видимых результатов. Отношение к нему во многом стало ритуальным, ненависть к Израилю имеет мало практического смысла. Тем более что ни ХАМАС, ни ФАТХ не занимаются рекрутингом иностранцев.

В 2011 г., когда начались волнения, большое число дагестанцев, вайнахов и других кавказцев находились в Сирии. Они прибыли туда в основном в качестве студентов, а потом осели. Некоторые имеют связи и родственников, переселившихся в страну еще после Кавказской войны XIX века. Часть кавказцев сразу оказалась в рядах оппозиции. Другие приехали специально для участия в боевых действиях. Отток радикалов в Сирию стал важной причиной спада джихадистской активности в Дагестане, Ингушетии и КБР в последние годы [5].

Раскол в рядах радикальной сирийской оппозиции нашел живой отклик в кавказской среде. Причем не только у тех, кто непосредственно принимал участие в боевых действиях, но и сочувствующих на родине. В соцсетях (равно как и в очном режиме) уже около года бурлят жесткие дискуссии, доходящие до угроз, обвинений и такфира. Этот конфликт несет значительный взрывоопасный потенциал. Ориентация на ИГ или «Нусру» определяется по преимуществу ситуативно, исходя из обстоятельств и личных предпочтений.

Популярность ИГ растет не только в среде т.н. «кухонных экстремистов». Можно говорить об известной усталости радикальной молодежи от прежних лидеров джихада, некоторого разочарования из-за отсутствия успехов «Имарата Кавказ» (ИК). Это и ощущение бесперспективности его многолетней борьбы, а также информация о вовлеченности в криминальные махинации, связи с местной элитой,

коррупции и моральной нечистоплотности. Отклонениями от «истинного пути» объясняются неудачи и необходимость вернуться к «чистому джихаду».

Кстати, кризис ИК и необходимость внутренних реформ косвенно признал его новый лидер Али Абу Мухаммад Кебеков, пришедший на смену Доке Умарову. Он открыто провозгласил новую стратегию, которую можно оценить как более умеренную, чем та, что реализовывалась прежде. Сторонники же ИГ в качестве выхода из кризиса кавказского джихадизма предлагают, наоборот, линию ужесточить.

Если в Сирии раскол разделил кавказцев примерно поровну, то на самом Северном Кавказе сторонников ИГ пока не так много. Между тем появились слухи, что отдельные лидеры второго порядка (всего пять-восемь человек), в частности амир Центрального сектора Виляята Дагестан ИК Абу Тахир Кадари и амир махачкалинского сектора Арслана Али Камбулатов (Абу Мухаммад Агачаульский или Шамилькалинский) принесли присягу халифу Багдади. В ИГ не скрывают, что ведется работа с молодым поколением по безболезненной интеграции ИК в ИГ. Как считают противники, ИГ намерено склонить лидера ИК Али Абу Мухаммада Кебекова на свою сторону под давлением уже обработанных региональных амиров. Есть слух, что один из амиров уже предъявил ультиматум Кебекову.

Угроза для России

Современный ваххабизм можно определить как течение политического экстремизма, прикрывающееся исламом и склонное к вооруженной борьбе против всех, кто препятствует распространению ваххабитского учения и установлению его монопольного господства. В этом на собственном опыте убедились в Таджикистане в начале 90-х годов, а затем и на российском Северном Кавказе, ставшем также объектом ваххабитской агрессии, притом не только идеологической, но и вооруженной. Наиболее яркое проявление последней – вторжение с территории Чечни в Дагестан в 1999 г. чеченских, дагестанских и арабских ваххабитов, их последующая подрывная деятельность на территории РФ, притом не только на Северном Кавказе.

Думается, что опасность духовной агрессии современного ваххабизма сегодня в России еще недооценена. Наиболее серьезно ее воспринимают отечественные служители ислама, хотя и в их среде нет единства по этому вопросу. Некоторые религиозные деятели утверждают, что «нельзя считать ваххабизм экстремистской идеологией». Но большинство представителей мусульманского духовенства придерживаются противоположной позиции [7].

«Много лет мы ведем работу по разъяснению опасной и преступной сущности ваххабизма, который не только служит инструментом

дестабилизации обстановки, но и наносит огромный вред исламу, говорилось, например, в заявлении Координационного центра мусульман Северного Кавказа. На наш взгляд, ваххабизм, под каким бы соусом он ни подавался, не может быть признан в России. К сожалению, некоторые религиозные деятели и сейчас придерживаются мнения, что ваххабизм может быть хорошим и цивилизованным, а может – плохим и экстремистским. Считаем такое мнение глубочайшим заблуждением. Сегодня никто не рассуждает, бывает ли хороший и цивилизованный фашизм. Подобная постановка вопроса просто абсурдна. Такому же общественному осуждению должен быть подвергнут ваххабизм. Во многом именно нерешительность, непоследовательность, а зачастую и неосведомленность некоторых религиозных деятелей привела к трагедии на Кавказе. Нельзя допустить, чтобы даже намек на повторение этих событий вновь имел место».

Еще более решительно настроен муфтий Пермской области Мухаммедгали Хузин, который выступил с инициативой законодательно запретить в России ваххабизм, назвав его «псевдорелигиозным радикальным и экстремистским течением, близким к тоталитарным сектам» [4].

Нельзя не видеть, что деятельность придерживающихся ваххабитских взглядов боевиков, совершающих варварские террористические акты, в глазах миллионов людей невольно бросает тень на ислам – одну из традиционных религий России и подрывает межконфессиональный и межнациональный мир в нашей стране. Немало людей атеистических убеждений или христианского мировоззрения по незнанию ставят знак равенства между ваххабизмом и исламом в целом.

Конечно, было бы большим упрощением отождествлять приверженцев учения аль-Ваххаба с фанатично настроенными террористами. Но особенности в трактовке джихада как вооруженной борьбы с «неверными», нетерпимость к людям с иными мировоззренческими взглядами превращают ваххабитское сообщество в питательную среду для вербовщиков из экстремистских структур, пользующихся поддержкой из-за рубежа...

Идеи, как известно, могут быть побеждены только идеями. Законодательными запретами мировоззренческую борьбу выиграть невозможно. И именно сами российские граждане, исповедующие ислам, его служители способны - при правовой поддержке государства - нанести в сфере общественного сознания поражение политико-религиозному экстремизму.

Заключение

Разрушающий потенциал современного терроризма огромен. Это дает основания рассматривать его как угрозу всему человечеству в XXI веке.

Соответственно возрастает потребность в теоретическом исследовании феномена современного терроризма.

Терроризм – это аварийный канал обратной связи между обществом и властью, между отдельной частью общества и обществом в целом. Локализация и подавление террористов – лишь часть борьбы с этим злом. Другая часть предполагает политические, социальные и культурные преобразования, которые минимизируют основания для радикализации общества и обращения к терроризму.

Предполагается, что в решении этой задачи должны быть задействованы не только отдельные специальные антитеррористические центры или даже правоохранительные органы и спецслужбы [3].

Для борьбы с всеобщей угрозой необходимо объединение усилий всех государственных и общественных структур, ветвей власти, средств массовой информации. Специалисты, исследующие проблему терроризма, выделяют две возможные стратегии борьбы с терроризмом – «прогрессивную» и «консервативную»:

– «консервативная» стратегия подразумевает частичные уступки требованиям террористов – выплату выкупа, территориальные и моральные уступки (например, признание ценностей, поддерживаемых террористами, признание лидеров террористов равноправными партнёрами по переговорам и т. д.);

– «прогрессивная» стратегия означает безоговорочное уничтожение террористов и их сторонников, а также поощрение лиц, идущих на сотрудничество с «демократическими» государствами в их борьбе с террором, отказ от каких бы то ни было переговоров с террористами, отказ от заключения перемирий [6].

В вышедшей в 2002 году в США книге Алана Дершовица «Почему терроризм работает?» (англ. *Why Terrorism Works*), автор книги, известный ученый, призывает использовать «принцип коллективного возмездия по отношению к семьям, этносам, конфессиональным группам террористов; ратует за применение любых видов пыток; выступает за то, чтобы существенно ограничить иммиграцию и права чужестранцев, в особенности выходцев из определенных регионов мира...». Российский эксперт полковник Владимир Луценко отмечает, что «терроризм невозможно победить только лишь силой. Спонсоры терроризма не собираются лично подрывать себя в вагонах метро. Для таких акций они набирают „пушечное мясо“ в основном в экономически отсталых регионах как Северный Кавказ или Центральная Азия. Поэтому искоренить терроризм возможно, лишь уничтожив его

питательную среду, то есть, улучшив уровень жизни в экономически депрессивных и социально – отсталых регионах, в первую очередь».

Дальнейшие разработки по изучению терроризма, террористических действий и субъектов террористической деятельности необходимо рассматривать как органичную часть концепции социальных отношений. Продолжения требует поиск вариантов социальных доктрин антитеррора (концепция ненасилия, социальной справедливости и свободы, идея помощи в просвещении, науке и культуре с обязательным сохранением национальной идентичности, принцип конфессиональной толерантности), который будет способствовать прогрессивному противодействию терроризму как в отдельных регионах и странах, так и в мировом сообществе в целом.

Литература

1. الإرهاب: الأسباب والآثار، "4-2"، الدكتور أسعد عبد الرحمن، الأحد: 08/03/2015 صحيفة الرأي. (Терроризм: причины и последствия «2-4», д. Асад Абдул Рахман, Добавлено: Воскресенье 03/08/2015, газета: Аль-Рай).
2. مستقبل الإرهاب في هذا القرن، المؤلف: د. أحمد فلاح العموش، تاريخ الاصدار: 1427هـ-2006م. (Будущее терроризма в этом веке, автор: д-р Ахмед Фаллах Аммуш, дата выпуска: 2006).
3. الأنساق الاجتماعية ودورها في مقاومة الإرهاب والتطرف، المؤلف: د. عبدالله بن عبدالعزيز اليوسف، (Социальные форматы и его роль в борьбе с терроризмом и экстремизмом, Автор: д-р Абдулла бин Абдулазиз Аль-Юсеф, дата выпуска: 2014.)
4. موقف الاسلام من الإرهاب، المؤلف: محمد عبدالله العميري، تاريخ الاصدار: 1425هـ/2004 م. (Позиция ислама с терроризмом, Автор: Мохаммед Абдулла аль-Омари, дата выпуска: 2004.)
5. <http://hvylya.net/analytics/geopolitics/fenomen-islamskogo-gosudarstva-prichinyi-i-posledstviya-krizisa-na-blizhnem-vostoke.html>
6. الوكالة العربية السورية للأنباء سانا (Сирийское арабское информационное агентство САНА).
7. <http://www.lib05.ru/news/terrorizm-i-ekstremizm-ugroza-xxi-veka-annotirovannyi-katalog-literatury>

Перспективы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации

А.В. Карягина

Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог

Актуальность изучения проблем противодействия терроризму и экстремизму обусловлена широтой их распространения и глубиной проникновения в различные сферы жизни общества. Под прикрытием религиозной идеологии экстремисты и террористы стремятся не только посеять страх и вражду в обществе, но и спровоцировать межрелигиозную, межнациональную и межэтническую ненависть. Только в конце 2015 г. совершена серия террористических актов в Афганистане, Бельгии, Нигерии, Пакистане, Турции, Франции и др. Крушение авиалайнера А321 над Синайским полуостровом в Египте стало крупнейшим по числу жертв терактом против граждан России с 2004 года, когда была захвачена школа в Беслане.

В настоящее время достаточно сложно предугадать в какой точке земного шара произойдет очередной теракт или где вспыхнут этнические или религиозные конфликты. В своих исследованиях Е.Э. Месснер, описывая данное явление, называет его «третьей всемирной войны» [5, с. 18], считая, что она способна уничтожить все человечество. Развивая данную мысль, Л.Г. Ивашов отметил, что в современном мире «практически в любой сфере человеческой жизнедеятельности имеют место факты открытого и латентного террора» [2]. Поэтому задача противодействия терроризму и экстремизму остается актуальной не только для сотрудников правоохранительных органов, правоприменителей иных служб и ведомств, законодательных органов, но также и для представителей научного сообщества.

В основе глобализации терроризма заложена агрессивная экстремистская идеология, активно культивируемая, в частности, посредством сети «Интернет», что обуславливает необходимость теоретического обоснования эффективной реализации мер по борьбе с данными негативными явлениями. Как известно, исходящие от них угрозы, детерминированы как проблемами социально-экономического развития и межэтнических (межнациональных) отношений, так и недостатками в работе государственных институтов, образовательной и культурной политике, а также коррупцией.

Распространение экстремистских идей приобретает возрастающую общественную опасность ввиду усиления агрессивности данной идеологии и расширения масштабов ее пропаганды в обществе. Очевиден также и

транснациональный характер терроризма. Если в прошлом веке проблематика нарастания экстремистских проявлений лежала по большей части в области внутренних этно-сепаратистских настроений и неонацистских проявлений в некоторых странах западной Европы, то, как отмечает В.Я. Гринь, с конца прошлого века произошло смещение в плоскость нарастания фундаментальных цивилизационных противоречий между носителями евроатлантической идеологии и выходцами из стран Азии, Африки и Ближнего Востока [1, с. 143]. Данные противоречия обусловлены, в том числе, внутренним конфликтом европейской либеральной доктрины, которая с одной стороны, гарантирует мигрантам из этих регионов все условия для сохранения собственного языка, самобытности, культуры и обычаев, а с другой не знает, как защитить саму себя от них в условиях, когда гарантируемые самобытность и культура напрочь отрицают ее же собственные ценности.

Возрастание мигрантофобии по мере нарастания интенсивности миграционных потоков обуславливают тенденцию к росту преступлений на почве расовой и этнической ненависти, которые наблюдаются во многих Европейских государствах [4, с. 233-234]. В значительной степени «Мигрантофобские» настроения в развитых странах связаны с отказом приезжих от социальной интеграции в принимающее общество, созданием компактных поселений с чуждыми этнокультурными устоями, в которых местное население видит угрозу собственному укладу жизни. Подтверждением этому стали факты противоправных действий мигрантов, вызвавшие повышенный резонанс. Достаточно вспомнить события новогодней ночи 2016 г. в немецком г. Кельне, когда молодые люди – выходцы с Ближнего Востока и Северной Африки совершили серию нападений на местных жителей, преимущественно женщин, с целью грабежей и сексуальных домогательств.

Лидерам Евросоюза уже не раз пришлось констатировать факт, что идея построения мультикультурного общества на общеевропейском пространстве полностью провалилась. Однако и России в последние годы также наблюдается рост мигрантофобии, экстремистских и террористических проявлений на почве межэтнической и межрелигиозной ненависти.

В России, позиционирующей себя как демократическое правовое государство, центральное место в противодействии терроризму занимают правовые методы. Объявляя террористов уголовными преступниками, а не политическими борцами, антитеррористическое законодательство призвано обеспечивать эффективную защиту граждан от преступных посягательств,

выражающихся в публичных актах насилия в отношении общества с целью подрыва и ослабления существующего государственного строя.

Терроризм с точки зрения уголовного права представляет собой общественно опасное деяние, совершаемое с использованием различных форм насилия. Изменения методики и тактики террора, его новые проявления, возможность использования средств массового уничтожения приводят к появлению таких его разновидностей как экологический, компьютерный, информационный терроризм и другие [3, с. 179], в результате которых может быть парализована или уничтожена жизнь целых государств.

Современные террористические организации имеют огромные финансовые и экономические возможности; обладают собственной системой внутреннего управления и противодействия интересам государства для достижения политических, экономических и иных целей. Характерной особенностью терроризма становится его сращивание с организованной преступностью. Для достижения поставленных целей в террористических организациях создаются боевые формирования, использующие финансовую подпитку от таких видов преступной деятельности как торговля оружием, наркотрафик, работоторговля и т.д. Кроме наличия специфических силовых структур, оснащенных передовыми материально-техническими средствами, данные организации способны содержать собственных специалистов различных сфер экономической и научной деятельности.

Статистика последних пяти лет показывает ежегодный рост регистрируемых преступлений экстремистской направленности. Так, за последние три года число зарегистрированных преступлений террористического характера возросло более чем вдвое (661 в 2013 г., 1128 в 2014 г., 1538 в 2015 г.), 76% из которых в 2015 г. совершено в Северо-Кавказском федеральном округе. Одновременно с этим растет раскрываемость данного вида преступлений, что свидетельствует об определенном накопленном опыте правоохранительных органов. Так, например, в ноябре 2016 г. сотрудники ФСБ России обезвредили в столице группу из 10 террористов – выходцев из Центральной Азии, а спустя менее месяца сотрудники спецслужб во время масштабной операции в Москве и Подмосковье задержали более 25 человек, подозреваемых в экстремизме и пособничестве терроризму. Динамика роста данного вида преступности связана как с активизацией рекрутирования новых членов международных экстремистских и террористических организаций из числа молодёжи, так и с возвращением в РФ граждан, участвовавших в боевых действиях на стороне ИГИЛ.

Борьба и профилактика терроризма Президентом Российской Федерации определена в качестве главного приоритета в деятельности силовых структур. Уголовная политика государства четко направлена на ужесточение ответственности за проявления экстремистской и террористической деятельности. Доказательством этого являются как многочисленные изменения и дополнения УК РФ, направленные на усиление борьбы с терроризмом и экстремизмом, так и подписание и ратификация различных международных документов. В целом, можно констатировать, что на сегодняшний день в России сформирована централизованная система противодействия терроризму и экстремизму, основанная на тесном взаимодействии правоохранительных органов и органов исполнительной власти всех уровней.

Однако, не смотря на предпринимаемые усилия и определенные положительные результаты в противодействии терроризму и экстремизму, существует целый ряд проблем и вопросов, требующих скорейшего разрешения как на национальном, так и на межгосударственном и международном уровнях. К одним из основных из них следует отнести вопросы дальнейшего совершенствования методов и способов борьбы с причинами и условиями, способствующими террористическим и экстремистским проявлениям, выявление и пресечение различных форм пособничества данным преступным деяниям.

Особое внимание мировому сообществу необходимо обратить на противодействие пропаганде терроризма и экстремизма с использованием сети «Интернет». Высокая компьютеризация всех сфер жизнедеятельности при нерешенных вопросах правового регулирования возникающих при этом общественных отношений глобализируют проблему распространения рассматриваемых негативных явлений. Формирование мирового информационного пространства требует защиты национальных информационных ресурсов от этих опаснейших посягательств через открытые информационно-телекоммуникационные системы из любой точки мира. Угроза кибертерроризма уже давно перешла из теоретической плоскости в стадию реального воплощения.

Сегодня социальные сети используются не только в качестве площадки для общения, но и как детонатор информационного взрыва, поскольку любую информацию они способны распространить по всему миру за считанные секунды. Широкие возможности обработки общественного, группового и индивидуального сознания позволяют практически беспрепятственно проводить дезинформационные акции. В итоге развитие социальных сетей привело к появлению деструктивных информационных технологий

проведения «цветных революций». Следовательно, в деятельности органов государственной власти добавилось новое направление деятельности – противодействие использованию киберпреступниками интернет-технологий для возбуждения протестной активности. Кроме того, прогрессивное использование участниками международных террористических и экстремистских организаций современных информационных технологий стало реальной угрозой совершения кибератак на системы управления критически важных объектов, таких как вредные и опасные производства, энергетика, транспорт и т.д.

Обязательными условиями успешной борьбы с экстремизмом и терроризмом являются подрыв их ресурсных основ, подавление центров идеологического обеспечения и поддержки, в совокупности с разработкой и реализацией межгосударственных и международных комплексных программ, в которых, помимо пресечения деятельности террористических организаций, следует предусмотреть следующие принципы и положения:

- принцип социальной и криминологической обусловленности уголовной политики, в соответствии с которым законодатель должен учитывать политические, экономические и социальные реалии, динамику преступности, ее причинные комплексы и изменения;

- приоритет предупредительной деятельности, закрепляющий положение о необходимости, в первую очередь, реагировать на процессы детерминации, причинности экстремизма и терроризма;

- комплексный, системный подход в борьбе с преступностью, при условии синхронизации усилий различных субъектов правоприменительной деятельности в пределах их компетенций, а также институтов гражданского общества;

- качественный рост правовой культуры правотворчества с соблюдением общепризнанных принципов и норм Конституции РФ и международного права;

- обеспечение неотвратимости наказания за совершение преступлений экстремистской и террористической направленности;

- формирование эффективного международного правового механизма противодействия информационному, материальному, финансовому и иному пособничеству в планировании, подготовке и реализации террористических актов;

- использование технических возможностей международной сети национальных контактных пунктов для обмена оперативной информацией о фактах подготовки и совершения террористических актов, в том числе в режиме реального времени;

– расширение взаимодействия по подготовке и повышению квалификации сотрудников антитеррористических подразделений и правоохранительных органов с использованием накопленного опыта борьбы с преступностью в данной сфере и научного потенциала ведущих специалистов международных организаций.

Решение изложенных задач невозможно без консолидации усилий государственных органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в целях пресечения экстремистской и террористической деятельности, укрепления гражданского единства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, формирования в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей.

Литература

1. *Гринь В.Я.* Стратегия противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: состояние и перспективы // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сб. материалов межведомств. науч.-практич. конф. (17 ноября 2011 г., Москва) / под общ. ред. ректора Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора О.С. Капинус; Аккад. Ген.прокуратуры Рос. Федерации. М., 2012.
2. *Ивашов Л.Г.* Терроризм: реальный и мнимый // Военно-промышленный курьер. 2004. № 40.
3. *Карягина О.В.* Информационная безопасность в РФ: вопросы оптимизации законодательства // Аспекты развития науки, образования и модернизации промышленности. Материалы XIII региональной научно-практической конференции учреждений высшего и среднего профессионального образования. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2015.
4. *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2015.
5. *Месснер Е.Э.* Мятаж – имя третьей всемирной // Всемирная мятежевойна. Жуковский, 2004.

Негативное влияние стереотипов на процесс социальной коммуникации на Кавказе и Юге России

В.В. Ковалев

Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Мир на Кавказе невозможен без преодоления негативных стереотипов в виде предрассудков и предубеждений, которые в избыточном количестве накопились за годы непростого взаимодействия между различными этносами кавказского региона. В самом деле, стереотип обладает любопытной особенностью: "лишать" социального актора свободы в оценочных суждениях. Проистекает она из-за того, что суждения стереотипного характера никак не связаны ни с рационализацией социальных казусов, ни с объективной оценкой социальных действий. Она формируются как бы вне интеллекта, и, следовательно, почти все попытки формировать принципы добрососедства, толерантности, мультикультурализма, обречены на провал из-за элементарной предопределенности на готовый оценочный сценарий. Говоря о таких свойствах стереотипов, закономерно было бы поставить вопрос о том, что представляет собой механизм их действий не на поверхности, а в глубинном уровне, с точки зрения когнитивного наполнения данного понятия.

Термин «стереотип» этимологически происходит от двух греческих слов: «stereos» – твердый и «typos» - форма, образец. Уже в этой его лингвистической компоненте заложено базовое содержание рассматриваемого понятия.

Единого определения социальных стереотипов не существует, как нет и единообразного представления об их сущности, содержании и функциях, в том числе в межэтническом взаимодействии. Пытаясь вывести общее из тех разноплановых суждений о социальных стереотипах, которые встречаются в современной науке, можно классифицировать основные определения данного понятия в двух ракурсах: с точки зрения психологической науки и с позиции социологии. Такое позиционирование представляется неслучайным, так как анализируемый нами термин является предметом рассмотрения именно этих двух наук, каждая из которых, и не без основания, считает изучение социальных стереотипов именно своей вотчиной.

Для психологической науки свойственно выделять и анализировать антропостереотипы. В этом смысле, классическим будет следующее определение: «стереотипы – это наши обобщенные представления о группах людей, в частности, об их основополагающих психологических характеристиках или чертах личности» [1]. Здесь мы видим смысловую

увязку социальных стереотипов с субъектами разных этносов, которые становятся объектами стереотипных оценок.

Несколько иной подход для определения социального стереотипа свойственен социологии. Социологами стереотип изучается как «стандартизированный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно-определенный образ, представление о социальном объекте» [2]. К этому определению также иногда добавляются признаки иррациональности [3], упрощенности [4].

В данных определениях социальный стереотип предстает в качестве концепта, объясняющего отношение не только к субъектам разных этносов, но и к тем процессам, которые не могут быть персонифицированы в субъектах или объектах. Речь, в первую очередь, идет о социальных ценностях и идеологемах.

Психологическое и социологическое определения не являются полностью противоположными друг другу. Их интегрирует ряд признаков, с помощью которых можно конструировать единое понятие социального стереотипа. В числе таких признаков следует назвать иррациональность, массовость, устойчивость, упрощенность. Их анализ предоставит нам возможность дать определение социальному стереотипу на понятийном уровне.

Первым в ряду был назван признак иррациональности. К нему и обратим наше внимание.

Известно, что М. Вебер в качестве одной из особенностей западной цивилизации называл повсеместно распространяющийся процесс рационализации социальной деятельности человека. Это касалось всех сторон приложения человеческой активности: экономической, политической, духовной [5]. Значит ли это, что в новую информационную эпоху все проявления иррациональности в человеческой деятельности исчезли совсем? Ответ на этот вопрос следует дать отрицательный, поскольку в современном обществе процессы стереотипизации, основанные на иррационализации сознания, ничуть не утрачивают своих позиций. Как раз, напротив, в эпоху постмодерна сознание человека стало еще более подвержено законам стереотипности. Полагаем, что связано это с резким усилением в наши дни дифференциации социальной жизни, особенно проявляющейся в межэтническом взаимодействии. И здесь, как нельзя кстати, проявляется базовое свойство социального стереотипа – экономия времени. В самом деле, зачем каждый раз подвергать критической проверке новое знание с помощью «рацио», если его легко можно вписать в привычные клише раз и навсегда определенных понятий. Поскольку типизированные формы, включая в себя

совокупную множественность заключенных в них понятий, выступают в качестве идеального интегратора новых смыслов в старую оболочку, то социальные стереотипы являются неотъемлемым атрибутом мышления современного человека. Без них человек, образно говоря, просто утонул бы в море той новой информации, которую он постоянно получает в ходе своей социальной деятельности.

Типизированный стандарт нам важен не сам по себе, а теми смыслами, которые он в себе скрывает, и которые представляются значимыми для нас. Чем больше смыслов – тем более значительна важность оцениваемого стандартного типа. Однако нужно понимать, что его сущность способствует подавлению рефлексивности в поведении социального субъекта. Это связано с преобладанием в естественной установке социального актора стремления к типизации против индивидуализации коммуникативных смыслов. Шюц называет это стремление желанием погасить очаги проблемного поля жизненного мира [6]. Следствием подобной направленности является то, что в процессе межэтнического взаимодействия происходит накопление устойчивых релевантностей и формируется поле готовых типизаций. Эти типизации социализированы структурно, позволяя каждому индивиду легко менять нишу в поле пространства взаимодействия этносов, социализированы генетически в социально одобренных терминах, которые мы усваиваем в ходе социальных интеракций, социализированы предметно, с учетом смысловой распределенности знания в разных социальных стратах, которое мы получаем от Других большей частью некритично.

Рассматриваемые типизации неререфлексируются, непроблемны, и полностью соответствуют по своей внутренней сути признаку иррациональности как описательному конструкту социального стереотипа.

Заданность реакций («иррациональность» как признак социального стереотипа) является основанием нормального функционирования поля для действия субъектов социального пространства.

Социальный стереотип по своей природе должен быть массовым. В противном случае он утрачивает признак устойчивости, либо перестает быть социальным. Собственно говоря, сама этимология социального стереотипа свидетельствует о том, что он адресован обществу, существует в обществе, и действует во имя достижения общественных целей.

Надо отметить, что признак массовости характерен и присущ в первую очередь для социокультурных стереотипов, которые мы можем в известном смысле противопоставить антропостереотипам, то есть тем стереотипам, которые формируют групповую идентичность.

Еще раз вернемся к нашей идее о том, что типизированный стандарт есть внешняя оболочка социального стереотипа. В самом деле, именно типизированный стандарт способен объединить массу в единое целое. Его безусловная способность формировать социальную идентичность не может быть даже поставлена под сомнения. Вопрос решается нами в целом. Мы не говорим о «хорошем» стандарте или «плохом». Речь идет о стандарте как понятии, и о том, что он обладает мощнейшим интеграционным потенциалом.

Стандартизация, типизация современной социальной коммуникации, связанная, со значительным усложнением социальных отношений, является следствием готовности массы принимать упрощенные схемы в коммуникации как данность. Новые социальные роли и ценности мы принимаем как бы в качестве своих собственных, не задумываясь над тем, что они имеют стереотипный характер. Современное социальное пространство представляет собой некий срез устоявшихся шаблонов и стандартов, которые мы готовы принять, поскольку их принимают другие. Так правильно, следовательно, так должно быть, если у индивида есть потребность в успешной социализации. Независимо от того, в каком типе общества мы живем: открытом или закрытом, традиционном или постмодернистском задача быть адаптивным неизменно требует от человека соответствия.

Следующим признаком социального стереотипа является устойчивость. Это его свойство прямо отражено в самом названии. Стереотип не может быть подвижным. Вместо стереотипа он тогда превратится в знания, представления, убеждения, которые могут корректироваться объективно изменяющейся ситуацией, новыми, наконец, знаниями, представлениями, убеждениями, которые в тот или иной момент начинают конкурировать с прежними.

Представление о стереотипе как устойчивом феномене сознания является общераспространенным в науке и не вызывает особых возражений у тех социологов, которые плотно занимаются данной проблематикой. Пожалуй, одним из немногих исключений выступает позиция А.В. Меренкова.

А.В. Меренков в своей «Социологии стереотипов» прямо заявляет, что основная новация его работы состоит в исследовании стереотипа в динамике через «выделение механизмов возникновения и развития стереотипа как специфического образования» [7]. Термин стереотип наиболее полно подходит для обозначения работающей, взятой в динамике схемы взаимодействия конкретного ее носителя со всем, что обеспечивает его воспроизводство. Социолог убежден, что мнение о том, что стереотип есть

некий неподвижный шаблон, отражает поверхностные, первоначальные представления.

Полагаем, что А.В. Меренков заблуждается, пытаясь представить социальный стереотип как динамичное образование. Это противоречит как внешней оболочке этого понятия, заимствованной У. Липманом (буквально с древнегреческого – твердая форма) из типографской терминологии, так и ее содержанию. Стереотип – это устойчивый отпечаток в сознании, символизирующий определенное отношение к кому-либо (антропостереотип) или к чему-либо (социокультурный стереотип, если иметь в виду отношение к ценностям). Стереотип устойчиво фиксирует в нашем сознании срез реальности, выполняя потребность в адаптации сложных и дифференцированных представлений об отношениях. Да, вне всякого сомнения, потребности в адаптации меняются, поскольку сам индивид в течение жизни может менять ценности, социальные роли, статус и даже пол. Однако в этой ситуации имеет место не динамичная трансформация социального стереотипа в сознании индивида, а замена одного устойчивого стереотипа на другой.

Этот вывод имеет важное методологическое значение. Устойчивый характер социокультурных стереотипов формирует устойчивую систему за счет сплочения, интегрированности между собой субъектов социальных отношений и образования между ними посредством типологических ценностей и идеологием единого корпоративного сообщества.

Если отсутствует фактор сплоченности, то социальные стереотипы не передаются посредством тождества нормативно-ценностного ряда, а процесс их символизации значительно усиливается, порой до полной потери содержательного смысла тех ценностей, которые символизируют социокультурные стереотипы.

Последним в ряду обозначенных признаков социального стереотипа мы назвали упрощенность.

Упрощенность характера социального стереотипа определяется таким базовым свойством процесса стереотипизации как экономия времени. Посредством стереотипа индивид стремится воссоздать для себя привычную, понятную, в каком-то смысле – незатейливую картину мира, основанную на четко и просто сконструированных схемах.

Потребность в упрощении, схематизации социальной реальности посредством стереотипов становится значимой в групповой, межгрупповой коммуникации. Эта потребность вызвана необходимостью унификации правил, а также создания некоего единообразного социально-

психологического фона для взаимодействия субъектов социальных отношений.

Всего сказанного представляется достаточным для того, чтобы дать итоговое определение социального стереотипа, завершающее анализ его предметной сущности. Согласно нашему видению исследуемого понятия, социальный стереотип следует определять как устойчивый, схематично упрощенный, не подвергаемый критическому анализу образ-отпечаток в массовом сознании, посредством которого через стандартизацию социального пространства его субъективные носители объясняют и выражают свою оценку субъектам, объектам или явлениям социальной реальности, в которой протекают коммуникационные процессы.

Литература

1. *Мацумото Д.* Психология и культура. М.: Гелиос, 2002. 325 с.
2. Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Осипова Г.В. М.: Норма-Инфра, 1998. 893 с.
3. *Мурадян С.А.*, «Гносеологический анализ проблем стереотипа» / Автореферат канд. фил. наук... Ереван, 1977. 24 с.
4. *Кон И.*, Социология личности. М.: Наука, 1967. 215 с.
5. *Вебер М.*, Протестантская этика и дух капитализма. Сочинения. М.: Прогресс, 1990. 803 с.
6. *Шюц А.*, Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. 354 с.
7. *Меренков А.В.*, Социология стереотипов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 368 с.

КОБ о террористической глобальной угрозе

В.П. Краснов

Центральная научно-исследовательская лаборатория, Ростовский государственный медицинский университет, г. Ростов-на-Дону

В электронном справочнике «Википедия» о значении слова террор сообщается следующее: «террор» в переводе с латинского означает страх, ужас. Террористическая глобальная угроза – это насаждение в обществе всемирного страха и ужаса. По материалам данного справочника различают следующие виды терроризма: индивидуальный террор (например, внутрисемейный), публичный, государственный и экономический. Государственный террор – террор, используемый политической властью посредством массовых политических репрессий для уменьшения размеров

оппозиции путём устрашения противников, например, Якобинский террор, Красный террор, Белый террор, операция «Кондор». Экономический террор – устрашение или уничтожение политических противников путём частичного или полного лишения средств к существованию, например, искусственный голод в Ирландии, ликвидация кулачества как класса, эмбарго США на поставки лекарств на Кубу.

В данной работе определим проблему террористической глобальной угрозы с позиций Концепции Общественной Безопасности (КОБ) как процесса, который управляется по полной функции управления. Приведём некоторые положения из КОБ, касающихся элементов содержания полной функции управления к проблеме глобальной террористической угрозы.

Полная функция управления – важнейшее понятие в теории управления, которая описывает около 40 алгоритмов циркуляции и преобразования информации в процессе управления. Основными подразделами по выявлению и предотвращению угроз глобального терроризма в функции управления являются следующие действия:

- распознавание природных и порождённых обществом факторов, воздействующих на объект и способствующих глобальному терроризму;
- формирование вектора целей (концепции) и структур управления для устранения угрозы терроризма и внесение его в общий вектор;
- проведение в действие концепции в жизнь по устранению влияния террористической глобальной угрозы.

Управление всегда концептуально определённо, как в выявлении угроз и иерархической упорядоченности их по значимости, так и в определении допустимых и недопустимых средств управления.

При изучении и выявлении факторов, довлеющих на социальную систему, в том числе и террористической угрозы, необходимо понимание о троичности процессов управления и их взаимовложенности. Деятельность общественных организаций и многих структур вложена в государственное управление. В тоже время процессы управления в государствах вписываются в процесс надгосударственного управления и т.д.

Разделение управления по древнему троичному принципу [1], заложенному в символах и образах русского языка, происходит на *первых* (слог-**бо**, *раз, рас*, окончание в словах – *ян, мужчина, духовный мир, правая сторона*) и *вторых* (слог-**об**, окончание в словах – *ин, женщина, диавол, два, природа, материальный мир, левая сторона*). В этом разделении нет, и не может быть превосходства кого-либо, но имеются *первые* и *вторые*. Каждый из них в жизни несёт груз своих обязанностей. *Первые* и *вторые* (горизонтальная черта) встречаются в образе креста и разных свастиках и

иногда **меняются местами на оси Господа** и составляют **ОБЪРАЗЪ**. Но правый – правит, левый – левит, а **уравновешивает их и сохраняет устойчивость государства и мира Господь, Государь-наместник**. Прасимволом управления является Государственный Герб России трёхглавый Орёл – символ Одина. Центральная корона является осью государства и поэтому Государь (Президент (пресидент – впереди сидящий) был, есть и будет гарантом существования многотысячелетней истории Русского государства.

Важной функций центральной (осевой) власти является недопущение к управлению государственными структурами представителей терроризма и организация мероприятий по «уравновешиванию» террористических экстремистов левого и правого толка.

По КОБ основными функциями представителей государства считаются осуществление внутренней, внешней и частично глобальной политики. Но влияние глобального управления на суверенные государства многими управленцами не рассматривается и не понимается. Глобальная политика проводится Глобальным Предиктором (Мировым Правительством), в котором принимают участие в том числе и представители транснациональных корпораций и надгосударственных структур [2]. Через международные учреждения внешняя и внутренняя политика суверенных государств, несомненно, контролируется. Доказательством последнего утверждения является демонтаж Советского Союза. В 1987г. руководство СССР по рекомендации МВФ положило начало переходу к «рыночной экономике», причём не регулируемой, которую применяют все развитые страны, а «свободного рынка». Это и привело к катастрофе. В 1992 г. Россия вступила в МВФ, и Правительство Ельцина-Гайдара подписало с фондом «Письмо о намерениях», по которому оно будет внедрять разработанные только экспертами Глобального Предиктора программы «переходного периода», законы, кодексы, конституцию. На сегодняшний момент развития имеются попытки через международные структуры обрушить государственность России в интересах некоторых западных стран, применяющих в своей политике элементы глобального террора. В отличие от 80-х и 90-х годов большая часть интеллектуальной и финансовой элиты России и других стран имеют понимание о глобальных террористических угрозах и о том, что их ждёт в случае разрушения государственности России. В то же время, сталкиваясь с руководителями организаций районного и регионального масштаба, приходит понимание, что данная элита страны имеет недостаточно знаний в управленческой деятельности. Поэтому на государственном уровне необходимо разработать систему по изучению знаний, изложенных в КОБ и

других источниках, рассматривающих законы управления на их уровне. Если это не произойдет, то Россию ждёт порабощение, а элиту, как пишет Внутренний Предиктор СССР, уничтожение. Элита, развалившая свою страну, не нужна Западу, а плохие управленцы приносят беды не только своей стране и своему народу, но и всему человечеству.

Чтобы противостоять глобальному террору и вписаться в мировые структуры управленцам необходимо знать цели и задачи «глобального западного» проекта [3], и предложить иные принципы глобализации.

Основные организационные принципы данного проекта:

национальные корпорации управленцев и несомые ими системы верований и научных знаний, прикладных навыков (прежде всего, управленческого характера) должны исчезнуть; их должна заменить одна транснациональная знахарская корпорация, распространяющая одну и ту же систему верований и безраздельно контролирующая науку, как фундаментальную, так и прикладную, и в первую очередь, в гуманитарной сфере;

властные структуры проекта глобализации должны быть экономически самодостаточны в любой системе хозяйствования для того, чтобы они могли купить всё и всех вместе с их мыслями, намерениями, имуществом и прочими потрохами;

всё остальное население, не принадлежащие знахарской корпорации и её властно-исполнительной периферии, должно быть общественно – управленчески невежественно и входить в личностную иерархию на общих для них принципах индивидуализма, допускающего участие их в корпорациях, признаваемых легитимной властью.

Конкретно эти толпо-элитарные принципы нашли своё выражение в Библии: Второзаконие, 23:19,20; 28:12. Исая, 60:10- 12; 12.Матфей, 5:17,18; 5:39,40; 7:1.

В результате в мире сложилась своеобразная система внутрисоциальных взаимоотношений, проникающая во все её государства и национальные общества.

1.Высший уровень иерархии – заправилы проекта, предпочитающие избегать публичности в своей деятельности.

2.Второй уровень иерархии – законопослушная элита, на которую возложена миссия непосредственного управления социальными процессами через кредитно-финансовую систему и формирование «научно-обоснованного» общественного мнения.

3.Низший уровень – толпа с зомбирующими элементами в психике, назначение которой интеграция в систему трудовых ресурсов.

4. Плюс ко всему – «соединительная и нервная ткань» системы, связывающая её компоненты воедино и обеспечивающих их взаимодействие – масонство с трёхступенчатой структурой. Ступень 1-33 могут получить все, 34-66 – только евреи, с 67 и выше – только раввины.

Приведённая социологическая, экономическая и правовая составляющие векторов развития и структуры глобального управления не представляют из себя ни плохое и ни хорошее. Она объективна и успешно работала на определённом отрезке развития человечества и вывела общество на высокий уровень производительных сил, но в настоящее время для элит большинства государств эта перспектива ужасна. Мировой экономический кризис, о котором так много говорят на протяжении многих десятилетий политики, учёные и представители СМИ, по своей сути является рукотворным глобальным терроризмом некоторой части мировых заправил. Их сценарий развития событий базируется не только на сокрытие концептуальных и управленческих знаний, но и на распространение элементов глобального терроризма, которое достигается искажением процесса триединства **материя-информация-мъра**.

В процессе исторической борьбы различных государств и обществ надгосударственной структуры выработали различные способы по управлению, которые пытаются использовать некоторые международные организации в своих интересах. Немаловажным элементом в их деятельности с точки зрения КОБ является насаждение террора по **информационному** (мировоззренческому, хронологическому, фактологическому), **мърному** (ментальному) и **материальному** (роли международной кредитно-финансовой системы, оружия геноцида и военные угрозы) приоритетам.

Террористический военный приоритет – это не только разжигание войн, но и угроза применения климатического, тектонического (геофизического), биологического и других средств массового уничтожения. Данный подход весьма опасен для окружающей среды и поэтому с точки зрения устойчивого управления не целесообразен.

Безопасным для исполнителей, но в перспективе нежелательным является применение **терроризма на геноцидном уровне**. Пищевые добавки, табак, алкоголь и наркотики делают человека зависимым и наносят непоправимый урон генетике и психике человека так сильно, что исполнители могут остаться в безлюдной пустыне.

Более безопасным и эффективным является третий вариант материального приоритета. Народы и государства поработаются при помощи **экономического приоритета**, сутью которого является террор ростовщиков путём дачи денег в долг под проценты. Причём глобальная банковская

система создана так, что выбраться из неё невозможно, а международные структуры процветают, ничего не производя из материальных продуктов.

На информационном приоритете, а именно на фактологическом, представители глобального терроризма внедряют такие идеологии и религии, что элита и народы этих стран зависят от их деятельности. В идеологию государств вводятся ложные политико-правовые учения, такие как доктрины индивидуализма, культурного сотрудничества, устойчивого развития, «места под солнцем и исключительности», правового государства (по-видимому, имеется и понимание внеправового государства), ложные принципы разделения властей, демократии, диктатуры пролетариата, расового превосходства и т.д.

При внимательном изучении некоторых религиозных текстов в них можно найти разделы, оправдывающие насилие и рабство, а в их трактовках нравственные ценности Священных Истин искажаются и подменяются на богомерзкие лозунги для убийства «неверных во имя всевышнего». Так, в мусульманском мире, вместо изучения смыслов Корана (прочтение этого слова справа налево – Нарок) изложенных на родном или русском языках, пропагандируют учить сразу на арабском языке, что для многих людей является непосильной задачей. Некоторые трактовщики в переводы с арабского языка, помимо содержания смысла речей Пророка в Коране, вкладывают идеи экстремизма, чуждых человечности и тем самым способствуют организации глобальной террористической угрозы. Помимо этого, сознание человека, проживающего в культуре исторического ислама, перегружают всякими постановлениями, законами и постановлениями к законам так, что ему и некогда изучать смыслы речей Пророка Мохаммеда. На сегодняшний момент представители государственных структур РФ недостаточно учитывают то, что мусульманская культура входит в Русскую цивилизацию. В России необходимо иметь адаптированный перевод смыслов высказываний Пророка Мохаммеда в Коране на русский язык, который был бы признан всеми российскими мусульманскими религиозными организациями.

К перечисленным методам информационного глобального террора и обмана используют искажение истории. Книжники написали десятки лжелетописей об изначальной дикости, невежественности народов и неспособности их к самостоятельному политическому творчеству. На историческом приоритете средств управления социальными системами происходит искажение исторический процесса, в котором невозможно определить цель и вектор развития общества. Следствием этого является

полная парализация самостоятельного существования политической системы государства.

Опасными элементами глобального терроризма для человечества является применение информационного оружия в искажении мировоззренческого приоритета, **формирующего единство и взаимосвязь процессов во Вселенной.**

Концептуалами, возможно, вскрыты некоторые глобальные террористические сценарии по отношению к России и другим странам [4]. Суть их состоит в следующем:

– на первом этапе обрушить государственность России и сдать её фрагменты образовавшемуся на территории постсоветского лжеисламскому «халифату», Китаю, Японии, и частично под протекторат НАТО;

– на втором этапе сравить в войне до полного демографического и морального истощения буржуазные демократии Запада и России с исламским миром. При этом должны быть решены две задачи: Капитализм западного образца и демократии Запада должны уйти в прошлое, а Коран, как наименее искажённое священное Писание и несущее отрицание «ценностей западного мира», по завершению войны должен быть «забыт» и вопрос о его содержании не выносится на общественные обсуждения. Ислам будет восприниматься как разновидность фашизма, модернизирован по псевдохристианскому образцу и уйдёт в подконтрольные международным спецслужбам малочисленные секты;

– на третьем этапе Восточно – Азиатские государства, в культурах которых господствует ориентация населения на труд при умеренном потреблении и бережном отношении к природе, должны послужить прототипом для некоего мирового порядка, идеологическая основа которого возможно будет состоять из сплава модернизированного марксизма, буддизма и сайентологии.

Чтобы избежать таких разрушительных глобальных террористических сценариев в России необходимо продолжить укрепление президентской власти, освоить и внедрить в управленческую практику элементов трудов передовых российских учёных и политиков, таких как В.В. Жириновский, А.И. Фурсов, В.Ю. Катасонов, О.Н. Четверикова, Е.А. Фёдоров, программных документов политической партии «Справедливая Россия», материалов конференций, проводимых под эгидой партии «Единая Россия». Следует заметить, что наступило время перехода от Концепции Общественной Безопасности к построению Концепции Общественного Развития, что позволит предотвратить не только глобальный терроризм, но и начать строить новую Русскую многонациональную цивилизацию.

Литература

1. Праведы. В 3-х томах. [сост.: Вит Отец (Виктор Журкин)]. Петрозаводск // 2014
1. *Колеман Д.* Комитет 300 // Витязь. 2007.
2. Академии Управления глобальными и региональными процессами социального и экономического развития. Психологический аспект истории и перспектив нынешней глобальной цивилизации // М., 2005.С.29-34.
3. *Петров К.П.* Об искоренении глобальной угрозы «международного терроризма». Аналитический сборник Академии Управления глобальными и региональными процессами социального и экономического развития // М., 2005.С.117-120.
4. Внутренний предиктор СССР. Суфизм и масонство. В чём разница //М., 2008.
5. Новосибирский Институт концептуальной аналитики. От человекообразия к человечности // Новосибирск. 2003.
6. *Петров К.П.* О расовых доктринах: несостоятельны, но правдоподобны. Аналитический сборник Академии Управления глобальными и региональными процессами социального и экономического развития // М., 2005.

Противодействие вербовке в ИГИЛ молодёжи Юга России

М.В. Куценко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Произошедший летом этого года случай с задержанием направлявшейся в Сирию для дальнейшего сотрудничества с террористической организацией Исламское Государство студентки МГУ Варвары Карауловой, поднял и до того актуальный вопрос вербовки молодых людей в члены непризнанного террористического государства. Технологии вербовки давно выработаны и применяются на практике уже с конца второй половины 20-го века, где они имели применение на территории государств Средней Азии, Ближнего Востока и Северного Кавказа. Радикальные движения искали своих сторонников среди лиц, запутавшихся в жизненных ориентирах и/или отсутствием каких-либо надежд на светлое будущее. Потенциальные адепты в больших количествах находились на территориях этих стран, изобилующих на тот момент вооруженными столкновениями, сменами политических элит и т.д. Почему же сейчас, возникает проблема, когда образованные молодые люди из обеспеченных семей предпочитают забыть о настоящем, выбрав путь

радикального взгляда террористов? По данным предоставленным первым заместителем директора ФСБ генералом армии Сергеем Смирновым, воевать на территорию Сирии отправилось порядка 2400 россиян [1] и, не смотря на попытки ограничить количество вербуемых сторонников, их число продолжает расти.

Технический прогресс не стоит на месте и с развитием сети Интернет претерпели некоторые изменения и технологии вербовки, прогрессируя от разного рода интернет-чатов и форумов к более совершенным площадкам коммуникации – социальным сетям, которые позволяют террористам выйти к людям различных слоев населения. Члены ИГ достаточно быстро освоили все популярные ресурсы. До блокировки террористических аккаунтов в Twitter, в нём ежедневно велись освещения деятельности группировки, в сети Instagram публиковались пропагандийские фото и видео материалы, переход к самой популярной социальной сети на постсоветском пространстве «ВКонтакте», было делом времени. И вскоре одна за другой на ресурсе начали появляться группы сторонников Исламского государства. Согласно аналитическим материалам интернет-издания Apparat в социальной сети активно ведётся усиленная пропагандистская работа, происходит вербовка террористов, ведётся сбор средств в поддержку террористов [2]. Сообщества различаются по форме и виду. Существуют как новостные группы, так и «группы по интересам», модерировать которые действующие бойцы ИГ, призывая к «защите братьев по вере».

По мнению публициста и политолога Александра Жилина, для основанием для психологического воздействия на умы молодежи является социальная несправедливость, социальное расслоение общества, имеющие место во всём современном мире, в том числе и России [3]. Вербовщик, как правило, профессионал, практикующий, как нейролингвистическое программирование, так и другие методы убеждения. При этом гендерный фактор не играет решающей роли при вербовке, пропованде исламистов подвержены в равной степени, как девушки, так и молодые люди.

Юг России, в частности традиционно мусульманские республики Северного Кавказа, по объективным причинам сразу оказались под ударом. Дислоцирующаяся на территории региона террористическая группировка «Имарат Кавказ», в конце июня этого года присягнули на верность лидеру ИГ Абу-Бакру аль Багдади [4]. Это говорит о том, что существующие сети по вербовке, теперь также будут под влиянием ИГ. По данным опубликованного доклада Египетского управления по религиозным предписаниям на Кавказе ИГ будет достаточно легко вербовать сторонников в свои ряды, поскольку мусульмане в этих районах многочисленны и не знакомы с экстремистской

идеологией группировки и заранее настроены доверять проповедующим арабам [5]. Другим из факторов для облегчения ведения вербовки является бедность и безработица в регионе.

Начальник отдела ЦПЭ при МВД Дагестана Шарапутдин Арсланбеков отметил, что, по официальным данным, 419 человек уехали в Сирию [6]. Также по информации МВД Дагестана на учете в правоохранительных органах по категории «Религиозный экстремизм» на сегодняшний день состоит 125 студентов высших и средних учебных заведений республики. Пятеро из числа студентов задержаны за совершение преступлений экстремистской направленности. Установлено также, что 7 студентов выехали в Сирию для участия в боевых действиях против правительственных сил Сирии на стороне ИГ, а одна из студенток дагестанской медакадемии была уличена в вербовке студентов для вовлечения их в экстремистскую деятельность [7]. По словам Арсланбекова, вербовщики ИГ активно работают в университетах и школах. МВД по Чечни сообщает о 88 уголовных делах в отношении участников войны в Сирии. Шестеро жителей Ставрополя создали вооруженную группу для вербовки новых рекрутов ИГ через сеть Интернет. К счастью действия данной группировки было вовремя пресечено и террористов приговорили к лишению свободы от 5 до 7 лет [4]. Глава Ингушетии, Юнус-бек Баматгиреевич, сообщил, что на территории Ингушетии деятельность вербовщиков не столь активна. Основная часть вербовки приходится на интернет. За весь период Сирийского конфликта воевать на стороне ИГ решилось порядка 37 человек, из которых 7 были убиты, а 8 человек, по адаптационным работ вернулись к нормальной жизни. Апти Алаудинов, заместитель министра внутренних дел по Чечне, сообщает, что для участия в боевых действиях на стороне ИГ в Сирию уехало 405 человек с начала войны, из которых 104 погибли, 44 вернулись обратно, судьба остальных неизвестна [8]. Особый интерес у вербовщиков ИГ вызывают IT-специалисты. По словам Апти Лорсарова, специалиста из Грозного, вербовщики предлагали ему работу в качестве инструктора для новых отрядов вербовщиков, а также для решения технических вопросов [9].

Все вышеперечисленные примеры подтверждают суждения о усиленной активности вербовщиков ИГ на Юге России. Средний возраст вербуемых, согласно данным «горячей линии» по борьбе с ИГ – 23 года [10]. Помимо сети интернет, выход на молодых людей у пропагандистов террористической группировки через учебные заведения, подпольные мечети. Так, в Дагестане было задержано 28 преподавателей и учителей в подозрениях о религиозном экстремизме [7]. Всё это формирует острую

необходимость в принятии решительных мер противодействия пропаганде террористической вербовке.

Из уже принятых мер на территории Юга России ведутся профилактические работы в учебных заведениях, религиозных и культовых учреждениях. Практика показывает, что большинство завербованных, были увлечены экстремистскими взглядами именно в ходе получения религиозных знаний. Магомед Дарсигов, полномочный представитель Республики Ингушетия по ЮФО, сообщает о ведении работы по противодействию вербовке молодежи в ряды ИГ путём созыва руководителей национально-культурных автономий, зарегистрированных в донском крае и решений о пристальном внимании и контроле молодых людей [11]. Огромную лепту в противодействие пропаганде способны внести фетвы, принятые духовными управлениями мусульман. Так, духовное управление мусульман России на заседании Совета улемов 1 апреля вынесло фетву относительно легитимности группировки, провозгласившей себя «Исламским государством Ирака и Леванта», в которой приводятся доводы о незаконности данной группировки [12]. Со стороны ДУМ республик значительный эффект достигается путём контактов и открытых разъяснительных дискуссионных программ с молодёжью, внесение понимания различия между религией и экстремизмом. Мощный контроль активности вербовщиков ИГ проводится со стороны силовых структур. Пристальное внимание стоит обращать на религиозные учреждения, студенческие общежития и разного рода клубы по интересам. Дальнейшее развитие противодействия пропаганды ИГ должно идти по средством повышения уровня религиозного образования и самосознания, а также через ресурсы сети Интернет и не ограничиваться только на блокировке экстремистских ресурсов, огромную пользу будет приносить создание активных медиа-продуктов направленных на просвещение молодежи относительно деятельности ИГ и продвижения информации о её незаконности.

Литература

1. Интернет ресурс информационного агентства ТАСС. – URL: <http://tass.ru/politika/2272750>
2. Интернет-издание Apparat. – URL: <http://apparat.cc/network/vk-isis/>.
3. Новостной портал Русская весна. – URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1433932979
4. Информационный ресурс Кавказский узел. – URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/264409/>

5. Информационный ресурс Седмица. – URL:
<http://www.sedmitza.ru/text/5795944.html>
6. Интернет-портал издания Газета. – URL:
http://www.gazeta.ru/politics/news/2015/10/28/n_7823747.shtml
7. Интернет-издание Дагестанская Правда. – URL:
<http://www.dagpravda.ru/rubriki/pravoporyadok/27451971/>
8. Информационный интернет портал РИА Новости. – URL:
<http://ria.ru/world/20150615/1070547170.html>
9. Информационный портал LifeNews. – URL:
<http://lifenews.ru/news/162821>
10. Интернет издание Известия. – URL: <http://izvestia.ru/news/591496> -
11. Информационный ресурс Кавполит. – URL:
<http://kavpolit.com/articles/ig-21750/>
12. Информационный ресурс Умма. – URL:
<http://umma.ru/fetvi/obshchee/8637-bogoslovskoe-zaklyuchenie-fetva-soveta-ulemov-dum-rf-otnositelno-legitimnosti-gruppirovki-igil>

Два уровня толерантных отношений: номинальная и глубокая толерантность

С.Т.Марутян, А.Т.Марутян

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В научный оборот термин «толерантность» был введен в XVIII веке. В России понятие «толерантность» стало употребляться в либеральной печати с середины XIX века. Но в 30-ых годах прошлого столетия термин исчез из политической лексики до 1990 года.

Сегодня термин «толерантность» употребляется в самых разных сферах: политология, социология, образование, межэтнические отношения и даже медицина.

Проблема толерантности как культурной нормы этнического сосуществования актуализируется в связи с неустойчивым характером межэтнических отношений в мире.

В повседневном словоупотреблении «толерантность» (от лат. *tolerantia* – терпение; англ. *toleration*; нем. *Toleranz*; фр. *tolerance*) – синоним терпимости к чужим взглядам, нравам, верованиям, образу жизни. Как культурная норма отношений между людьми, терпимость тождественна уступчивости, снисхождению и сотрудничеству. С обыденной точки зрения

толерантность выражается в стремлении достичь взаимопонимания и согласованности разнородных интересов без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения. Толерантность тождественна мирной жизни, свободной от вражды и войн. Антонимом толерантности считается нетерпимость, интолерантность, нежелание и неспособность считаться с чужими верованиями, взглядами, образом жизни. Толерантность имеет уровни: номинальный и, более глубокий, ценностный. В обыденном словоупотреблении уровни толерантных отношений не различаются.

Тем не менее, в научной литературе принято различать либеральную толерантность и толерантность модуса вивенди. Либеральная толерантность – раннесовременная западная идея. Она получает институциональное воплощение и мотивационное закрепление при демократическом конституционном режиме. Она становится распространенным моральным качеством, характеризующим отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давления преимущественно методами разъяснения и убеждения. В отношениях между народами либеральная толерантность проявляется в этнической экзофилии, то есть во внешнем восприятии, отмеченном чувством равенства. [2]

Главным источником потоков беженцев и вынужденных переселенцев являются затяжные этнонациональные конфликты. Крупные по численности группы беженцев-эмигрантов возникли в странах с затяжными конфликтами. Другую большую группу этнических мигрантов образуют вынужденные переселенцы.

Затяжные этнические конфликты свидетельствуют об отсутствии либеральной толерантности сторон, заключающих мирные соглашения о сосуществовании. Нормой этнического сосуществования в вигилентном конфликте выступает согласие местного населения и этнических мигрантов терпеть условия временно достигнутого мирного соглашения. Подобное соглашение обозначается термином «толерантность модуса вивенди».[4] Данный термин предложил Д. Роулз в своей теории договорных отношений. С точки зрения отношения конфликтных сторон к договорному способу урегулирования споров, толерантность, согласно Роулзу, имеет уровни: номинальный и, более глубокий, ценностный (либеральная толерантность). Затяжные конфликты свидетельствуют, что стороны в своих периодических мирных соглашениях обращаются к номинальной толерантности, используют норму толерантности модуса вивенди.

Предлагая новый термин, Роулз обращался к юридической науке, где традиционно применяется понятие «модус вивенди» (лат. *modus vivendi* – образ жизни, способ существования), подразумевающее номинальную толерантность. Согласно авторам «Большого юридического словаря», «модус вивенди – временное соглашение по вопросам, требующим своего разрешения, когда при существующих обстоятельствах невозможно достижение постоянного соглашения. Предполагает замену его постоянным соглашением». В юридической науке термин «модус вивенди» применяется, главным образом, к сфере международных отношений. Договор составлен таким образом, что государствам невыгодно нарушать условия договора по соображениям национальных интересов, включающих международную репутацию. Государства не отказываются в будущем от достижения своих целей за счет другой стороны и при изменившихся обстоятельствах могут в одностороннем порядке выйти из договора. Эта скрытая диспозиция терпимости временных соглашений характеризует договор модуса вивенди. За 3 тысячи лет человеческой истории было подписано свыше 8 тысяч международных договоров, каждый из которых соблюдался в среднем не более 9 лет. Это были договоры модуса вивенди. В отличие от юридической науки, Роулз предложил более широкий социологический смысл модуса вивенди, а именно, в значении культурной нормы сосуществования народов, именуемой толерантностью модуса вивенди.

В культурах всех взаимодействующих народов во все времена существовала норма толерантности модуса вивенди. В русском языке она именуется «терпимостью». Данная норма задает два принципа сосуществованию. Первый принцип выражается формулой «поживем – увидим» и означает переход от насилия к мирной жизни. Обращение к норме толерантности модуса вивенди мотивируется опасениями сторон за свое выживание и ситуативной невозможностью одержать победу. Сосуществование подразумевает наличие социальных контактов и сохранение отношений в постпереговорный период. Доверием пользуется только гарант мирных соглашений – общая власть. Когда она ставится под сомнение, насилие в конфликте возобновляется. Второй принцип – «нельзя быть терпимыми к нетерпимым» – означает возможный переход от мирной жизни к насильственной борьбе. Внешне сосуществование позволяет говорить о мирных отношениях, хотя они не обязательно означают отсутствие подготовки к новому витку насильственной борьбы обеих сторон или одной стороны. В.В.Шалин отмечает, что номинальная толерантность не разрешает конфликт, а переводит борьбу в легитимное русло.[3] Переход к временному сосуществованию сторон, возникающему вследствие

толерантности модуса вивенди, А.В.Перцев определяет «состоянием неустойчивого равновесия». [1]

Норма толерантности модуса вивенди применяется не только на международном, но социетальном (внутри общественном) и местном уровнях. Этническое сосуществование, основанное на номинальной толерантности, означает переходный период от насилия к кооперации, и наоборот. Выполняя условия мирного соглашения, местные жители и мигранты возобновляют отношения кооперации, но продолжают действовать конфликтогенные факторы. Если они будут иметь большое воздействие на последующие акции этногрупп, то карательная самопомощь возобновится и затем вновь будет отвергнута новыми временными соглашениями.

Литература

1. *Перцев А.В.* Жизненные стратегии толерантности в России и на Западе. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2002.
2. *Чернобровкин И.П.* Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 273 с.
3. *Шалин В.В.* Толерантность. Ростов н/Д, 2000. 256с.
4. *Rawls J.*, Political Liberalism. Expanded Edition / J. Rawls. Columbia University Press. N. Y. 2006.

Социальное самочувствие студенческой молодежи как индикатор социального поведения

О.А. Нор-Аревян

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Молодежь нередко становится участниками и инициаторами протестных движений и общественных волнений, в том числе студенческая молодежь обладает огромным протестным потенциалом. Модели социального поведения молодежи формируются в процессе социализации, которая протекает под воздействием факторов внутреннего и внешнего воздействия.

Особая регулирующая роль в процессах социализации принадлежит культурной среде и конструируемому на ее основе культурно-образовательному пространству. Культурная событийность используется как способ, средство организации педагогического процесса, его содержания и темпов использования для развития личности. Таким образом, реально

существующая как данность среда служит предпосылкой конструирования специальных социализирующих пространств, в которых происходит пересечение и взаимополагание предметности культуры и внутреннего мира личности.

Социологический анализ реалий студенческой жизни позволяет составить представление о социальном самочувствии студенческой молодежи и моделях социального поведения студентов в обществе.

Понятие «социальное самочувствие» в научной литературе трактуется как «объективно-субъективная характеристика, которая отражает уровень удовлетворения социальных потребностей, а также собственного положения в сравнении с другими индивидами и социальными группами». [1; с.78-86]

Эмпирически измерение социального самочувствия граждан ведется с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН, который проводит всероссийский мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня».

В исследовании под социальным самочувствием понимается субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего. Это ценностно-эмоциональное их отношение к своему социальному положению и уровню удовлетворения своих потребностей, интересов. Это совокупность оценок, которые люди дают себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами, территориальными сообществами и обществом в целом. Это рационально-эмоциональные, ценностно-окрашенные представления, которые имеют позитивные, негативные и промежуточные значения. Они во многом мотивируют выбор стратегии поведения людей, их повседневные действия. [2]

В 2010 г. в Южном федеральном университете проводилось социологическое исследование, в рамках которого были затронуты аспекты социального самочувствия студентов. Результаты исследования сопоставимы с прикладным исследованием, проведенным ранее (2006 г.), что позволило осуществить сравнительный анализ показателей социального самочувствия студенческой молодежи и выявить его динамику. [3]

На вопрос «Какая модель студенческого образа жизни Вам ближе?» подавляющее большинство респондентов ответили, что «студенческая жизнь – это особая пора молодости, поэтому студент должен брать все от жизни» (66%) и небольшая часть студентов (19%) ответили, что это «упорная учеба даже за счет самоограничения в потреблении и развлечениях во имя успешного будущего». Можно отметить, что в 2006 г. так считали, соответственно 81% и 12,5% студентов.

Студенты весьма разнообразно проводят свое свободное время. В лидерах такие позиции, как «слушаю музыку, читаю книги, смотрю видео» (65%), «встречаюсь и общаюсь с друзьями дома или в гостях» (65%), «провожу время на природе, гуляю» (47%), «посещаю театры, концерты, кино» (46%), «увлекаюсь компьютером, Интернетом, играю в компьютерные игры» (44%) и др. В свое свободное время студенты предпочитают встречаться и общаться с друзьями, при этом в числе друзей, как студенты своего вуза, так и студенты других вузов.

В целом студенты положительно характеризуют социально-психологическую обстановку в учебных группах. На вопрос «Как бы Вы охарактеризовали коллектив своей учебной группы?», значительная часть опрошенных студентов ответили, что коллектив сплоченный, дружный (33%) и только 7% указали на наличие разобщенности в коллективе.

Не смотря на то, что студенты указали на заметную выраженность отдельных группировок в учебной группе (51%), среди студентов нет расслоения по материальному и национальному признаку. Так считают 82% и 89% опрошенных, соответственно. В целом также распределились ответы студентов и в 2006 г., причем коллектив своей учебной группы студентки чаще, чем студенты определяют как дифференцированный, разделенный на отдельные группировки (62% против 57%). Они чаще полагают, что есть расслоение по материальным признакам (20% против 17%) и реже видят причины в национальной принадлежности студентов (15% против 24%). В большинстве своем они, также как и юноши считают, что группировки возникают из-за разницы в культурных интересах, но чаще дружат со студентами своей группы.

Вместе с тем, высокая оценка студенческой группы как сплоченной и дружной к пятому курсу заметно убывает, а усиливается ощущение разобщенности и деления на группировки.

Критерий дифференциации на группировки по культурным интересам наиболее значим и незначителен по национальному признаку и социально-профессиональному положению родителей. Но возрастает значение материальной дифференциации. Это подтверждается ответами о престижности и авторитете студента: имущественное положение и финансовые возможности внушают уважение большему числу пятикурсников по сравнению с первокурсниками (14% против 8% в 2006 г.).

По результатам социологического исследования в 2010 г. авторитет студента в учебной группе для обоих полов, как в 2006 г., зависит от таких показателей как: «от высоких моральных качеств» (принципиальности, готовности прийти на помощь и др.) – 54%; «от его успехов в учебе» – 42%;

«от его оригинальности, непохожести на других» – 33%; «от наличия широкого круга знакомств, нужных связей за пределами университета» – 20%; «от его высокой культуры, эрудиции в области литературы, искусства» – 17%. Лишь 11% респондентов указали, что престиж студента зависит от его имущественного положения, финансовых возможностей, времяпрепровождения, и 30% студентов указали на иные причины.

По результатам социологического исследования сложился положительный морально-нравственный образ студента ЮФУ, что в целом соответствует образу студента в 2006 г. Студенты демонстрируют негативное отношение к употреблению нецензурных выражений, бранных слов. 40% опрошенных студентов считают, что это не допустимо, 31% респондентов никогда не употребляют, но и не осуждают, относятся терпимо. Только небольшая часть респондентов отвечает – «не вижу в этом ничего зазорного для себя и других» (14%).

Молодые люди высказываются за здоровый образ жизни, но считают, что идея здорового образа жизни в студенческой среде не пользуется популярностью. На это указали 59% опрошенных и только 30% респондентов, ответили, что идея здорового образа жизни «очень популярна». Сами студенты преимущественно не курят (77%), а те студенты, кто имеет такую привычку, ответили «да, до пачки в день» (7%).

Аналогично складывается ситуация и по вопросу «Употребляете ли Вы спиртные напитки?». Ответ «нет» дали 28% опрошенных студентов, 49% указали, что «употребляют редко, т.е. по большим праздникам» и 18% респондентов ответили «несколько раз в месяц». Совсем незначительная доля молодых людей употребляет спиртные напитки чаще – 4%.

Студенты ЮФУ в целом не терпимы к наркомании и наркоторговле. Среди порошенных студентов 38% уверены, что среди студентов нет тех, кто употребляет наркотики, 46% затруднились ответить на этот вопрос, а 16% ответили, что среди студентов есть те, кто употребляет наркотики. Это тревожный сигнал и руководству вуза следует обратить особое внимание на это обстоятельство. Тем более, что сами студенты указали на то, что в вузе не ведется специальная работа по профилактике наркотической зависимости. Так считают 43% опрошенных студентов.

Исследование отношения студентов ЮФУ к ситуации в современной России показало, что в целом это отношение довольно оптимистично. Студенты с надеждой и оптимизмом смотрят в будущее (58%) и видят перспективы собственной жизни в контексте социальных, экономических и политических преобразований в стране. При этом более оптимистичны взгляды девушек (61,5%), чем взгляды юношей (52,6%). 30% опрошенных

студентов довольно спокойно, но без особых надежд и иллюзий представляют свою будущую жизнь и лишь 10% студентов отразили пессимистические настроения, а именно с тревогой и неуверенностью (7%), со страхом и отчаянием (3%).

В сравнении с результатами исследования 2006 г. взгляды студентов в будущее несколько пессимистичнее: уверенность в будущем, надежду и оптимизм выражали 91% опрошенных и только 7,5% высказывали тревогу и неуверенность.

Такая неуверенность обусловлена, как правило, социально-экономической и политической нестабильностью, а также нарушением гражданских прав и свобод личности. Перспективы своей будущей жизни студенты связывают, в том числе, и с материальным положением своей семьи, которое в настоящее время подавляющее большинство студентов оценивает примерно также, как и у других граждан (58%). Поровну распределились ответы студентов, которые считают, что их семья живет лучше или хуже, чем другие жители.

В сравнении с результатами опроса 2006 г., в настоящее время студенты отмечают ухудшение материального положения своей семьи. Если в 2006 г. положительно уровень материального благосостояния характеризовали 83% опрошенных (в том числе 28% указали, что живут в достатке) и только 9% отметили, что их материальное положение трудное и даже бедственное, то результаты опроса 2010 г. показали, что только по мнению 4% опрошенных студентов они живут лучше, чем другие, а в основном идентифицируют свое материальное положение одинаково с другим населением.

В ходе исследования выяснилось, что студенты в подавляющем большинстве отзываются о своей родительской семье положительно, в том числе 43% опрошенных указали, что с большим уважением относятся к своим родителям, у 29% молодых людей во взаимоотношениях с родителями установились взаимопонимание, они прислушиваются к их советам. А, вот, 12% респондентов указали на отсутствие личных отношений с родителями, указав, что они живут независимо друг от друга и не допускают родителей в свою личную жизнь.

Правонарушения и преступления, нарушающие общественный порядок закономерно влияют на социальную стабильность современного общества. Ответы студентов ЮФУ на вопрос «Борьбе с какими проступками, по Вашему мнению, должно уделяться наибольшее внимание?» позволили определить пятерку наиболее значимых: убийство (69%), потребление наркотиков (67%), изнасилование (60%), наркоторговля (56%), побои (55%).

Примечательно, что проступок «измена Родине», по мнению студентов, не отнесен к числу наиболее значимых проступков, в борьбе с которыми должно быть уделено внимание. Лишь 27% опрошенных посчитали этот проступок значимым и требующим внимания. А 10% молодых людей посчитали, что в борьбе с уклонением от воинской службы также не требуется повышенного внимания.

В связи с этим, рабочая группа рекомендовала в рамках воспитательной работы вуза разработать и реализовывать мероприятия по патриотическому воспитанию молодого поколения, развивать у студентов чувства ответственности и долга, любви к своей Родине, уважения чести и достоинства своих соотечественников. Следует заметить, что в настоящее время в ЮФУ разработана и ведется системная социально-воспитательная работа и активно развивается стратегия патриотического воспитания студенческой молодежи.

Существенная часть респондентов готова бороться за свои права самостоятельно, при этом 12% опрошенных ответили, что приемлемыми формами борьбы считают любые формы, в том числе гражданское неповиновение, насильственное сопротивление властям, 30% указали только на формы, разрешенные законом (митинги, собрания, петиции и т.д.). Небольшая часть опрошенных студентов (22%) и вовсе не собираются участвовать в какой-либо борьбе. Однако, значительная часть студентов затруднилась ответить на этот вопрос (36%). Студенты демонстрируют стабильность в определении приемлемых форм борьбы за свои права по сравнению с 2006 г. Ранее также 22,4% опрошенных студентов не собирались участвовать в борьбе, 35,9 % указали, что это только формы, разрешенные законом и лишь часть опрошенных студентов (12,5%) посчитала приемлемой любые формы. При этом, девушки преимущественно не имеют претензий по поводу нарушения их прав и не готовы участвовать в борьбе за свои права (23,7% против 19,3%) или предполагает участие в ней только в рамках закона (31,1% против 28,9%), в то время как юноши готовы отстаивать свои права любыми формами, в том числе приемлют гражданское неповиновение и сопротивление властям (21,4% против 5,6%). Такая же тенденция была отмечена и по результатам опроса 2006 г.

В целом студенты не проявляют политической активности. Только 4% опрошенных ответили, что в свое свободное время посещают политические организации, собрания, митинги. Молодые люди отдают предпочтение встрече и общению с друзьями, чтению, музыке, занятиям спортом, посещением культурно-массовых учреждений.

Социологический анализ социального самочувствия студенческой молодежи позволяет сделать вывод о том, что в ментальности студентов ЮФУ преобладают ценности солидарности, единения и коллективизма, что видно из того, что в учебных группах студентами практически не ощущается их дифференциация, расслоение по материальному положению, национальному признаку, землячеству. По мнению респондентов, престиж, авторитет студента в его учебной группе зависит, прежде всего, от его успехов в учебе, от высоких моральных качеств (принципиальности, готовности прийти на помощь и др.). Большинство друзей опрошенных студентов также являются студентами вуза. Молодые люди высказываются за здоровый образ жизни, они преимущественно не курят и не употребляют спиртные напитки, но считают, что идея здорового образа жизни в студенческой среде не пользуется популярностью, а вуз использует не все возможные средства для пропаганды здорового образа жизни.

Мнение студентов о воспитательной работе сводится к тому, что воспитание должно быть непрерывным процессом и длиться не только во внеучебной работе со студентами, но и в ходе учебного процесса. В связи с этим студенты актуализируют роль института кураторства, испытывают потребность в наставничестве со стороны куратора, который выступал бы в роли координатора студента в образовательной и внеучебной жизни.

Литература

1. *Стризов А.Л.*, Социальное самочувствие: между реформистским проектом и здравым смыслом // Социальное самочувствие населения в современной России. Ростов н/Д, 2010. С. 69-85.
2. *Латин Н.И.*, Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. М., 2003, № 4.
3. Социализация и воспитание студенческой молодежи вузов Ростовской области (сравнительный анализ результатов исследований 2006, 2011 и 2013 гг.): научно-методическая монография / Под общ. ред. В.И. Филоненко; научный редактор И.А. Гуськов. М.: Вузовская книга, 2014. 516 с.

Миграционные процессы в контексте национальной безопасности на Юге России

Р.В. Петров

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Уровень национальной безопасности страны соответствует уровню безопасности каждого региона. При наличии угрозы для региона априори

возникает угроза для целостности страны, а, следовательно, и для национальной безопасности.

Одним из аспектов последствий миграции, является нарастание напряженности отношений между представителями разных этнических групп. Основные причины – неконтролируемая миграция, социально-экономическая депрессия и отсутствие внятной национальной политики. ЦИМК составил рейтинг этнической напряженности в регионах России, в топ-5 регионов с крайне высокой напряженностью и неоднократными случаями массовых насильственных действий попали Дагестан и Ставропольский край. Общий прогноз по этим субъектам – тенденция неблагоприятная, возможна дальнейшая эскалация конфликтов.

В числе субъектов с высокой напряженностью – Астраханская область, Краснодарский край, Ростовская область, прогноз – тенденция умеренно неблагоприятная, серьезный инцидент может спровоцировать массовый конфликт. В этих регионах зафиксированы случаи этнически мотивированного насилия, а также политическая активность с эксплуатацией этнической тематики.

Возникла явная трендовая угроза – рост ксенофобии и экстремистских идеологий. Необходимость изучения этого феномена и работа по снятию напряженности и предотвращению конфликтов очевидны. Если государственная политика будет малоэффективна, в обществе будет расти межэтническая напряженность, география конфликтов будет расширяться.

Миграционные процессы отражают политические и социально-экономические противоречия. Северный Кавказ характеризуется высокими показателями динамики миграционных процессов. Он занимает 2% территории РФ, а проживают в нем около 12% всего населения России. Уровень безработицы в СКФО – самый высокий в стране. 6 из 10 неблагополучных регионов находятся в СКФО: Чечня, Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия, Карачаево-Черкесия и Кабардино-Балкария. В демографических изменениях и изменениях этнического состава населения, важную роль играет трудовая и этническая миграция.

Основная доля миграции приходится на перемещения в пределах СКФО. Актуальна проблема миграции из села в город вследствие кризиса в сельском хозяйстве и роста сельского населения. Отчасти отток населения из северокавказских республик вызван политической нестабильностью. Выделяют миграционные потоки: межрегиональная миграция (за рамки СКФО), внутренняя миграция (в пределах СКФО) и международную.

Горские народы предпочитают концентрироваться в соседних с их республикой районах. Особенно много чеченцев в Дагестане и ингушей в

Северной Осетии. На Северном Кавказе наблюдается отток русскоязычного населения. Ежегодно в регионы России из республик Северного Кавказа переезжают десятки тысяч людей. В качестве причин эксперты называют высокую рождаемость, приводящую к дефициту рабочих мест (уровень рождаемости в регионах СКФО – самый высокий в России), и клановую систему, которая не позволяет поступить в вуз, продвигаться по карьерной лестнице.

В последнее время актуальна проблема миграции в СКФО турок-месхетинцев. В Кабардино-Балкарии в 1989–2010 г. их численность выросла с 4,2 тыс. до 14 тыс. человек. Это еще один очаг межнациональной напряженности.

Расположенные на Юге России горячие точки, конфликты в близлежащих странах сделали эту территорию притягательной для миграционных потоков. Этому способствовали и благоприятные климатические условия. В регионе насилие, мотивированное этническими факторами, приобретает организованный, продолжительный характер. Ситуация может выйти из-под контроля. Диаспоры зачастую не могут контролировать своих представителей. Взаимные претензии мигрантов и коренных жителей иногда носят характер мести.

Ростовская область граничит с проблемными в этом же отношении Краснодарским и Ставропольским краями. Ситуация здесь схожа с ситуацией в других регионах. Большинство конфликтов носит ненасильственный характер, они направлены против выходцев с Северного Кавказа. В некоторых из них участвуют казаки и представители армянской диаспоры, организованные группы (фанатские группировки, этнические ОПГ, общественные объединения). По прогнозу экспертов возможен рост инцидентов с применением насилия, который может привести к акциям массового характера.

В Ростовской области основным фактором этнической напряженности стала неконтролируемая миграция народов с Северного Кавказа. Программы ассимиляции выходцев с Северного Кавказа не учитывают интересы мигрантов, что ведет к возникновению очагов конфликтов, которые при эскалации переходят в межнациональную плоскость.

В результате этнической миграции нарушилось этническое равновесие, появились трения между разными национальными общинами, обострились проблемы трудоустройства, проблемы жилищно-бытового характера. Приток вынужденных мигрантов в регион вначале резко сократился, а в свете украинского кризиса резко возрос. Это происходит на фоне снижения на большей части Юга России темпов естественного

воспроизводства населения.

Миграционное законодательство в ряде субъектов РФ было приведено в соответствие с федеральным. Проблемы вынужденных мигрантов не решаются, засвидетельствованы факты нарушения их прав. Миграционная политика продолжает оставаться ограничительной. Неконтролируемые миграционные потоки представляют угрозу национальной безопасности России.

На Юге России должен быть разработан комплексный план мероприятий по гармонизации межэтнических отношений, необходимо наладить систему взаимодействия органов власти с этническими общественными объединениями, сформироваться нормативная база.

Таким образом, в связи с изменением миграционной ситуации в стране требуется изменение национальной миграционной политики, которая бы определяла стратегии решения проблем неконтролируемой миграции, которая служит источником этнической напряженности на Юге России, а также проблем вынужденных (стрессовых) переселенцев. Все заинтересованные структуры гражданского общества должны активно содействовать корректировке, так как вполне очевидно, что она не может быть делом только государственных органов.

Литература

1. Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации / Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. М., 2003. № 9 (202).
2. Герасимов И.А., Юрченко И.В. Кризис идентичности как угроза ментальным основам общенациональной безопасности // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 110–116.
3. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-н/Д., 2003.
4. Дзадзиев А.Б. Русское население республик Северного Кавказа: современные миграционные установки // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008.
5. Иванова А.А. Региональный аспект национальной безопасности на территории Российской Федерации. // Конфликты и безопасность в трансформирующемся обществе: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Вып. 5. – Сборник научных статей / Под ред. проф. В.Н. Коновалова. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2013. С. 263–268.

6. Изменения численности населения России до 2030 г. // По данным Демографического ежегодника России. // Сб. стат. Госкомстат РФ. М., 2010.

Воздействие процесса информатизации на современного общество

Д.Г. Писарева

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Современные социальные процессы, базой которых является компьютеризация и информатизация, потенциально включают в себя современные тенденции формирования и развития духовной и материальной культуры современного мира. В настоящее время стабильность экономического развития, конкурентоспособности и благосостояние страны все в большей и большей степени зависит от эффективного развития, формирование и оборота информационного ресурса. Одной из основных задач на сегодняшний момент являются социальное прогнозирование, развитие научно-технического прогресса, а также исследование перспектив процесса компьютеризации общества. Стоит отметить, что на протяжении последних нескольких десятилетий облик глобального информационного общества несколько изменился – значительно выросла ценность информации, информационных технологий и ресурсов в обществе, а факторами прогрессивного развития стали телекоммуникационные, спутниковые, микропроцессорные технологии.

«В частности, одна из наиболее распространенных фундаментальных теоретико-методологических школ XIX в. – марксизм – рассматривала информацию как надстроечный элемент социума, зависимый от социально-экономического базиса» [1].

Теории постиндустриального, информационного общества и ряд других схожих мировоззренческих построений связывает то обстоятельство, при котором они уделяют особое внимание технологической стороне развития общества, а именно информатизации и развитию информационно-компьютерных технологий [1].

Общенаучный интерес к феномену компьютеризации обуславливается многочисленными условиями, например, тем фактом, что именно XX в. заявил о новой информационной революции (были выявлены новые виды информационных технологий, методы и средства сбора, обработки и передачи данных) [2].

В процессе формирования новых компьютерных технологий, информация стала неистощимым ресурсом, одним из важнейших стратегических, управленческих ресурсов, наряду с ресурсами – человеческим, финансовым, материальным, что привело к впечатляющему рывку во многих сферах жизни общества [3]. Потребление и производство информации составляют существенную основу продуктивного функционирования и развития различных сфер жизни общества. Появление и развитие коммуникативных технологий способствует процессу информатизации. Следует подчеркнуть, что термин «информатизация» напрямую связан с возникновением качественно новых возможностей в сфере формирования, передачи и обработки информации. При этом существующие теории и концепции информатизации зачастую «делают акцент на компьютеризации мира как движущей силе научно-технического и социального прогресса» [4].

В настоящее время происходит формирование информационной цивилизации и культуры, главное значение которого определяется научным сообществом как дальнейший путь развития общества. На данном этапе особое значение приобретают процессы информатизации и компьютеризации общества, и часто именно эти процессы имеют в виду при раскрытии перспектив становления информационного общества [5]. Стоит отметить, что информационное общество является не просто продуктом «технологической эволюции человеческой цивилизации, оно представляет собой качественно иной поворот в цивилизационной траектории человечества, который сопровождается, как созидательными явлениями и процессами, так и разрушительными. Прежние ценности и устои, традиционные паттерны организации общественной жизни проходят проверку на прочность в информационном обществе, что порождает конфликт ценностей, культурные разрыв и социокультурные риски, а некоторые из них находятся под угрозой исчезновения как не соответствующие новой цифровой эпохе и ее глобализационным вызовам» [5].

Необходимо отметить тот факт, что процесс внедрения высоких технологий в ежедневный обиход жизни общества является катализатором создания классических форм социального неравенства, также является ускорителем, формирования новейшей формы неравенства, которая способна разделить людей на тех, кто владеет навыком и возможностью использования технических средств, и на всех остальных. Такая форма социального неравенства называется информационной. На всех этапах развития социологии одной из ключевых рассматриваемых ее проблем являлась проблема неравенства – особая форма стратификации, где отдельные

индивиды, социальные группы, слои и классы находятся на разных уровнях вертикальной социальной иерархии, обладающие неравными жизненными возможностями и шансами удовлетворения актуальных и разных по характеру и источникам происхождения потребностей [6]. «Имея статус проблемы не только научной, но и социальной, неравенства отличаются непроявляющим характером, сложной природой и склонностью к многоплановым манифестациям. Будучи обусловлены природой и сущностью мира, различиями в способностях и возможностях индивидов, особенностями социальной среды их обитания, они имманентны всем фазам исторического развития социума» [6].

В современных условиях разрыв в возможностях доступа к современным ИКТ постоянно растет не только между развивающимися и развитыми странами, но и между городским и сельским населением, имущими и неимущими категориями граждан внутри стран, между молодыми и пожилыми людьми и т.п. А это значит, что «выделяют, помимо информационного неравенства между государствами, еще «поколенческое» и культурно-психологическое неравенство, неравенство между пользователями информационных технологий. В настоящее время от доступа к средствам цифрового общения все больше зависит возможность реализации прав и свобод личности. Равноправный доступ к телекоммуникационным средствам общения, возможность получения необходимых навыков и знаний становится одним из условий реализации гражданских прав. Так, электронное правительство призвано упростить общение граждан и бизнеса с органами государственной власти, переведя их в формат интерактивного диалога. Однако внутригосударственное информационное неравенство между различными социальными группами и слабо развитая информационно-техническая инфраструктура препятствуют осуществлению данной задачи. Все большее количество мирового населения приходит к пониманию знания как источника богатства, совершенствуются методы защиты и сохранения интеллектуальных прав, а традиции образованного класса становятся более устойчивыми. Данные процессы заложили основу для очередного разделения населения развитых стран» – «интеллектуальная элита» [7].

Ученые подразумевают под этим класс интеллектуалов, «носителей знаний, и классе тех, кто не входит в новую информационную экономику, господствующим товаром которой становится информация. Разделение такого рода весьма жесткое, так как информационный, интеллектуальный класс сегодня имеет возможность создавать готовую продукцию фактически без применения труда других людей. В таком новом обществе уже возникли в буквальном смысле невидимые границы, разделяющие людей: мировая

паутина Интернета объединяет тех, кто имеет к ней доступ, и отсекает тех, кто лишен этого. В этом отношении внутри развитых обществ возникают жесткие классовые противоречия, которые могут привести их к серьезной деструкции и дестабилизации»[8].

Проанализировав происходящие изменения, можно сделать вывод, что массовая информатизация и компьютеризация, внедрение и формирование новых высоких технологий во все сферы общественной жизни могут вызвать поразительные изменения в экономической, политической, социальной и духовной жизни мирового сообщества, где результаты данных изменений могут иметь как положительный, так и отрицательный характер.

Литература

1. *Мозговой В.Э.* Информационный экстремизм в условиях глобализации и информатизации социума // Общество и право. Краснодар, 2015. № 1.
2. *Мозговой В.Э.* Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: дис...канд.соц.наук. Краснодар 2015,144с.
3. *Кувшинов М. В.* Феномен компьютеризации: парадигмальный и онтологический аспекты: дис ... канд. философ. наук. Саратов, 2003. 153 с.
4. *Городищева А.Н.* Информатизация и компьютеризация общества: социально-философский анализ: дис... канд.философ.наук. Красноярск, 2002.179с.
5. *Самыгин С.И., Верещагина А.В., Белов М.Т.* Угрозы национальной идентичности в информационном пространстве современного социума и риски информационной безопасности. // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 78-85.
6. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть: (опыт социолог. диагностики)/М.К.Горшков-М.: Новый хронограф,2011. 672с.
7. *Миночкин А.Л.* Информационное неравенство в современной политической системе: природа и сущность // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета .2013. №3. С.142-147
8. *Ракитянский Н.М.* Россия и вызовы глобализации // Социологические исследования. 2002. №4. С.60-66

Влияние глобализации на мир и безопасность на Юге России и Кавказе.

О.В.Полякова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Глобализация представляет собой процесс становления единой мировой системы во всех областях человеческой жизни – политике, экономике, культуре и т. д. Процесс глобализации обуславливается развитием мировой экономики, появлением новых информационных технологий, расширением связей и взаимовлияния в различных сферах жизни общества.

Глобализация – объективный и закономерный процесс, имманентно присущий современной эпохе. Конечной целью процесса глобализации является формирование и утверждение целостности, взаимосвязанности и взаимозависимости мира, создание общей производственной и рекреационной системы человечества.

Процессы глобализации, радикально меняя мировое сообщество, задают новые парадигмы его развития, по-новому высвечивают и проблемы безопасности в силу меняющегося характера вызовов и угроз, с которыми сталкивается человечество, изменения сущности безопасности в постбиполярную эпоху [4, С.111-112].

С процессами глобализации, создающей не только существенные возможности, но и определенные опасности, с необходимостью встраивания в новый глобальный мир связаны многие вызовы для современной России, сталкивающейся с комплексом проблем «цивилизационного отставания», уязвимости национальных интересов. Неоднозначность глобализационных процессов, всё глубже проникающих на субрегиональный уровень, способных породить обстоятельства угрожающего характера, обуславливает появление новых угроз национальной безопасности страны, в том числе на региональном уровне, диктуя необходимость научного анализа и переоценки её факторов.

Особенно актуальным является анализ этих процессов на Юге России и Кавказе – геостратегическом регионе с высоким конфликтным потенциалом, детерминируемых как региональными проблемами, так и динамикой глобальных изменений, геополитической реструктуризацией мира, выявление сущностных характеристик и систематизация внутренних и внешних факторов, оказывающих дестабилизирующее влияние на ситуацию в регионе и формирующих реальные угрозы национальной и региональной безопасности Российской Федерации на южном направлении. Между тем глобализационный аспект влияния на мир и безопасность Юга России и Кавказа пока изучен недостаточно.

В практическом плане важность и актуальность этот аспект диктуется необходимостью выработки механизмов политической, социальной, экономической стабилизации Юга России и Кавказа, его активного включения в общенациональные процессы модернизации российского общества, эффективной стратегии обеспечения безопасности региона, отвечающей складывающимся в условиях глобализации внутривнутриполитическим и международным реалиям.

Современное состояние безопасности Юга России и Кавказа определяется нестабильностью внутривнутриполитической обстановки, слабо контролируемой субрегиональными правящими элитами, трудностями социально-экономического характера, складывающейся новой социальной структурой, различиями национальных, религиозных, клановых и других интересов, дифференциацией и архаизацией местных сообществ, проявлениями сепаратизма и терроризма. Это означает, что необходима активная социализация Юга России и Кавказа, его включение в мировые и общегосударственные процессы модернизации, поэтапное формирование демократических институтов и основ гражданского общества, производственных мощностей и социальной инфраструктуры, эффективной правоохранительной системы, преодоление массовой безработицы, коррупции, провала в вопросах культуры и образования.

Во внешнеполитическом аспекте основу стратегии обеспечения региональной безопасности Юга России и Кавказа должны составить как восстановление и укрепление военно-стратегических позиций России в Каспийско-Черноморском регионе, расширение антитеррористического взаимодействия со странами СНГ, исламского мира, Европейского Союза и США, так и выстраивание на основе постоянного политического диалога взаимоприемлемой формулы взаимоотношений, инициация привлекательных для иностранных инвестиций торгово-экономических проектов на Северном Кавказе как фактора стабилизации и развития региона [2, С.221].

При осмыслении стратегий противодействия современному терроризму исследователи предлагают разные подходы. В частности, известный на Юге России экономист Ю.С. Колесников считает, что при разработке стратегии противодействия терроризму необходимо учитывать множество разнообразных конфликтогенных факторов, которые в рамках концепции «многомерного подхода» можно «разложить» по этажам – глобальные (геополитические, геоэкономические, военно-стратегические), внутринациональные (макроэкономические, социально-политические, этноконфессиональные, демографо-миграционные) и социально-экономические

факторы, образующие живую «ткань» процессов на мезо– и микроуровнях социума [3, С. 17-29].

Интересный подход предложила политолог Н.Е. Романченко, которая также использует многомерную матрицу противодействия терроризму: на глобальном уровне (борьба с терроризмом рассматривается как международная угроза), а также на национальном уровне, который, в свою очередь, дифференцируется на широкий (рассматривает борьбу с терроризмом как многомерным социально-политическим явлением) и узкий (борьба с терроризмом трактуется в терминах противодействия обычному уголовному преступлению). Под «широким» подходом этот автор понимает, как минимум, снижение уровня четырех блоков ключевых конфликтогенных факторов: политического, социального, этноконфессионального и демографо-миграционного, а под «узким» – скоординированный по времени и в пространстве набор следующих мероприятий: совершенствование законодательной антитеррористической базы, укрепление спецслужб и правоохранительных органов, выявление и пресечение финансовой подпитки (внешней и внутренней) террористических структур и, наконец, активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы. Имеются и другие векторы исследования антитеррористической деятельности [1, С. 78-79].

Тем не менее, в целом, в мире сложился устойчивый комплекс мер по борьбе с международным терроризмом, включающий в себя:

1. меры политического и международно-правового характера; 2. меры военного и специального характера; 3. меры по пресечению финансирования террористических организаций; 4. меры не силового характера. В настоящее время соответствующие документы, принятые в рамках ООН, ее специализированных или связанных с ней учреждений, региональных и других организаций, так же, как и национальные законодательства, сосредоточены на акциях, составляющих терроризм, и мерах их пресечения. В системе ООН, в частности, эти акции разделены на четыре категории: 1) направленные против определенных видов транспорта или конкретных сооружений; 2) направленные против конкретных категорий лиц; 3) захват заложников; 4) использование определенных веществ или устройств для террористических целей [5].

Литература

1. *Добаев И.П.* Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. Ростов н/Дону, 2011.

2. *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. Ростов н/Дону: Ростиздат, 2005.
3. *Колесников Ю.С.* Какая «стратегия» нужна Северному Кавказу // Южно-Российский форум. 2010. № 1. С. 17-29.
4. *Романченко Н.Е.* Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 68. Москва – Ростов н/Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011.
5. *Ильин Е.П.* Система противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации: становление и перспективы развития. [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет [Официальный сайт]. URL: <http://www.nak.fsb.ru>. Рубрика «Публикации».

Основные критерии и механизмы формирования этнической толерантности на Северном Кавказе

О.В. Фетисова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Межэтническая нетерпимость является источником напряженности и конфликтов, выступая одним из препятствий на пути достижения гражданского согласия, осуществления социально-экономических преобразований и утверждения демократических принципов на территории различных регионов Российской Федерации. Агрессивный национализм, процессы расширения межкультурных взаимосвязей, конфликты и распад ряда многонациональных государств – всё это полностью опровергло гуманистические иллюзии о единстве и процветании человечества.

С начала XXI века наметились повсеместные процессы утверждения самобытности и культурной уникальности, всплеска этнической идентичности, затронувшего население множества обществ разного типа и уровня развития – от традиционных до постиндустриальных. Вначале это явление было названо «этническим парадоксом современности», так как многие ученые полагали, что тенденции глобализации, унификации духовной и материальной культур и развития индивидуализма должны привести к потере значимости этнических факторов в жизни людей.

Сегодня этническое возрождение рассматривается в качестве одной из основных черт развития человечества, которая может принимать различные формы от повсеместного интереса к своим корням (попыток реанимации старинных обычаев, фольклоризации профессиональной культуры, поисков

«загадочной народной души»), до стремления создать или восстановить национальную государственность. Ситуации межэтнической напряженности возникают тогда, когда эти интересы сталкиваются с интересами других народов, появляются ситуации межэтнической напряженности.

Вот почему наибольшее значение среди всех форм толерантности в рамках любого полиэтничного общества имеет этническая толерантность. Этническая толерантность выражается в терпимости к чужому образу жизни, обычаям, традициям, нравам, мнениям и идеям. Этническая толерантность личности возникает в проблемно-конфликтных ситуациях при взаимодействии с представителями других этнических групп и не может изучаться изолированно от процессов этнической идентификации, так как все этнопсихологические феномены есть грани одного целостного явления – этнической вариативности личности.

Специфика толерантных установок Северного Кавказа заключается в том, что в основе межнациональных конфликтов лежат противоречия внутреннего характера, которые объективны и сформированы в процессе исторического и этнического развития региона.

К числу важнейших факторов, определяющих характер этнополитических конфликтов в Северо-Кавказском регионе, можно отнести:

- полиэтничный и поликонфессиональный состав населения региона;
- территориальные притязания отдельных этносов;
- негативные последствия необоснованных депортаций и репрессий в отношении кавказских народов.

Основой этнической толерантности является позитивная этническая идентичность, которую можно понимать как самоощущение индивида данного этноса в основе которого лежит позитивная оценка культуры. Формирование позитивной этноконфессиональной идентичности должно являться ядром национальной политики любого государства, при этом этническое самосознание основывается на выработке толерантного баланса по отношению к собственной и другим этноконфессиональным группам.

Этническая толерантность может проявляться практически через все сферы человеческих отношений. Как тип социально-этнического поведения и формы общения этносов можно представить этническую толерантность в развернутом структурном виде, выделяя следующие критерии:

- наличие общих мировоззренческих и мотивационных оснований для взаимодействующих этносов;

- достижение обоюдного взаимопонимания, заключающегося не только в понимании другого этнического субъекта, но и в отношении к нему как к равному партнеру по общению. Степень межэтнической толерантности при этом находится в прямой зависимости от степени взаимопонимания общающихся субъектов;
- создание условий и возможностей для постоянного взаимодействия.

Поскольку сохранение толерантности и культуры мира в полиэтноконфессиональном регионе является залогом и гарантом его стабильности, успешного функционирования и развития, без которого не могут быть решены проблемы социально-экономического характера, а также демократические преобразования общества, формирование толерантности является не только гуманитарной, но и социально-экономической задачей.

Таким образом, этническая толерантность выступает фактором обеспечения мира и безопасности и представляет собой «феномен, отражающий характер взаимоотношений и социально-политической деятельности субъектов политики, в том числе социальных, этнических, конфессиональных групп и отдельных граждан, выражающийся в их терпимости, взаимопонимании и согласии, оказывающих существенное воздействие на состояние защищенности личности, общества, государства и его регионов от внешних и внутренних угроз»[1].

Необходимо указать и на то, что характер воздействия факторов этнической толерантности является разнонаправленным: «если значимость идентификационного фактора создает основания для формирования этнической толерантности, то влияние структурного и институционального факторов может нарушать баланс в сторону интолерантности»[2].

Со структурной точки зрения этническую толерантность можно представить как тип социально-этнического поведения и форму общения этносов посредством следующих показателей:

- 1) наличия общих мировоззренческих и мотивационных оснований для взаимодействующих этносов;
- 2) понимания другого этнического субъекта и его отношения к себе как равного партнёра по общению, что выражается во взаимопонимании, а степень межэтнической толерантности находится в прямой зависимости от степени взаимопонимания общающихся субъектов;
- 3) создания условий и возможностей для постоянного взаимодействия;
- 4) поиска возможностей для совпадения интересов взаимодействующих этнических субъектов.

Этническая толерантность «отражает уровень культуры межнационального общения, является средством достижения

межнационального согласия, показателем зрелости людей, их готовности к сотрудничеству и включает в себя четыре системообразующих компонента:

- знание теории и практики реальных национальных отношений и психологии национальных общностей;
- непредвзятость позиции при оценке других людей, их национально-психологических особенностей;
- умение выбирать по отношению к представителям другого народа такой способ обращения и поведения, который, не расходясь с собственным представлением о морали, наилучшим образом отвечает индивидуальному и национальному своеобразию восприятия и оценки возникающих ситуаций;
- способность эмоционально, участливо и тактично откликаться на запросы, интересы и поступки других культур и народов»[2].

Формирование этнически толерантной возможно через выработку определенных социальных механизмов, к которым следует отнести: позитивное взаимодействие; решение конфликтных ситуаций; формирование социальной адекватности и компетентности; социально-психологическую устойчивость; социальную чувствительность и способность к эмпатии; корректировку самооценки; развитие чувства собственного достоинства и уважения достижений других.

В ходе реализации данных механизмов понятие «толерантности» наполняется конкретным личностным смыслом и способно стать реально действующим конструктом, определяющим социальное поведение человека.

Этническая толерантность предполагает наличие терпимости в отношении иного жизненного уклада, поведения, ценностей и предпочтений представителей других наций. Среди основных принципов этнической толерантности находятся принципы уважительного отношения и диалога между различными нациями.

Этническая толерантность может определяться как уважительный диалог и взаимодействие различных этнических групп, в рамках которого существует множество позиций, ценностных параметров и установок, которые считаются вполне равноправными. Современное состояние толерантности характеризуется отказом от монополизации истины, стремлением к провозглашению открытости, готовности к компромиссу, диалоговому взаимодействию, что приводит к изначальной вариативности и ситуативности различных форм этнической коммуникации.

По данным опроса Фонда «Общественное мнение», в целом по России в неприязни к лицам иной национальности признались 24% респондентов, тогда как 73% объявили, что ничего подобного не испытывают. В то же время по результатам социологических исследований, проведенных в Кондопоге

вскоре после столкновения там между русскими и чеченцами, получившего общероссийский резонанс, 49% студентов и школьников заявили, что испытывают негативные чувства к выходцам с Кавказа.[3]

Проблема миграции, остро вставшая в последние годы в связи с ростом иноэтнических миграционных потоков, стала реальным вызовом во многих странах, в том числе и России. В результате исследований проявлений экстремизма в молодежной среде, выяснилось, что неприязнь к мигрантам из стран Юго-Восточной Азии, Африки, из республик Северного Кавказа в различной форме выразили 40% опрошенных, а против роста численности мигрантов выступают 35%.[3]

На сегодняшний день проблема ксенофобии стоит как никогда остро. Как показали исследования 32% экспертов убеждены в том, что этническое и конфессиональное разнообразие России и отдельных ее регионов само по себе является значимым фактором распространения экстремизма в обществе. Но большинство экспертов (71%) утверждает, что этническое и религиозное многообразие становится предпосылкой экстремизма лишь в условиях нерешенности социальных проблем.[3]

Ксенофобия, неприязнь к чужакам существует всегда, в любой стране, в любом обществе. Как показывают исследования отечественных и зарубежных авторов, основными факторами этнических стереотипов и экстремистских настроений у населения являются:

- семейные факторы, к которым относятся особенности статуса семей и семейного воспитания;
- средовые факторы, к которым относятся влияние инонациональных укладов жизни, традиций, обычаев, проявляющееся в процессе повседневного общения;
- проявление национальной дискриминации в быту или ее отсутствие; практика правовых норм в отношении нарушителей норм межнационального общения;
- сложившиеся в референтных группах правила восприятия иных этносов;
- общественные факторы, к которым относятся явления, связанные с межнациональными отношениями и проявляющиеся в масштабах всего общества: этническая асимметрия во власти, деятельность националистических организаций;
- нерешенность социальных проблем.

Опираясь на многочисленные исследования, можно выделить наиболее важные компоненты системы борьбы с ксенофобией, к которым относятся:

- «развитие мирного сотрудничества представителей различных народов с целью пропаганды и развития культуры межнационального общения;
- формирование национально-государственной политики в сфере надгрупповой национальной идентичности, идеи отождествления с определенной группой, этносом, нацией, расой;
- воспитание уважения к общечеловеческим ценностям;
- повышение общего уровня культуры населения;
- культуросообразное воспитание, включающее творческое саморазвитие (индивидуально-смысловой аспект), освоение норм общества (социально-нормативный аспект) и жизненное самоутверждение (ценностно-деятельностный аспект);
- развитие интереса (и понимания важности) у власти к просвещению и пропаганде общечеловеческих принципов межнационального общения, способствующих вытеснению подозрительности, недоверия, неприятия по отношению к представителям других этнических групп»[4].

Межнациональная толерантность складывается из целого ряда компонентов, среди которых наиболее всего важными представляются такие, как знание истории своего этноса, его традиций, национальной культуры этноса, её места в мировой культуре, особенностей национальной культуры как выражения национальной психологии; языка межнационального общения. При этом важной составляющей толерантного сознания является эмпатия как способность к сопереживанию.

Этнически толерантное общество отвечает следующему ряду показателей:

- в нём существует равноправие между представителями различных этносов, равный доступ к различным социальным благам независимо от расы, пола, национальности, религии;
- в нём присутствует уважение и терпимое отношение к иным группам;
- в нём равными возможностями для участия в политической жизни обладают все члены общества;
- в нём законом гарантировано сохранение и развитие культурной самобытности и языков национальных меньшинств;
- в нём защищена свобода вероисповедания и неущемление прав представителей других конфессий;
- в нём развивается сотрудничество и солидарность в решении общих проблем;

– в нём происходит отказ от негативных стереотипов в области межэтнических и межрасовых отношений и в отношениях между представителями различных вероисповеданий.

Данные показатели этнически толерантного общества в той или иной степени способствуют снижению уровня имеющейся в нем напряженности, рисков и вызовов, угроз и социальных страхов, выступая тем самым в качестве важнейшего фактора обеспечения мира и безопасности.

Литература

1. *Рыжова С.В.* Доверие и этническая толерантность в условиях социальных перемен. // Социологический журнал 2016 №1 С.72-94
2. *Головатая Л.В.* Национально-культурные и этнические особенности проявления толерантности народов Северного Кавказа // Вестник отдела социально-политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН. Вып. 1. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2013. С.17-24
3. *Дрягалов В.С., Топчиев М.С.* Этническая и конфессиональная идентичности студентов в условиях обострения проблем культурно и конфессиональной безопасности поликультурного региона. // Человек, общество, управление. 2014. №3 С.96-106.
4. ВЦИОМ, пресс-выпуск №3143 1.07.2016. Молодежь Северного Кавказа: традиции и современность.

Эндогенные факторы подпитки современного терроризма на Юге России

М.А. Филимонова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В процессе непрерывного развития современного общества и всемирной глобализации невозможно избежать противоречий между столь полиэтничным и поликонфессиональным населением земного шара. Зачастую данные противоречия вырастают в конфликт, который, при несвоевременном вмешательстве государства, может перерасти в открытый террор. Терроризм, как рычаг давления и средство достижения целей определенного круга лиц, является одним из самых чудовищных проявлений человеческой деятельности, как по масштабам поражения, так и по катастрофическим последствиям.

Современный терроризм во многом отличается от терроризма прошлых лет: орудие и методы борьбы становятся все более усовершенствованными, а

террористические акции ещё более организованной и ухищренной. Террористические организации расползаются по всему миру, и Российская Федерация не является исключением. В течение последних двух десятилетий российский терроризм принял радикально-исламистский характер. В связи с этим южнороссийский регион нуждается в особом внимании, поскольку именно Северный Кавказ является очагом распространения и подпитки современного терроризма. Этот факт обосновывает актуальность выбранной темы, так как безопасность и борьба с террористическими организациями является одной из основных задач не только внутренней, но и внешней политики государства.

Существует более ста определений террора и терроризма, но ни одно из них не является достаточно полным и всеобъемлющим. Федеральный закон РФ № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» трактует терроризм как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Даже самое поверхностное исследование позволяет сделать вывод, что терроризм приобретает все большее политическое звучание. Это объясняется тем, что, во-первых, он подрывает систему государственной власти и управления, во-вторых, ослабляя государственные и общественные структуры, усиливает влияние в обществе оппозиционных антиконституционных образований; в-третьих, активизируя морально-психологическое воздействие на население, вызывает хаос, беспорядки, ожесточенность людей по отношению друг к другу; в-четвертых, выходя за пределы государственных границ, приобретает международный характер и представляет опасность для международного сообщества [1].

Современный терроризм как социально-политическое явление включает в себя следующие основные составляющие элементы [2]:

- Экстремистская террористическая идеология;
- Комплекс организационных структур для осуществления терроризма в тех или иных формах;
- Практика террористической деятельности.

Арсенал методов и форм терроризма постоянно расширяется. В том числе любые инфраструктуры общества, промышленные объекты, технологические структуры, хранилища отходов, повреждение которых чревато экологическими катастрофами, могут стать объектом атаки террористов.

Стоит отметить, что современный терроризм, на сегодняшний день представляет не разрозненные террористические группы, а хорошо отлаженный механизм, предназначенный для достижения политических целей. При этом современными террористами взят курс на использование достижений научно-технического прогресса, который порождает новые виды терроризма, разрушительная сила которых постоянно растет. В мире существует большое число поддерживающих террористов групп, различных структур, вплоть до целых государств – спонсоров терроризма. Согласно исследованиям ряда российских ученых и данных зарубежных исследовательских центров, совокупный бюджет в сфере террора составляет ежегодно от 5 до 20 млрд. долларов. Терроризм ищет новые, все более жестокие и масштабные способы устрашения, в числе которых ядерное оружие.

Особенностью современного терроризма, с которым столкнулась Россия на Северном Кавказе, является сращивание на основе идеологии исламизма религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого соответствующими международными структурами.

Исторически на территории Юга России неоднократно фиксировались разнообразные формы религиозно-политического экстремизма и терроризма, однако самым важным мобилизующим этапом для российского современного террористического движения, безусловно, является Чеченская война (1994-96 гг.). Именно это событие подготовило почву для террористов, плоды деятельности которых мы пожинаем в настоящее время.

В настоящее время на территории Российской Федерации действует ряд террористических формирований. Основой данных формирований являются т.н. «ваххабитские джамааты». Сегодня их основная масса представляет собой небольшие банды или группы, имеющие четкую территориальную дифференциацию. Анализ современной террористической ситуации показывает, что главный вектор террористической активности боевиков многочисленных террористических джамаатов в северокавказском регионе направлен, в основном, против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства.

На территории Юга России имеется множество радикально настроенных формирований. Костяк террористического движения составляет формирование *Кавказский фронт Вооружённых сил ЧРИ (Чеченской Республики Ичкерия)*. Эта террористическая организация представляет собой наиболее слаженную структуру среди российских, прочие группировки действуют самостоятельно друг от друга («Высший военный Маджлисуль

Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «Джамаат Булгар»). Отдельно выделяют крупнейшую российскую террористическую организацию «Имарат Кавказ» (сепаратистски настроенное террористическое радикально-исламистское подполье, охватывающее республики Северного Кавказа). Подпольные джихадистские сети существуют также в Татарстане и на Урале[3]. Нельзя исключать факт присутствия на территории Юга России приверженцев международных террористических организаций, таких как «База» («Аль-Каида»), «Асбат аль-Ансар», «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»), «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»), «Партия исламского освобождения» («Хизб ут-Тахрир аль-Ислами») и ставшая популярной в последнее время в связи с событиями в Ираке «Исламское государство»[4].

Современный терроризм, имеет целый комплекс факторов, способствующих его распространению на Юге России, и эндогенные (внутренние) подоплеку его возникновения занимают важнейшее место в иерархии проблем, требующих срочного государственного вмешательства. На первый взгляд может показаться, что все проблемы Юга России связаны с поликонфессиональностью и полиэтничностью населяющих его народов. Однако эти проблемы не ограничиваются исключительно религиозно-политическим экстремизмом, который распространяется на территорию России зачастую из-за рубежа. Укрепление стабильности на Юге России, а в частности на Северном Кавказе во многом зависит от преодоления социально-экономических и политических проблем региона.

Согласно официальной трактовке, основными внутренними факторами, обуславливающими возникновение и распространение терроризма в Российской Федерации либо способствующими ему причинами и условиями, являются[5]:

- 1) межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия;
- 2) наличие условий для деятельности экстремистски настроенных лиц и объединений;
- 3) недостаточная эффективность правоохранительных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму;
- 4) ненадлежащий контроль за распространением идей радикализма, пропагандой насилия и жестокости в едином информационном пространстве Российской Федерации;

5) недостаточно эффективная борьба с организованной преступностью и коррупцией, незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Однако список внутренних факторов, приведенных в данной концепции, является далеко не полным. Если рассматривать терроризм как сложное и многомерное социально-политическое явление, то специалисты выделяют ключевые (основополагающие) и второстепенные (подпитывающие) внутренние конфликтогенные факторы подпитки современного терроризма на Юге России. К ключевым относятся: политические (ассиметричная федерация, этноклановые режимы, наличие «замороженных» и вновь возникающих политических конфликтов и др.) и социально-экономические (падение реального производства и связанной с этим явлением безработицы, резкое социальное расслоение населения, системная коррупция, повальное взяточничество и казнокрадство, отсутствие реальных перспектив получить образование, хорошо оплачиваемую работу и т.д.). Среди второстепенных – демографо-миграционные и этноконфессиональные факторы. Системное и целенаправленное воздействие на них со стороны органов государственной власти создает объективные предпосылки для успешной защиты национальных интересов России[6].

Экс-президент Д. Медведев в 2009 году на экстренном заседании Совета безопасности РФ отнес к эндогенным факторам распространения терроризма «сохраняющуюся бедность населения, высокий уровень безработицы, огромные масштабы коррупции, системные деформации в государственном управлении, когда эффективность власти снижается, что ведет к утрате доверия и авторитета власти»[7]. Таким образом, вышеперечисленные проблемные категории можно выделить в третью группу эндогенных факторов, так называемые социально-экономические факторы, совокупность которых является подпиткой для двух основных: религиозного и этнополитического.

Эндогенные факторы подпитки современного терроризма на Юге России представляют собой комплекс нерешенных проблем, который при неэффективности мер государственного управления может превратиться в очаг боевых действий. На территории Юга России, а Северного Кавказа в частности, уже всюду ведется «подпольная» террористическая война. А это значит, что разобравшись в причинах её возникновения, можно бороться и с самой проблемой. В зависимости от оснований, на которых основаны цели, преследуемые боевиками (исламский радикализм, этно-политические разногласия или социально-экономическое недовольство), возможно

спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации и предотвратить запланированные протестные акции.

Литература

1. Федеральный закон РФ № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму»
2. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г.
3. Организации, признанные террористическими на основании решений Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] / Официальный сайт Антитеррористического центра СНГ. URL: <http://www.cisatc.org/134/160/208>
4. Международные террористические организации [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический портал Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/page/4570.html>
5. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 5 октября 2009 года)
6. *Добаев И.П.* Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России. – Москва - Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011.
7. Доклад *Д.А.Медведева* на экстренном заседании СБ РФ [Электронный ресурс] / Новостной портал NEWS.BCM URL: <http://news.bcm.ru/russia/2009/6/10/261/1>

Конструирование национально-государственной идентичности как ответ идеологии радикального ислама¹

О.С. Черевков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Ислам появился на территории Юга России еще в VIII в. в результате вторжения арабских завоевателей, и распространился по Северному Кавказу через территорию Южного Дагестана. В распространении данной религии сыграли факторы в первую очередь социально-экономического характера, например, освобождения от налогов. Тем не менее, даже деятельность миссионеров из Османской империи и Крымского ханства долгое время не

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

приносила весомых результатов, до тех пор, пока Российская империя в конце XVIII – начале XIX вв. не развернула широкомасштабную кампанию по завоеванию и присоединению этих земель. В этой связи впервые проявляется политическое свойство ислама как идеологической базы для антиколониального сопротивления. Более того, именно на исламских нормах впервые было сформировано квазигосударственное образование, получившее название «Северокавказский имамат», или «Имамат Шамиля». Впоследствии, данная религиозно-идеологическая основа стала прочным каркасом для тех сообществ и организаций, которые ставили своей целью сопротивление российской государственности, разрушение ее присутствия на территории Юга России, а так же экспансии ислама вглубь России.

В настоящее время особую роль в плане обеспечения безопасности России играет изучение радикального ислама в его идеологическом и политическом измерении, а так же механизмов нейтрализации, как самой идеологии радикального ислама, так и ее негативных последствий для региона. В условиях острого геополитического противостояния, внешних и внутренних вызовов и угроз необходимость объединения российского социума на основе мощной интегрирующей идентичности становится все более очевидной. И одним из механизмов нейтрализации негативных последствий вышеотмеченного ряд исследователей считает конструирование общероссийской национально-государственной идентичности, которая бы позволила сопротивляться отрицательному влиянию идеологии исламизма.

Но если мы рассмотрим данную проблему ближе, возникает некое противоречие. Как показывают социологические замеры последних лет, имеющие как федеральный, так и региональный масштаб, российская идентичность в целом сформирована. Так, по данным замеров 2011 г., «95% опрошенных в стране идентифицировали себя как «граждане России», при этом 72% ощущают свою общность с гражданами России «в значительной степени». [1: 74]. Однако, на наш взгляд, в настоящий момент такой вывод можно сделать только по отношению к большей части именно русского населения, поскольку русский народ был наименее подвергнут процессам «возрожденчества» конца 80-х – начала 90-х годов и оставался тем государствообразующим народом, который скреплял все остальные воедино. При этом нужно отметить, что даже несмотря на то, что имеют проявление факты русского национализма и возрождения православия как духовно-идеологического комплекса, ориентированного, прежде всего, на русских, большая часть русского населения была и остается этнически не ангажированной и достаточно равнодушной к религиозной проблематике.[2] Уровень этнической мобилизации русского населения, степень его

религиозности значительно уступают соответствующим показателям многих других народов Российской Федерации, в частности, это касается народов Северного Кавказа. В условиях тотального сокращения русского населения значимость общероссийских культурных ценностей и символов в северокавказском регионе резко снизилась. В этой связи можно утверждать, что в ряде республик Российской Федерации – с преобладающим титульным (нерусским) этносом – общероссийская идентичность означает скорее лояльность к государству, т.е. как раз национально-государственную, и рассматривается как патриархальное начало, нежели реальное чувство причастности к его ценностям и символам. И на первый план выступает этноконфессиональная специфика конкретных этнических общностей, проживающих в конкретном регионе. По этой причине современный вариант российской гражданской идентичности, во-первых, нереализуем в существующих условиях России и Северного Кавказа, во-вторых, совершенно недостаточен для решения межэтнических и межконфессиональных противоречий. Как отмечает исследователь Л. М. Дробижева, «важный итог двадцатилетия – сформировалась российская идентичность с ощущением у людей сильной связи с ней. Но идентичность эта хранит в себе болезненный опыт перемен и негативизм фобий и переживаний. Половина респондентов фиксировала, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни. 68% откровенно признались, что «испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей». Наиболее сильно такая неприязнь на этнической почве связана с тем, что люди иной культуры ведут себя «как хозяева на этой земле» – 63%. Другой аргумент неприязни – различия «в поведении людей, их образе жизни» – 39%» [1: 83]. Российская идентичность будто сформировалась, но это не привело к конкретным и кардинальным улучшениям в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Более того, после некоторого затишья, связанно с событиями в Украине и Крыму, межэтническая проблематика вновь встает перед российским государством и обществом. Особенно ярко это продемонстрировали события на Хованском кладбище Москвы, а так же новыми террористическими актами на территории Чечни и Дагестана.

Учитывая складывающиеся обстоятельства, нужно сказать, что более подходящей для России и Северного Кавказа выступает национально-государственная идентичность, которая выступает при данном подходе не тождеством, как в принято считать в европейской традиции, но как симбиозом этноконфессиональной принадлежности и принадлежности к государству как некоей надконфессиональной и наднациональной структуре.

Тем не менее, стоит признать, что данная точка зрения уже не раз высказывалась рядом ученых. Однако, подобный симбиоз, опять-таки, нереализуем, поскольку культурные ценности титульных народов Северного Кавказа зачастую конфликтуют с ценностями русских и иных народов, которые оказались в большей степени подвержены общемировым процессам и имеют больше связей с Европой. Данный конфликт ставит под угрозу саму суть симбиоза. И здесь ключевое значение имеет позиция радикального ислама как идеологии, которая, с одной стороны, подрывает лояльность российскому государству и обещает сохранение своей этноконфессиональной идентичности народам Северного Кавказа, с другой стороны – усиливает конфессиональный компонент идентичности в сторону радикальных исламских течений, отвергая как исламский либерализм, или просвещенный ислам, так и традиционный ислам северокавказских республик, который имеет также и этническую составляющую. Под видом сохранения своей культуры и религии в «чистом виде» происходит уничтожение и подмена ценностей и традиций у людей, которые вовлекаются в исламистские структуры. И самое главное – в эти структуры активно привлекается молодежь, что ставит под угрозу ситуацию в регионе в будущем.

В этой связи нам представляется важным пересмотреть политику в области конструирования общероссийской идентичности. В частности, необходимо гораздо более последовательное и основанное на новых технологиях прививание общечеловеческих ценностей: верховенства закона и юридически обоснованного права, равенства всех перед нем, прав человека, светскости. Необходимо также возобновление реальной деятельности молодежных организаций, которые бы придерживались антиэкстремистских и антиисламистских позиций; создание мощного и простого идеологического комплекса, который позволит консолидировать население региона в борьбе против исламистского экстремизма; усиленная идеологическая обработка населения через средства массовой информации с использованием новейших технических и пропагандистских возможностей; разрушение родоплеменных «рудиментов» во взаимоотношениях, а так же т.н. «клановости». И только следуя подобным жестким мерам, можно реализовать действительное формирование общероссийской национально-государственной идентичности на Северном Кавказе.

Литература

1. *Дробижева Л. М.* Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет // Россия реформирующаяся. 2011. № 10.

2. *Левитская А.Ф. Аксюмов Б.В.* Проблемы формирования общероссийской идентичности в поликультурном пространстве Российской Федерации: Северный Кавказ. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Хетагурова. 2015. № 4, с.188-194.

Социальные индикаторы гармонизации межэтнических отношений в Республике Крым

В.А. Чигрин

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

Любые формы социальных процессов, социальных изменений и социальных отношений, только тогда становятся полноценными объектами социологической диагностики, когда эмпирически фиксируются и сопоставляются с помощью системы социальных индикаторов. Эта система разрабатывается в процессе подготовки любого исследования, и чем более совершенной она будет, тем более полным и адекватным будет анализ изучаемых процессов и явлений. В полной мере это утверждение относится и к многочисленным исследованиям межэтнических отношений, результаты которых довольно часто противоречат друг другу.

Трудно сказать, что лежит в основе этих противоречий, методологическая «невнимательность» или политическая ангажированность отдельных социологов и политологов, но можно утверждать, что именно несовершенство используемых индикаторов приводит аналитиков и экспертов к неадекватным выводам. Приведем несколько примеров.

В начале ноября 2016 г. Фейсбук взорвала статья Ирины Бекешкиной – руководителя украинского социологического центра «Демократические инициативы». В ней автор с ужасом писала об обвальном падении рейтингов украинских партий и увязке этого падения с электоральной активностью населения. Вывод автора парадоксален: «Давайте отменим выборы, пока не произойдет политического структурирования украинского общества». На это профессор Виктор Щербина в своем комментарии справедливо заметил, что «процедура выборов - это и есть процедура политического структурирования общества, в которой граждане имеют дело с последствиями своей политической позиции - хотят они того или нет. Уважаемая автор статьи предлагает сначала каким-то способом структурироваться (создав в каком-то ином процессе партии), а потом прийти с мытыми шеями и проголосовать. То

есть давайте отменим выборы до тех пор, пока не появятся такая партия, которая покажет подходящую социологию».

Кстати, анализируя эту ситуацию, которая напоминает известный обвал социологических прогнозов на выборах Президента США, заметим, что в своих попытках оправдать собственную методологическую беспомощность наши коллеги из ближнего и дальнего зарубежья используют тезис «обострения межэтнических отношений». И здесь в обиходе их беспочвенных обвинений попадают и южные регионы Российской Федерации, в частности, Республика Крым.

При этом они, как правило, используют один-два выхваченных из контекста процесса социальных индикатора, на которых и строят свои выводы.

Так, характеризуя процессы, происходящие в Крыму, Кирилл Рогов указывает на конкуренцию «национализмов», которую он находит, прежде всего, в России: «Здесь следует упомянуть и фундаменталистский этнический национализм («Россия для русских»), опирающийся на обострение проблемы мигрантов и рост ксенофобии в периоде быстрого экономического роста, и демократический национализм новой оппозиции (Навальный), и, наконец, антизападничество и государственнический (часто именуемый имперским) национализм, в наибольшей степени проявившие себя в «крымском синдроме» [1].

При этом автор противопоставляет этой «страшной конкуренции национализмов», творящейся в России, «демократический национализм Майдана» [1]. В тени, естественно, остаются и «Правый сектор», и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», готовившие резню в Симферополе и других городах Крыма в 2014 году.

Самое печальное, что Рогов использовал для своей статьи данные «Левада-центра». Остается надеяться, что эти данные были выборочно взяты им и не характеризуют выводы авторов исследований в целом.

Кроме того им были тенденциозно преподнесены лишь отдельные социальные индикаторы, например, индикатор отношения крымчан к власти. При этом поддержка большинством крымчан, независимо от национальной принадлежности, порядка и закона, который пришел на смену «беспределу», рассматривается им как отрицательное проявление. Ни слова не говорится о том, что одним из первых законов был закон о трех государственных языках в Крыму, который эту лояльность крымчан обеспечил, ни слова не говорится об изменениях в национальном составе руководящих органов Крыма и т.д.

Увы, и наши крымские коллеги не всегда грамотно используют необходимый набор социальных индикаторов. Достаточно внимательно

прочитать резонансную статью директора Крымского института стратегических исследований Рината Шаймарданова, который, во-первых, путает индикаторы политической и этнической идентичности, а во-вторых, делает на основе этой путаницы пугающие выводы о том, что крымские татары реально почти не участвовали в выборах [2].

Вообще, по уровню электоральной активности крымских татар приводятся весьма противоречивые данные. Президент Порошенко заявлял, что «в выборах не принял участие ни один крымский татарин». С подобного рода заявлениями выступали и лидеры самозваного меджлиса.

Какова же ситуация на самом деле? Отметим, прежде всего, что за два последних десятилетия этнический портрет Крыма существенно изменился. В процессе массового и быстрого переселения татар крымское общество стало более полиэтничным, а в любом таком обществе присутствуют предпосылки либо межэтнических конфликтов, либо межэтнической гармонизации.

Следует отметить, что среди других этнических групп Крыма татары отличаются гораздо большей внутренней этнической гомогенностью, а высокоразвитое чувство этничности позволяет им даже в смешанных браках не терять своей идентичности. У них высокий уровень национального самосознания и сплоченности, осознания принадлежности к татарской культурной традиции и традиционной религии – исламу. В процессе переселения и вызванных этим трудностей произошла этнополитическая мобилизация татар.

В результате, к весне 2014 года вялотекущий этнополитический конфликт как реально существующий феномен в полной мере присутствовал в политической жизни Крыма. Здесь имело место столкновение не этносов, а этнических субъектов политики, пытающихся реализовать свои интересы, носившие взаимоисключающий характер. Этнополитические элиты активно действовали в процессе развития конфликта, искали поддержку своих позиций за пределами Крыма.

В ходе конфликта активно применялись манифестные и даже силовые методы борьбы. Последние реализовывались в самозахватах земли, столкновениях с силовыми структурами, а также в форме «крестопалов». Конфликт имел также конфессиональную составляющую, которая сегодня уже не носит определяющего характера.

Возвращаясь к выборам 2016 года, отметим, что призывы к крымским татарам «не голосовать», раздававшиеся из-за Сиваша, практически не сработали. Исключение составили 8-9 немногочисленных избирательных участков (районы компактного проживания крымских татар), явка на которых составляла менее 20 процентов, что намного больше пугающих данных

Шаймарданова. Что касается подавляющего большинства районов Крыма, то электоральная активность крымских татар была сравнимой с активностью других этносов.

Следует еще раз подчеркнуть, что и для социологов, и для политологов, которые работают по проблемам, связанным с функционированием и развитием полиэтнического социума, подобного рода ошибки в выборе социальных индикаторов и их истолковании недопустимы.

Перечислим поэтому некоторые важные индикаторы, с помощью которых следует диагностировать межэтнические отношения и процессы. Речь идет о разновидностях идентичности.

Проблему формирования общероссийской идентичности невозможно решить без глубокого понимания сущности процессов идентификации и самоидентификации, без которых затрудняется принятие социальных ролей при включении индивида в определенную группу.

Идентификация индивида с определенной социальной группой, политической партией, властью или оппозицией, этносом или территорией характеризуется комплексом представлений о социальной реальности и его месте в ней – представлений, характерных для данного слоя (группы), которые отличают ее от остальных групп и слоев общества.

Полноценная идентификация индивида разворачивается на основе завершенных идентификационных процессов, в которых Э.Д. Смит выделял родовую и половую, местную и региональную, социоэкологическую, религиозную, этническую идентификации. Именно эти идентификационные процессы помогают людям понять свою сущность, опираясь на солидарную идентичность [3].

Понятно, что этими идентификациями процесс формирования общенациональной идентичности не ограничивается. Можно утверждать, что структура входящих в нее идентичностей весьма сложна, а, кроме того, их иерархия испытывает определенные колебания, особенно в условиях трансформаций, происходящих в обществе.

Так, политические системы ряда постсоветских стран, например, Украины, не достигли надлежащей степени зрелости, а украинские партии, как свидетельствует практика присутствия во власти «разноцветных» сил, создавались далеко не всегда для отображения и защиты интересов социальных групп населения. Выборы в России 2016 года, засвидетельствовавшие, с одной стороны, крах оппозиционных партий, но, одновременно, показавшие безразличие к выборам части избирателей в части мегаполисов страны, также подтверждают вывод о том, что процесс

формирования *политической идентичности* населения этих стран еще только начинается.

Этническая идентичность – составная часть социальной идентичности личности, категория, которая относится к осознанию человеком своей принадлежности к определенной этнической общности. Считая этническую идентичность составной частью социальной идентичности, современные исследователи в то же время делают попытки выделить присущие только ей особенности.

В понятие этнической идентичности укладываются в первую очередь общие представления, которые возникают в результате осознания членами определенной этнической группы общности происхождения, культуры, языка, традиции, территории, истории и тому подобное.

Анализ результатов исследований в разных странах подтверждает тезис о том, что оторванные от политических, религиозных, региональных и других социальных факторов, сугубо этнокультурные факторы идентичности объективно не могут выступать консолидирующим началом нации [4].

Эти процессы будут длительными и сложными, тем более что здесь наблюдается существенная разница в системе идентичности граждан из разных регионов. Общество, сохраняя этническую, культурную, региональную специфику, получает признаки нации только в процессе утверждения единой идентичности. Региональная неоднородность создает уникальность государства, но, в то же время, может быть и фактором замедления процесса консолидации. Поэтому обратимся к понятию идентичности региональной.

Под *региональной идентичностью* понимается системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина» [5].

Еще Ф. Ратцель в конце XIX века писал, что мерой развития культуры является уровень духовной связи человека с конкретной территорией. Отсутствие оседлости – это отсутствие «морального корня».

Поэтому следует признать, что для части граждан именно региональный фактор по своему влиянию на специфику идентичности оказывается одним из ключевых. Наряду с этнической и национальной идентичностью региональная принадлежность может выступать как стойкая, часто, главная составляющая идентичности. Социологические данные демонстрируют весомую роль типа региональной идентичности в системе социальной идентичности граждан.

Отметим, что именно региональная, т.е. социально-пространственная идентичность выступала в качестве консолидирующего фактора,

формирующего новый уровень электорально-правовой культуры населения Крыма и Севастополя на выборах в Госдуму 2016 года.

Важным маркером для определения специфики социально-политического сознания жителей Крыма является *сравнительно-историческая идентификация*, через которую, во-первых, артикулируется принадлежность к определенному историческому поколению, а во-вторых, к тому или иному сообществу.

К ней тесно примыкает фактор *языковой идентификации*, который как политический разделитель между регионами Украины отчетливо проявился уже после выборов в 2006 г., когда областные советы южных областей начали предоставлять русскому языку статус официального на своих территориях, ссылаясь на требования избирателей. Особенно остро вопрос русского языка стоял в Крыму и Севастополе.

Кроме того русский язык, независимо от этнической принадлежности крымчан и севастопольцев, был главным языком общения. По данным переписи населения, проведенной в 2014 году в Крыму, назвало своим родным языком русский язык – 1,84 млн. чел. или 84,1% лиц, указавших свою национальную принадлежность.

Начиная с 1954 года с момента вхождения Крыма в состав Украины, власти Украинской ССР настойчиво пытались административно-командным путем внедрить здесь украинские языковые и культурные стандарты. Однако их усилия не привели к существенной украинизации. Скорее, именно украинские переселенцы оказались в поле более сильного русскокультурного влияния.

Об этом свидетельствуют результаты Всеукраинского референдума 1991 года с вопросом: «Поддерживаете ли вы акт провозглашения независимости Украины». Из 1535154 избирателей, внесенных в списки голосования по автономии «за» проголосовали только 561498 человек или 36,58%. Таким образом, почти 2/3 от общего количества крымчан не одобрили или отказались голосовать за Акт провозглашения независимости Украины, что ставит под сомнение легитимность этого референдума в Крыму.

В отличие от этого референдума, референдум 2014 года и последующие выборы, включая выборы 2016 года, в результате которых депутатами Государственной Думы стали представители всех трех наиболее многочисленных этносов Крыма, по всем основным социальным индикаторам подтвердили существование тренда на гармонизацию межэтнических отношений на полуострове. На этой основе, а также привлекая данные ряда исследований, мы можем утверждать, что здесь активно формируются новые

виды гражданско-территориальной идентичности, которые образно заключены в выражении: «Наше единство в нашем многообразии. Наша сила в нашем духовном взаимообогащении»!

Литература

1. *Рогов К.* «Крымский синдром: механизмы авторитарной мобилизации». Контрапункт, сентябрь 2015. № 1.
2. Электронный ресурс. Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2197820.html?utm_source=infox.sg
3. *Смит Э. Д.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий нации и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.
4. *Taylor Ch.* Sources of the self: the making of the modern identity. – Cambridge, Mass: Harvard University Press. – 1989
5. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в историческом ядре европейской России //Социс. 2005. №3.

Технологии предупреждения межэтнических конфликтов на юге России

О.М.Шевченко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Современные глобальные трансформации сопровождаются кризисом идентичностей как на уровне общества и составляющих его групп, так и на уровне включенности отдельных обществ в глобальную систему взаимодействий. Казалось бы, глобализация направлена на создание единого мирового сообщества, в котором происходит сближение всех микро- и макросоциальных общностей: этносов, наций и государств. Однако интенсификация интеграционных процессов сопровождается нарастанием прямо противоположной тенденции – дезинтеграции, хаоса и стремления к локализации. В такой ситуации актуализируются символические границы идентичности: этнические, цивилизационно-религиозные, национальные. Это способствует росту ксенофобии.

Высокий уровень ксенофобии является одной из значимых проблем не только для мира в целом, но и для нашей страны. Постсоветские трансформации, происходящие в российском обществе, повлекли за собой затяжное кризисное состояние во всех сферах жизни россиян. В подобных условиях стала усиливаться деструктивная активность населения. Под влиянием чувства социального протеста или в поисках смысла жизни часть населения либо пополняет ряды экстремистских политических организаций,

либо, сбиваясь в стихийные группировки, начинает искать виновных в сложившейся ситуации. Идеологический вакуум и смутные перспективы на будущее уже сегодня порождают ситуацию нестабильности, а в дальнейшем угрожают непредсказуемостью направления общественного развития.

В настоящее время сильное влияние на дестабилизацию межэтнических отношений на Юге России оказывают процессы геополитического соперничества в регионе. Это проявляется в активизации усилий основных международных игроков, сетевых идеолого-политических структур, включая международные сети религиозных фундаменталистов и радикалов, направленных на разбалансирование межэтнических отношений в регионе. Поликультурность юга России делает его потенциально конфликтогенным.

Наиболее уязвимой социальной группой, подверженной деструктивным влияниям, является молодежь. Особенностью данной социально-демографической группы выступает ее эмоционально-психологическая неустойчивость, отсутствие твердых ценностных установок, нравственный релятивизм. Данные черты свидетельствуют о незавершенности процесса личностной социализации молодого поколения, поиске своей социальной идентичности, социального статуса. Маргинальное состояние данной демографической группы часто сопровождается повышенным интересом к традиционным видам идентичности – этнической, религиозной, цивилизационной. Кроме того, молодежь как слабо защищенная в социальном и мировоззренческом плане социальная группа, часто попадает под влияние экстремистских идей, распространяемых в информационно-сетевом пространстве.

Согласно современной теории аффилиации, каждому человеку в той или иной степени присуща потребность принадлежать к группе, то для большинства людей в неустойчивой социальной ситуации, связанной, например, с переходной фазой общественного развития, принадлежность становится наиболее приемлемым способом вновь ощутить себя частью некоего целого, найти в нем психологическую поддержку.

На наш взгляд, актуализация традиционных видов идентичности в молодежной среде Юга России обусловлена как внутренними проблемами региона, так и внешними геополитическими процессами, происходящими в мире.

Внутренние проблемы связаны с затянувшимися кризисными явлениями российского общества, проявляющимися в экономической и финансовой нестабильности, высоком уровне безработицы в отдельных республиках региона, в углубляющемся социальном неравенстве, духовном вакууме. Исследователи отмечают, что сегодня, по-прежнему «российское

общество пребывает в глубоком мировоззренческом кризисе. Как и раньше России находится еще очень далеко на пути обретения органичной, имманентной общенациональной идеи, кризис идентичности не только не преодолен, но и усугубляется по мере исторического отдаления от советского прошлого» [1, с. 130]. В такой ситуации рост ксенофобии в молодежной среде представляет собой реакцию психики на социальную и духовную дезорганизацию, социально-экономическую нестабильность, которая обостряет конкуренцию за материальные, финансовые и властные ресурсы.

Как известно, в кризисные периоды развития общества резко возрастает значимость этнических/религиозных маркеров, что связано, прежде всего, со стремлением к стабильности, определенности. Помимо этого, этническая/религиозная принадлежность позволяет объяснить те или иные причины наличия деструктивных явлений в обществе, что в свою очередь, приводит к созданию «образа врага», часто приобретающего этническую или религиозную окраску, виноватого во всех социальных проблемах.

Кроме того, психологи усматривают причины межэтнических конфликтов в нарастании в обществе фрустрации, то есть психологического состояния тревоги, безысходности, бесперспективности [2]. По сути, в основе роста различных проявлений ксенофобии лежат социально-психологические факторы, которые представляют собой совокупность социальных условий и психологических переживаний, отражающих состояние страха перед реальными или потенциальными угрозами идентичности или даже существования индивидов, а также состояние неудовлетворенности социальной группы сложившейся ситуацией.

По мнению отечественных социологов, сегодня молодежный экстремизм в России является, в первую очередь, следствием «деформации процесса формирования и развития личности молодого человека» [3, с. 92]. В свою очередь, деформация процесса социализации личности обусловлена социальными процессами, происходящими в обществе, а именно социальной маргинализацией, нравственным релятивизмом, сегментацией политической культуры, неопределенностью векторных тенденций развития общества.

Наряду с этим, ряд исследователей отмечают, что ренессанс «этнической идентичности не есть нечто самопроизвольное, оно обусловлено в высокой степени конкретными общественными интересами и групповыми потребностями, в том числе и политического, экономического, культурного характера» [4, с. 408].

Следует отметить, что ксенофобия является не только защитной реакцией психики на нестабильность внешней среды, но и в определенном смысле технологией, позволяющей управлять поведением человека, формируя

в его сознании нужные образы «чужих». В условиях обострения геополитической конкуренции ксенофобия представляет эффективный инструмент политической мобилизации социальных групп (этнических, религиозных, национальных и т. п.) для реализации своих целей [5].

Неуклонно растущее распространение Интернета, появление социальных сетей способствует распространению экстремистских идей среди молодежи. Специалисты отмечают, что «политизация и радикализация ислама по-прежнему остается одним из главных факторов террористической угрозы на Юге России» [6, с. 61]. Это актуализирует проблему информационной и духовной безопасности молодого поколения. Исследователи отмечают, что в духовной сфере российского общества имеют место такие негативные явления, как «снижение социального самочувствия населения России, кризис идентичности россиян, снижение патриотизма, рост девиантных и делинквентных форм жизненной самореализации, разводов, беспризорников, суицидов, забвение российской истории, культуры и увлечение образцами западной культуры в её негативных проявлениях, снижение образовательного и интеллектуального потенциала нации и т.д.» [7, с. 202].

В связи с этим надо постоянно заниматься системной организацией информационной защиты, как всего общества, так и её наиболее уязвимой части – молодого поколения. Системный подход подразумевает реализацию комплекса мер, основанных, прежде всего на глубоком и всестороннем, исследовании угроз информационной безопасности и изучении поведения молодого поколения в киберпространстве [8]:

- Расширение и совершенствование законодательных инициатив по обеспечению государством информационной безопасности детей и юношества, защите их физического, умственного и нравственного развития, человеческого достоинства во всех информационно-коммуникативных средах.

- Развитие теории информационной безопасности и методологии защиты информации на уровне личности молодого человека и молодого поколения в целом.

- Просвещение подрастающего поколения в части использования различных информационных ресурсов, принципов поиска информации в сети Интернет, знания элементарных правил отбора и использования информации, сохранения здоровья и нормального развития.

- Формирование у учащейся молодёжи в процессе учебного процесса активной позиции в получении знаний и умений по выявлению информационных угроз, определению степени их опасности, предвидению последствий информационных угроз и эффективному противостоянию им.

- Развитие качественных и доступных аппаратных и программных

средств защиты от несанкционированного доступа, как к техническим средствам конечного пользователя, так и к его личной информации; обеспечение их доступности для молодёжной аудитории.

– Акцентирование внимания на развитии морально-этических правил и норм поведения молодёжи в виртуальном пространстве, в том числе и соблюдению прав интеллектуальной собственности в сети Интернет.

В целом, необходимо понимать, что молодёжь, погруженная в информационное, достаточно рискогенное на современный день пространство, является объектом влияния различных политических групп экстремистского тока.

Сегодня юг России является средоточием и смешением самых различных этнических, национальных, цивилизационных моделей социального развития. Спецификой региона является то, что по нему проходит линия «разлома» между христианской и мусульманской цивилизациями. В связи с этим, регион представляет собой сложный узел проблем, обусловленных не только конкурентной борьбой мировых акторов за свои геостратегические интересы, но и этническими и конфессиональными противоречиями. Использование ксенофобии как политической технологии для разжигания межэтнической и межконфессиональной вражды повышает риски и угрозы региональной безопасности. В связи с этим остро стоит проблема профилактики ксенофобии среди молодёжи юга России.

Весь мировой опыт доказывает, что с такими укоренившимися общественными болезнями, как ксенофобия, экстремизм и другими, нельзя бороться только «сверху», исключительно усилиями власти. Должна формироваться и противостоящая им идеология толерантности, основными проводниками которой может быть только интеллектуальная элита общества, хотя и не без поддержки официальной власти и средств массовой информации. Осознание опасности раскола общества, угроза политической стабильности в полиэтничном государстве, которым является Россия, вынуждает объявить ксенофобии настоящую информационную войну.

В качестве основных способов информационной атаки на ксенофобию можно применять, во-первых, постоянный мониторинг, при помощи которого отслеживать ксенофобские идеи в выступлениях политиков, общественных деятелей, журналистов и т. д. Во-вторых, привлекать к оценке ксенофобии и ее негативных проявлений значимых для общества людей: политических лидеров, религиозных деятелей, популярных ведущих телевизионных программ. В-третьих, задействовать в формировании толерантности и политической корректности массовую культуру, формирующую стереотипы массового сознания.

Важно отметить, что политическая корректность становится общественной нормой не за счет появления большого количества директивных актов, а в процессе формирования и распространения политической культуры в обществе. Необходимо осуществить переход от этнических, конфессиональных или иных маркеров идентификации к социально-политическим характеристикам, т. е. начать формировать гражданскую культуру в обществе, которая станет основой гражданской идентичности населения России. Именно утверждение гражданской идентичности в российском обществе, по мнению исследователей, является основой формирования прочной национальной солидарности, базирующейся на отождествлении индивида со своими согражданами, ответственности за судьбу страны [9].

Опыт разных стран показывает, что важнейшим фактором в формировании гражданской культуры и культуры толерантности в целом выступает образование. Именно гуманитаризация образования, на наш взгляд, способна ориентировать молодежь на непредубежденность и открытость по отношению к миру во всем многообразии его проявлений.

Литература

1. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Назарова Е.С.* Цивилизационные ориентации молодежи Юга России: конфликтологический аспект // *Конфликтология*, 2009, № 4, С.128-145.
2. *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: «Прайм – Еврзнак», 2001. 512 с.
3. *Барков Ф.А., Сериков А.В.* Тенденции интеграции и дезинтеграции в молодежной среде юга России и проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи // *Гуманитарий юга России*, 2014, № 2, С.75-93.
4. *Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А.* Человек этнический: проблема этнической идентичности // *Вопросы социальной теории*, 2010, Т. IV, С. 396-408.
5. *Шевченко О.М., Штофер Л.Л.* Ксенофобия как эффективная технология современных информационных войн // *Гуманитарий юга России*, 2015, № 1, С.98-108.
6. *Бережной С.* Радикальный исламизм на юге России: мифы и реальность // *Россия и мусульманский мир*, 2005, № 9, С.61-69.
7. *Павлова Т.А.* Духовная безопасность российского общества как условие обеспечения социальной безопасности // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество*, 2013, №5. С.202-206.
8. *Верещагина А.В., Самыгин С.И., Шевченко О.М.* Система

комплексной безопасности современного общества в контексте национальной безопасности России в условиях новых вызовов и угроз. М.: РУСАЙНС, 2016. 152 с.

9. *Шевченко О.М., Данелюс Д.В., Серикова И.Б.* Ксенофобия как угроза формирования гражданской идентичности в современной России // Социально-гуманитарные знания, 2014, № 11, С. 66-77.

Религиозный экстремизм как угроза миру на Юге России: меры профилактики

Е.Л. Щукина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В современном мире актуализировались вызовы, обусловленные расширением террористических угроз со стороны радикального псевдорелигиозного учения – исламизма и деятельности псевдоисламского государства ДАИШ. Поскольку в эпоху цифровых технологий и масс-медиа, идеологи данного движения, запрещенного в нашей стране, активно используют социальные сети для вербовки новых адептов, возникла необходимость противопоставить им действенные технологии контрпропаганды и борьбы с данным явлением.

Проблемам исследования деструктивной идеологии исламизма посвящено много научных работ, а различные аспекты терроризма и экстремизма в России, в особенности на Северном Кавказе, изучаются многими отечественными исследователями: А.К. Алиев, В.А. Бурковская, С.А. Гончаров, В.В. Дегоев, В.Д. Дзидзоев, И.П. Добаев, Ю.П. Кузнецов, А.В. Сериков, Р.Р. Фатхутдинов, В.В. Черноус и др. Тем не менее технологии борьбы с данным явлением религиозного экстремизма, еще нуждаются в уточнении и междисциплинарной исследовательской работе, с целью выработки стратегии борьбы с ним в современном российском социуме, и совершенствовании профилактических мер по недопущению распространения среди молодежи.

В настоящее время, в рамках российской правовой системы принято достаточно большое количество нормативно-правовых актов, квалифицирующих составы преступлений террористической и экстремистской направленности. Вместе с тем, проблема ликвидации и минимизации террористических и экстремистских угроз в южнороссийском регионе все еще продолжает оставаться актуальной. В частности, хотелось бы остановиться на двух аспектах: во-первых, необходимости дальнейшего

изучения самой природы технологий, используемых для вербовки неофитов (новообращенных) в религиозные организации, и не обязательно радикальные исламистские. Данные психотехники являются универсальными и используются для вовлечения в различные деструктивные религиозные структуры, секты, они наносят непоправимый ущерб психическому состоянию личности и адекватности восприятия окружающей действительности. Во-вторых, как отмечают многие эксперты, прежде всего, следует заниматься профилактической работой, с целью недопущения распространения экстремистских и террористических организаций, и увеличения численности их приверженцев. Данное направление деятельности государства, общества, научно-педагогического сообщества еще требует разработки конкретных технологий, а также принятия широкомасштабной программы молодежного воспитания, начиная с раннего возраста.

Массовое сознание молодежи является более восприимчивым к воздействию идей радикализма, когда благие цели социальной справедливости подменяются радикальными методами их быстрого решения. В современном массовом сознании молодежи наблюдается существенная конкуренция ценностей и интересов, декларируемых традиционной соционормативной культурой с гедонистическими идеалами, порождаемыми обществом потребления. Возрождение традиционных ценностей является одной из тенденций мирового развития в условиях глобализации, становясь, в свою очередь, источником настоящих и будущих этнокультурных конфликтов. С данным явлением тесно связан и «религиозный ренессанс», как компенсаторный механизм адаптации личности к агрессивному влиянию внешней среды, приводящий, порой, к росту религиозного фундаментализма и даже экстремизма.

Многие исследователи определяют «экстремизм» как приверженность крайним взглядам, но это не вскрывает саму суть явления. Прежде всего, необходимо анализировать действия отдельных групп людей, религиозных структур, так как именно они побуждают молодежь менять своё мировоззрение, отношение к жизни и совершать поступки экстремистского характера.

Религиозный экстремизм – это несогласие со сложившейся традиционной системой религиозных ценностей и устоев в обществе, сопровождаемое навязыванием своих мыслей, взглядов, идей и ценностей. Его основной целью является признание определенной религии главенствующей и угнетение других религиозных верований.

Определяющим элементом экстремизма является идеология, которая мотивирует индивидов на экстремистскую деятельность. Такое определение

дает В. А. Бурковская, делая акцент на признаках экстремистской идеологии: « «однозначное» объяснение проблем существующего мира и предложение таких же «простых и обязательно помогающих» способов решения проблем; разделение бытия на «абсолютное добро» и «абсолютное зло», причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему; гиперболизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, несоответствующего принятой в обществе иерархии ценностей; игнорирование, нивелирование других ценностей и норм» [1,с.15].

Экстремистская деятельность всегда направлена во внешнюю среду, так как её субъекты желают навязать социуму свои личностные взгляды на жизнь. Данные субъекты выступают против сложившихся норм и традиций поведения в общественной жизни, пытаются их нарушить, дестабилизировать для достижения определенных целей, навязывая свои социальные, политические, религиозные и иные взгляды.

Недостаточно эффективная и скоординированная правовая и общественная деятельность по предотвращению религиозного экстремизма является главной проблемой успешного противодействия данным явлениям. Необходимо всесторонне задействовать в борьбе с экстремизмом не только все правоохранительные органы, органы государственной власти, которые должны координировать свои совместные действия, но и граждан страны, предупреждая террористическую и экстремистскую деятельность на ранних стадиях, с помощью профилактических мер.

Под профилактикой понимается деятельность общегосударственной системы противодействия терроризму и экстремизму, которая включает в себя определенный комплекс мер, способных выявить и устранить причины, среду распространения экстремистских угроз.

Профилактика может осуществляться по нескольким направлениям: системная организация противодействия экстремистским идеологиям; повышение контроля над выполнением административных, правовых, социальных и других предписаний в борьбе с терроризмом и экстремизмом; мониторинг сети Интернет, с привлечением заинтересованных граждан к выявлению материалов экстремистской направленности.

Как уже указывалось, наиболее важной является профилактическая работа среди подрастающих поколений, так как именно они в большей степени уязвимы. Лидеры экстремистских группировок различной направленности вовлекают молодежь, находящуюся в сложной жизненной ситуации, обещают им быстрое решение всех насущных проблем. Следовательно, профилактика экстремизма среди молодого поколения

выступает более адекватным способом противодействия, чем ликвидация последствий уже свершившихся фактов радикальных проявлений.

Необходимо формировать правовую культуру молодежи для того, чтобы они знали свои права и обязанности. «Важно сформулировать более широкий и системный подход к образованию во всех регионах страны. В частности, понятие «образование», по-видимому, должно включать в себя не только “информирование” и привитие различных профессиональных навыков, но и систему непрерывного нравственного воспитания» [2].

Нельзя забывать и о патриотическом воспитании граждан страны. «С учетом современных задач развития Российской Федерации целью государственной политики в сфере патриотического воспитания является: создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны; повышение уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России; обеспечение преемственности поколений россиян, воспитание гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию» [3]. Данная программа призвана способствовать формированию у граждан Российской Федерации высокого уровня патриотического сознания, выполнению гражданского долга, верности к своему Отечеству и обязанностям по защите интересов страны.

Террористические и экстремистские группировки всё чаще используют Интернет в качестве массового информационного воздействия на молодое поколение. Причиной данного явления служит легкий доступ, анонимность, мгновенное распространение информации, простота в эксплуатации и невозможность тотального регулирования данного ресурса государственными структурами.

Согласно ст. 13 Федерального закона от 25.07.02 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: «На территории Российской Федерации запрещаются распространение экстремистских материалов, а также их производство или хранение в целях распространения. В случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, производство, хранение или распространение экстремистских материалов является правонарушением и влечет за собой ответственность.

Информационные материалы признаются экстремистскими федеральными судами по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по

соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу» [4].

«В исследовательской литературе отмечается, что на сегодняшний день накоплен значительный опыт применения судебных гуманитарных (лингвистических) экспертиз в расследовании криминальных проявлений экстремизма, в результате производства которых разрешаются вопросы наличия экстремистских призывов и пропаганды» [5, с.39].

«В 2015 году в Российской Федерации наметилась негативная тенденция в динамике преступности экстремистской и террористической направленности. Зарегистрировано 1329 преступлений экстремистской направленности, что на 28,5% больше, чем в 2014 году (1034). Рост числа этого вида преступлений отмечен в 56 субъектах Российской Федерации. Количество таких преступлений, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), возросло почти на 40% в сравнении с 2014 годом» [6].

Наибольшую опасность для граждан нашей страны представляют сайты, с веб-страниц которых идет распространение идей терроризма и экстремизма, разжигание национальных, религиозных, идеологических и иных конфликтов. Также посредством данных интернет-сайтов, транслирующих казни, пытки, убийства военных и мирных жителей, выполняется политика широкомасштабного давления на психику.

С 1 ноября 2012 г. начала свое функционирование система интернет-фильтрации, основой которой является Единый реестр запрещенных сайтов, разрешающая перекрывать доступ к различным видам сайтов по всей стране. На данный момент список состоит из более 900 сайтов, распространяющих экстремистские идеи и, примерно, 4 000 материалов, признанных судами экстремистскими. Также, 30 декабря 2013г. Президент подписал закон о внесудебной блокировке сайтов с призывами к экстремистским действиям, массовым беспорядкам и даже к проведению несогласованных публичных мероприятий. Доступ к сайтам обязан закрываться в срочном порядке без проведения судебной процедуры, данное решение принимается лишь Генеральной прокуратурой. Она не должна сообщать причину блокирования домена. В этот список входят: Интернет-газета Каспаров.ру (kasparov.ru), Сайт организации Хизб-ут-Тахрир (hizb-ut-tahrir.org) - ресурс заблокирован по приказу от 17 марта 2014 г., внесен в реестр 8 ноября 2014 г. Убий русского! - это просит старуха мать (стихотворение) (robinbobin.livejournal.com.), Имарат Кавказ (тема на форуме) (forumkavkaz.com.), Обращение халифа правоверных (аудиофайл)

(musicov.net.) и многое другое. В данный реестр включено примерно 950 сайтов, но полный список всех реестров есть лишь у Роскомнадзора, поэтому сложно обозначить точное число запрещенных страниц [7].

Однако эти запреты не предотвращают использование различных социальных сетей (прежде всего, ВКонтакте) для распространения документов, побуждающих к насильственным действиям в отношении других лиц по религиозному, национальному и другим признакам.

Информационный экстремизм, использующий «всемирную паутину» можно охарактеризовать по следующим параметрам: во-первых, это антисоциальность, так как он нарушает сложившиеся положительные модели социального взаимодействия, подрывая баланс интересов, тем самым создавая поле для конфликтного пространства; во-вторых, радикальность действий в целях достижения поставленной цели; в-третьих, аморальность, поскольку экстремистская деятельность не соответствует духовно-нравственным нормам, а информационный экстремизм способствует ее беспрепятственному развитию; в-четвертых, противоправность результатов, так как иногда информационный экстремизм не противоречит закону, но влияет на психику и может подтолкнуть к противоправным действиям. В наши дни очевидна необходимость вовлечения в борьбу с данными явлениями не только всех ветвей власти и правоохранительных органов, но и гражданского общества, для создания более эффективного механизма профилактики экстремистских и террористических явлений на современном этапе. Также следует совершенствовать правовую базу по блокированию экстремистских материалов и сайтов.

Во главу угла должна быть поставлена профилактическая работа. Значение первичной профилактики невозможно переоценить, поскольку именно иммунизация подростков в отношении экстремизма, неприятие, отторжение данной идеологии, как таковой, есть основа предотвращения рекрутирования новых членов в экстремистские формирования. Вторичная профилактика представляет собой уже непосредственную работу с участниками экстремистских формирований. Поэтому, наиболее значима первичная профилактика, с помощью которой создаются различные препоны для прихода подростков, молодежи в экстремистские формирования. Сюда относится иммунизация к гитлеровскому фашизму, идеологии ненависти и нетерпимости, неприятию религиозного экстремизма, которая дается, в первую очередь, в процессе уроков истории, литературы, основ религиозных культур и светской этики.

Умеренную эффективность в профилактике экстремизма дают уроки толерантности – ознакомление учащихся с многообразием различных

культур. Подростки далеко не всегда сразу оказываются в экстремистском формировании. Чаще всего, туда они попадают из другого неформального движения, которое оказываются промежуточным звеном для такого перехода.

Основные направления работы по профилактике молодежного экстремизма должны включать, прежде всего: отрицательное отношение к насилию, неприятие насилия, как способа разрешения проблем, споров в межэтнической коммуникации; неприятие экстремистской идеологии как таковой, недопущение героизации фашистских лидеров и лидеров экстремистских группировок; ликвидацию экстремистских формирований путем вовлечения заинтересованных граждан в отслеживание противоправного Интернет-контента.

Литература

1. Бурковская В.А., Криминальный экстремизм в современной России. М.: Институт правовых и сравнительных исследований. 2005. 216 с.
2. Юнацкевич П.И., Чигирев В.А., Горюнков С.В. Терроризм: профилактика и борьба / Под ред. В.А. Чигирева / Серия книг: Теория и методика профессионального образования и воспитания взрослых. СПб.: «Институт нравственности», 2006. 60 с.
3. Патриотическое воспитание. [Электронный ресурс] URL: <https://edu.tatar.ru/nurlat/sch8/page2469102.htm> (дата обращения: 07.04.2016).
4. Федеральный закон РФ от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»// Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 07.04.2016).
5. *Осадчий М. А.*, Судебно-лингвистическая экспертиза вербальных форм проявления экстремизма с учетом изменений от 27.07.2006 // Уголовный процесс. № 10 октябрь 2006 г.
6. Бастрыкин предложил приравнять фальсификацию истории к экстремизму // Российская газета. 18.04.2016. URL: <https://rg.ru/2016/04/18/bastrykin-predlozhit-priravniat-k-ekstremizmu-falsifikaciiu-istorii.html> (дата обращения: 07.11.2016).
7. Ресурсы в реестре сайтов, заблокированные по закону Лугового // Сова. Информационно-аналитический центр. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2014/10/d30228> (дата обращения: 07.11.2016).